

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ВОПРОСЫ
МОЛДАВСКОГО
ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
—
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

ВОПРОСЫ МОЛДАВСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

*Доклады научных сотрудников
Института языкознания АН СССР
и Института истории, языка и литературы
Молдавского филиала АН СССР
на совместной сессии, посвященной вопросам
молдавского языкознания*

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — 1953

Редакционная коллегия:

*академик В. Ф. Шишмарев, В. П. Сухотин,
Д. Е. Михальчи*

О Т Р Е Д А К Ц И И

В начале декабря 1951 г. в Кишиневе была проведена совместная научная сессия Института языкознания АН СССР и Института истории, языка и литературы Молдавского филиала АН СССР по вопросам молдавского языкознания.

Настоящий сборник содержит материалы сессии и издается на основании постановления Президиума АН СССР.

Некоторые доклады в порядке редакционной обработки были подвергнуты сокращению. Это в особенности относится к докладу бывшего директора Института истории, языка и литературы Молдавского филиала АН СССР И. Д. Чебана, поскольку в этом докладе пришлось опустить некоторые части, содержащие неточности и ошибки (смешение языка с орфографией, литературного языка с общенародным языком и т. п.). Основные принципиальные положения докладов полностью сохраняются. Однако, имея в виду, что материалами сборника будут пользоваться в своей повседневной работе молодые научные работники, учителя, аспиранты и студенты, редколлегия сочла необходимым устранить то, что является явно ошибочным и может привести к недоразумениям и путанице.

В. В. Виноградов

**ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ СОВЕТСКОЙ НАУКИ
О ЯЗЫКЕ В СВЕТЕ РАБОТ И. В. СТАЛИНА
ПО ЯЗЫКОЗНАНИЮ**

I

Значение труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» для развития общественных наук очень высоко оценено прогрессивными учеными всего мира. Для филологии вообще, для языкознания в особенности труд И. В. Сталина открыл новые пути и задачи исследования, новые точки зрения в сфере понимания природы языка, его структуры, его функций, законов его исторического движения. Языку возвращена роль базы всех филологических дисциплин, и вместе с тем в новом свете, на основе впервые раскрытого отношения языка к другим общественным явлениям объяснены связи, взаимодействия и специфические отличия языкознания, литературоведения, этнографии, фольклористики, истории материальной культуры.

Впервые в истории науки о языке на основе принципов марксизма-ленинизма описан самый объект лингвистического исследования — язык как специфическое общественное явление, очерчены его функции как средства общения и обмена мыслями между всеми членами общества независимо от их социального положения, установлены исторические закономерности изменений языка, тесно связанные с историей общества, с историей народа, с процессом последовательных исторических трансформаций таких общностей, как племя, народность, нация — нация буржуазная и нация социалистическая, охарактеризовано отношение языка к культуре, показаны коренные различия между языком и общественно-идеологическими надстройками (воззрениями и учреждениями), четко разграничены основные составные части или конструктивные элементы языка и указано их соотношение, открыт закон разных темпов изменений основы языка (его основного словарного фонда и грамматического строя) и словарного состава, выдвинуто как основная задача языкознания исследование внутренних законов развития языка, намечены критерии и приемы анализа исторического совершенствования языка.

Углубляя, развивая и обобщая взгляды Маркса, Энгельса и Ленина на общественную природу языка, на законы его истории, на значение языка в развитии общества, И. В. Сталин изложил стройную теорию общего марксистского языкознания, охватывающую основные его вопросы, и дал языковедам мира ясную программу разработки теоретического, а также исторического и сравнительно-исторического языкознания на основе творческого марксизма. Вместе с тем в труде И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» научная теория языкознания и краткий очерк развития языков в связи с развитием общества включены в широкий круг вопросов истории человечества, современного положения народов и их освободительной борьбы. Здесь с большой зоркостью и глубиной раскрыта творческая сила и непреходящее значение народов в истории человеческой культуры и даны ответы на самые жгучие, самые острые вопросы современности.

Произведения И. В. Сталина по вопросам языкознания дают народам мира ясную перспективу борьбы за свободное от провинциальной ограниченности и от чуждых антинародных примесей развитие национальных языков и культур. Они призывают всех прогрессивных деятелей культуры к защите общенародного языка, к охране его национальных основ, к борьбе против засорения и опошления национального языка жаргонными, «классовыми», паразитическими словами и выражениями, к развитию демократических традиций отношения к родному языку.

II

В произведениях классиков марксизма-ленинизма разъяснены не только сущность и структура языка, не только законы развития языка и характер его связи с другими общественными явлениями, но и раскрыто внутреннее содержание таких исторически развивающихся понятий, как народ и его культура.

Эти понятия или недостаточно точно определялись или прямо искажались в нашей исторической и филологической науке. Творческий марксизм устанавливает подлинные исторические связи, взаимодействия, соотношения и различия между разными явлениями и сторонами общественной жизни. В сталинском учении о языке получили глубокое и точное определение все те общественные явления и категории, с которыми связан язык в своем развитии. Творческий марксизм отличается тем, что, открывая законы современного развития общества и ярко освещая его будущее, его перспективы, он вместе с тем все-сторонне отражает и научно обобщает весь исторический опыт прошлого.

Разоблачив антимарксистские предпосылки и устои «теории» Н. Я. Марра и его «учеников», работы И. В. Сталина доказали советским языковедам необходимость пользоваться научным методом творческого марксизма и создали прочную, незыблемую теоретическую базу для правильного решения всех основных вопросов науки о языке и для победоносной борьбы против реакционной идеологии зарубежного буржуазного языкознания.

Сталинские разъяснения сущности таких понятий, как язык, народ, культура, создали плодотворную почву для совместной, объединенной работы советских языковедов, историков, археологов и этнографов над вопросами происхождения и развития языков, народов и культур, над вопросами перехода языков от родовых к племенным, от племенных к языкам народностей и затем к языкам национальным. Так называемое новое учение о языке, исказившее и смешавшее все основные понятия и категории исторического знания, манило историков, археологов и этнографов соблазном неожиданного перевоплощения посредством «взрыва» в языковедов, а языковедов — в историков культуры и общественной мысли. Кроме того, оно прельщало лингвистических недоучек возможностью прослыть законодателями языка без знания его истории и национальной специфики. Марровской неразберихе и путанице в осмыслении процессов исторического развития культур, народов и языков способствовал антимарксистский взгляд о слиянии, а иногда и отождествлении языка и культуры. Для Н. Я. Марра и его «учеников» язык и культура (в самых разнообразных смыслах этого последнего слова) — явления одного порядка. По мнению Н. Я. Марра, они подчинены одним и тем же закономерностям исторической смены. «Есть система культур, — писал Н. Я. Марр, — как есть различные системы языков, сменявшие друг друга со сменой хозяйственных форм и общественности, с таким разрывом с изжитыми формами, что новые типы не походят на старые так же, как курица не похожа на яйцо, из которого она вылупилась»¹.

И то же в другом месте сочинений Н. Я. Марра — с ярко выраженным уклоном в сторону археологического понимания культуры: «Когда в вещественных памятниках связь двух культур становится бесспорной, то связь и в типологически различных языках неустраима и никакими иммиграциями не уйти от подлежащей разрешению в положительном смысле неизбежной проблемы о внутреннем процессе трансформации одного языка в другой»². С взаимодействием культур ставилось в

¹ Н. Я. Марр. Избр. работы, т. I, стр. 241.

² Там же, т. III, стр. 44.

непосредственную связь скрещивание языков и, как результат его, образование нового по своему качеству языка. Внутренняя «новым учением» о языке Н. Я. Марра теория трансформации молдавского языка из романского в славянский имела широкое хождение среди молдавских историков и языковедов.

Таким образом, под влиянием ошибочных, антимарксистских концепций Н. Я. Марра у его «учеников» — языковедов, археологов, этнографов и историков — укрепляется тенденция к произвольному, антиисторическому накладыванию языковых кругов на круги культурные, к полному смешению и отождествлению языков и культур. В сфере изучения молдавского языка смешение языка и культуры сказывалось и отчасти сказывается до сих пор также в том, что некоторые элементы лексики, к тому же очень далекие от основного словарного фонда, и даже отдельные орфографические явления отождествляются со структурными качествами самого общенародного языка.

И. В. Сталин ясно показал, что язык и культура по своей общественной природе — явления разные. Культура отличается от языка тем, что она меняется по своему содержанию с каждым новым этапом развития общества, тогда как язык народа остается в своей основе тем же в течение нескольких исторических периодов, успешно обслуживая как старую, так и новую культуру. И. В. Сталин раскрывает противоречие между классовым содержанием и общенациональной формой культуры в эпоху капитализма, диалектику развития языка и культуры в классовом обществе, где каждый класс использует общенародный язык как общенациональную форму для развития своей культуры¹.

Антиисторизм марровских — как лингвистических, так археологических и этнографических — домыслов, связанных с проблемой происхождения и развития языков и народов, усугубляется тем, что у Н. Я. Марра и его «учеников» отсутствовало правильное, марксистское представление о народе как исторической категории, об истории таких общностей, как племя, народность, нация.

Достаточно одной иллюстрации. В статье «Из переживаний доисторического населения Европы» Н. Я. Марр так «разъясняет» вопрос о племени: «Что понимать под племенем? Тварей одного вида, зоологический тип с врожденными ab ovo племенными особенностями, как у племенных коней, племенных коров? Мы таких человеческих племен не знаем, когда дело ка-

¹ См. М. Д. Ка м м а р и. И. В. Сталин о марксизме в языкознании. Сб. «Вопросы диалектического и исторического материализма в труде И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Изд. 2-е, 1951, стр. 60.

сается языка. Племя в людях — это общественное образование, естественно, не отвлеченное, а конкретное, классовое. Для нас финской, иранской, турецкой единой племенной природы и единоприродно созданной ею культуры не может существовать, как не существует подобной индоевропейской племенной культуры и как заведомо нет и не было ни одной яфетической культуры, как нет ни одного яфетического языка без примеси племенного, без скрещения. Когда говорим о конкретном племени (не об отвлеченном племени-примитиве), то это определенное скрещение ряда племен, собственно племенное образование по признакам классового производства, классовое племенное образование, и без учета этого сложного состава нельзя подводить под общее племенное наименование природу памятников определенной культуры, также не отвлеченной, а конкретно-классовой. Иранское течение или турецкое влияние требует расшифрования не как мистическое, национальное или расовое содержание, а как производственно-классовое¹. У Н. Я. Марра и его «учеников» вместо племен, народностей, наций на исторической арене скачкообразно вращались и вертелись, как белка в колесе, конгломераты стадияльно-классовых общественных слоев, посредством взрывов и скрещиваний менявшие свою культуру и свой язык — нередко вместе с названиями.

Вред, нанесенный этими взглядами Н. Я. Марра и его «учеников» разработке вопросов происхождения молдавского языка и народа, общеизвестен.

«Все преходяще, один народ бессмертен» — это крылатое выражение получает твердую историческую основу в марксистском понимании развития языка. Об этом свидетельствует язык — создание народа и могучий оплот его единства, одна из тех сил, «которые помогли людям выделиться из животного мира, объединиться в общества, развить своё мышление...»² «История,— пишет И. В. Сталин,— не знает ни одного человеческого общества, будь оно самое отсталое, которое не имело бы своего звукового языка. Этнография не знает ни одного отсталого народца, будь он таким же или ещё более первобытным, чем, скажем, австралийцы или огнеземельцы прошлого века, который не имел бы своего звукового языка»³. В исторической картине прошлого, современного и будущего развития языков в связи с историей общества, в связи с историей таких народных общностей, как племя,

¹ Н. Я. М а р р. Избр. работы, т. V, стр. 314.

² И. С т а л и н. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1952, стр. 46.

³ Там же.

народность, нация буржуазная и нация социалистическая, в картине, нарисованной острым и точным пером гениального историка и социолога, народы мира и их передовые представители не могут не увидеть отрадного предвестия грядущей свободы и единения всего человечества. В этой связи марксистское освещение вопросов происхождения и развития языков и народов полно глубокого историко-общественного и политического интереса. Изучение истории языков и народов Советского Союза и зарубежных стран получило в трудах И. В. Сталина острую и точную марксистскую направленность. Раскрывая основные процессы и законы истории языков, И. В. Сталин в работе «Марксизм и вопросы языкознания» глубоко и ярко освещает роль народных масс в образовании и развитии языков и вместе с тем разъясняет исторические изменения в составе и общественной сущности самого народа.

III

Необходимость широкой исторической и сравнительно-исторической перспективы при изучении отдельного языка была вполне ясна Ф. Энгельсу. В полемике с Дюрингом Ф. Энгельс так и писал: «материя и форма родного языка» становятся понятными лишь тогда, когда прослеживается его возникновение и постепенное развитие, а это невозможно, если оставлять без внимания, во-первых, его собственные омертвевшие формы и, во-вторых, родственные живые и мертвые языки»¹.

И. В. Сталин развивает эти мысли. Он подчеркивает, что историзм — основа марксистского изучения языка. Глубокое проникновение в структурные качества современного языка невозможно без исторического подхода. Каждый язык является продуктом ряда эпох. Его грамматический строй сохраняется в течение нескольких исторических периодов; очень устойчив и основной словарный фонд языка, хотя он изменяется, но менее медленно, чем грамматический строй. Основы современного языка заложены в глубокой древности. Следовательно, всестороннее понимание структурной связи элементов современного языка предполагает широкую и ясную историческую перспективу. Структура конкретного языка, например молдавского, его качественное своеобразие, индивидуальные черты могут быть поняты лишь тогда, когда прослеживают его возникновение и развитие, когда ясны исторические закономерности изменений данного языка.

Перспективы исторического изучения языка становятся еще шире и законы его развития раскрываются еще глубже, если язык исследуется как один из членов группы (семьи) родствен-

¹ Ф. Э н г е л ь с. Анти-Дюринг. Госполитиздат, 1951, стр. 303.

ных языков с помощью сравнительно-исторического метода. Так, изучение молдавского языка, его возникновения и развития, внутренних законов его исторического движения в системе других романских языков, в частности других восточно-романских, в плане сравнительно-исторического романского языкознания помогло бы молдавским лингвистам глубже понять природу современного молдавского языка, его специфические особенности, его отношение к румынскому языку, границы и формы освоения им мощных воздействий современного русского языка. То, что сказано И. В. Сталиным по отношению к славянским языкам, можно с соответствующими видоизменениями, обусловленными историческим развитием романской группы языков, применить и к романским языкам. «...Нельзя отрицать,— говорит И. В. Сталин,— что языковое родство, например, таких наций, как славянские, не подлежит сомнению, что изучение языкового родства этих наций могло бы принести языкознанию большую пользу в деле изучения законов развития языка»¹.

Указания И. В. Сталина на важность изучения языкового родства славянских наций сохраняют свою силу и по отношению к другим семьям (группам) родственных языков.

Группой, или семьей, родственных языков называется совокупность языков, обнаруживающих последовательные, закономерные соответствия между собой как в звуковом составе, так и в строе и в значении корней слов и формальных элементов (окончаний, приставок, суффиксов и т. д.), т. е. в структурных качествах грамматического строя и основного словарного фонда.

В условиях былого господства антимарксистских идей «нового учения» о языке изучение вопросов языкового родства было под запретом, плодотворность сравнительно-исторического исследования языков отрицалась. Н. Я. Марр и его «ученики» считали самый факт признания родства языков по общности происхождения проявлением расизма в языкознании и подвергали шельмованию сравнительно-исторический метод как идеалистический. Таким образом устранялся из сферы научных наблюдений и обобщений в области истории языков и их современного состояния богатейший фактический материал, который даст в руки языковеда применение сравнительно-исторического метода изучения групп (семей) родственных языков.

Изучая взаимоотношения родственных языков в процессе их развития, констатируя и определяя большую или меньшую взаимную близость языков или группировок, ответвлений

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 33—34.

в пределах одной семьи на протяжении их истории, можно видеть, насколько различны бывают исторические условия, в каких развиваются родственные языки. Задача языковеда состоит в том, чтобы на основе историко-лингвистических данных и на основе фактов истории соответствующих народов объяснить различия в путях развития таких языков. Сравнительно-историческое изучение родственных языков помогает установить общие тенденции их развития, наметившиеся еще в их источнике, языке-основе, и вместе с тем своеобразие внутренних законов развития каждого из этих языков в отдельности. Сравнительно-историческое изучение языка в связи с историческими судьбами группы родственных языков и ее разветвлений, в связи с историей диалектов самого изучаемого языка освещает глубже и шире закономерности его развития, начиная с происхождения языка, его связи с другими языками, этапы его истории, особенно наглядно и разнообразно отражающиеся в изменениях словарного состава.

IV

Советской лингвистической науке необходимо создать богатое материалом и обобщениями построение конкретных историй отдельных языков на основе творческого марксизма, на основе принципов сталинского учения о языке. Углубленное и всестороннее изучение истории данного конкретного языка и национальных своеобразий его развития, осуществляемое в тесной связи с изучением истории народа — творца и носителя этого языка, предполагает широкое применение приемов сравнительно-исторического исследования, оживотворенных духом творческого марксизма. Конкретно-исторические исследования отдельных языков раздвинут горизонт общей теории языка и углубят ее выводы и формулы, ее основные положения. Отвергая и разоблачая априоризм и догматизм буржуазных теорий общественного развития, В. И. Ленин призывал к всестороннему марксистскому конкретно-историческому изучению общественных явлений. «Откуда возьмете вы понятие об обществе и прогрессе вообще, — говорит В. И. Ленин, — когда вы не изучили еще ни одной общественной формации в частности, не сумели даже установить этого понятия, не сумели даже подойти к серьезному фактическому изучению, к объективному анализу каких бы то ни было общественных отношений?»¹

Принцип историзма лежит в основе марксистского языкознания. Насущная задача языкознания — открыть конкретные законы исторического развития отдельных языков, а также семей и групп родственных языков и — на их основе — уста-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 126.

новить общие законы развития языка. В этом отношении цель языкознания та же, что и других исторических наук. «Историческая наука дает научный анализ... конкретных форм исторического процесса во всем их богатстве и многообразии, и открыть общие законы развития общества иначе как на основе этого анализа невозможно. Исследование частных, особых законов дает возможность человечеству познать и наиболее общие законы развития, и обратно: познание общих законов помогает изучению особых частных законов»¹.

Развитие каждого национального языка происходит по его внутренним законам, ибо каждый национальный язык имеет свой грамматический строй и свой основной словарный фонд. Но национальный язык не может и не должен замыкаться в свою национальную скорлупу, он не должен отрываться от связи с другими языками. В своем развитии он неизбежно обогащается не только из собственных своих ресурсов, но и путем усвоения элементов, особенно лексических, других языков. Однако важно и целесообразно, чтобы эти усваиваемые и усвоенные элементы представляли собою культурную ценность для всего народа.

Для исследований, например, по истории русского или молдавского языков в связи с историей народов чрезвычайно важно собрать и издать лексикологические материалы, извлеченные не только из памятников письменности древних времен, но и из диалектов, сохраняющих иногда очень архаические отложения родовых и племенных языков. На этом пути открываются богатые возможности изучения истории народа и истории языка очень далекого прошлого.

Многие стороны — и при том чрезвычайно существенные — истории языка в связи с историей народа остаются до сих пор по отношению к большинству языков нераскрытыми.

Происхождение отдельных языков и народов; возникновение, развитие и распадение языковых семей; развитие от родовых языков к племенным, от племенных — к языкам народностей и затем к национальным языкам, различая в этих процессах — применительно к истории разнообразных языков — обусловленные различиями общественно-политических, социально-экономических и культурно-исторических условий развития разных народов закономерности образования и развития диалектов на разных этапах истории народного языка; пережитки элементов родовых и племенных языков в структуре современ-

¹ И. К о н. К вопросу о специфике и задачах исторической науки. Журн. «Вопросы истории», 1951, № 6, стр. 53.

ных диалектов; процессы растворения и перемалывания народных говоров в национальном языке; принципы периодизации истории языка; функциональные различия, а также различия в словарном составе между языком народности и национальным языком; конкретно-исторические изменения в языке, связанные с формированием нации и национального языка в разных исторических условиях; исторические закономерности развития языка устной народной словесности и его стилей; роль языка устной народной поэзии в образовании языка народности и национального языка; условия и формы возникновения литературного языка; взаимоотношения и взаимодействия между общенародным языком и языком литературным в период до создания национального языка; изменения в литературном языке, в его стилевой структуре и сферах его общественного употребления, вызванные процессом образования нации и национального языка; влияние языка художественной литературы на развитие национального общелитературного языка; роль великих художников слова в общем процессе совершенствования народного языка; индивидуальное и общенародное в языке писателя; рост и совершенствование приемов словесно-художественного выражения, их связь и взаимодействие с общим совершенствованием грамматического строя общенародного языка и развитием, обогащением его словарного состава; закономерности развития языков социалистических наций — вот краткий перечень актуальных вопросов истории языка.

В свете марксистского учения о языке вопросы, связанные с выяснением исторических условий образования буржуазных наций в период капитализма, и вопросы, относящиеся к процессам формирования социалистических наций в условиях социализма, приобретают огромное значение и для историка языка.

Очень большим подспорьем для исторического и сравнительно-исторического изучения каждого конкретного языка был бы достоверный историко-этимологический словарь хотя бы основного словарного фонда этого языка.

Правильная теория в языкознании (так же, как и в других областях науки) определяет ход, направление и темпы развития объективных знаний, широту и разносторонность изучения конкретно-исторических фактов, активно влияет на методику и результаты исследования.

V

Согласно марксистскому учению о языке, народ — «творец и носитель языка», народный язык, сохраняя свое качество и свое значение орудия общенародного обмена мыслями, ору-

для борьбы и развития общества, не должен и не может сходить с общенародной позиции. Взгляд на язык как на «классовое» образование, формула «классовости» языка противоречит научному пониманию структуры общества, а также марксистскому пониманию значения языка как орудия единства и развития общества. Однако в классовом обществе представители правящих, эксплуататорских классов стремятся не только использовать народный язык в своих узких эгоистических интересах, но иногда и противопоставить ему свои «классовые» диалекты и жаргоны.

В. И. Ленин в высшей степени тонко иллюстрировал одну характерную особенность классово-жаргонной лексики примером употребления слова *будировать* в смысле — возбуждать, тормошить, будить. Отмеченное еще А. С. Грибоедовым в дворянской среде его времени «смешение языков — французского с нижегородским» сказывалось, между прочим, в осмыслении французских слов на основе созвучных с ними русских. Например, французское *sâle* — «грязный, фривольный» — посредством каламбурного сближения со словом *сало* отразилось на семантике русского слова *сальный*, отсюда — *сальность* в значении: «непристойное выражение», «скабрёзность». Точно так же и французское *bouder* было в жаргоне верхушечных слоев буржуазного общества каламбурно связано с русским глаголом *будить*. «Но французское слово «*bouder*» (будэ) значит сердиться, дуться. Поэтому будировать значит на самом деле «сердиться», «дуться»»¹.

В. И. Ленин так квалифицирует пережитки этой классово-жаргонной традиции в русском языке первых двух десятилетий XX в.: «Перенимать французски-нижегородское словупотребление значит перепимать худшее от худших представителей русского помещичьего класса, который по-французски учился, но во-первых, не доучился, а во-вторых, коверкал русский язык»².

Само собою разумеется, что эти указания В. И. Ленина можно и должно применять и к фактам исторического развития других языков, в том числе и молдавского.

И. В. Сталин подчеркнул мысль К. Маркса о наличии своего, торгашеского жаргона у буржуазии, мысль о том, «что буржуа загадили единый национальный язык своим торгашеским лексиконом, что буржуа, стало быть, имеют свой торгашеский жаргон»³.

Вместе с тем И. В. Сталин развивает новое понимание структуры жаргона, вытекающее из марксистского учения об обще-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 274.

² Там же.

³ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 15.

народном характере языка и о его основе, определяющей самобытность языка и управляемой внутренними законами развития данного конкретного языка, основе, заключающейся в грамматическом строе и основном словарном фонде.

И. В. Сталин указывает главную черту, самый существенный структурный признак «классовых» жаргонов, обслуживающих узкую социальную верхушку, в отличие их от общенародного языка: «...они не имеют своего собственного грамматического строя и основного словарного фонда. Ввиду этого они никак не могут развиваться в самостоятельные языки»¹. Таким образом, «классовые» жаргоны представляют собою лишь лексическую и семантическую примесь к общенародному языку, лексико-семантическую накипь или нарост на нем. Они не имеют внутренних законов своего развития. Они обречены на прозябание и ни в коей мере не могут заменить общенародного языка. Поэтому наличие диалектов и жаргонов не отрицает, а подтверждает наличие общенародного языка, ответвлениями которого они являются и которому они подчинены. Эти мысли И. В. Сталина должны лечь и в основу анализа процессов развития молдавского национального языка, вопрос о самобытности которого в первые десятилетия XX в. особенно смущал молдавских лингвистов.

Общенародный язык не может распасться на «классовые» диалекты и подчиниться им. «Стоит только сойти языку с этой общенародной позиции, стоит только стать языку на позицию предпочтения и поддержки какой-либо социальной группы в ущерб другим социальным группам общества, чтобы он потерял своё качество, чтобы он перестал быть средством общения людей в обществе, чтобы он превратился в жаргон какой-либо социальной группы, деградировал и обрёл себя на исчезновение»². Эта опасность не грозит молдавскому национальному языку.

Таким образом, классово-диалектное вторжение в сферу общенародного языка ограничивается преимущественно областью лексики. Специфические слова и выражения, создаваемые классом, равно как и различия в смысловой стороне общенародных элементов словарного состава, характеризующие быт, вкусы, культуру и мировоззрение эксплуататорских классов, не могут оказать хоть сколько-нибудь серьезного влияния на процесс развития общенародного языка и не могут вызвать в нем каких-либо потрясений и изменений. Напротив, так как «классовые» жаргоны не имеют внутренних законов своего развития, то жаргонные слова и выражения исторически или

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 43.

² Там же, стр. 8.

должны отмирать и угасать — вместе с ликвидацией соответствующего класса, или же, подвергаясь общенародной смысловой переработке, приобретать более широкую сферу распространения и проникать в разные типы и стили народно-разговорной речи и даже в разные жанры литературного языка, опирающегося на эту народную речь.

В качестве иллюстрации можно привести оценочные (с точки зрения аристократического вкуса) рассуждения Н. С. Волконского в статье «В защиту актерской техники» о социально-экспрессивной окраске некоторых русских слов, обусловленной их классово-диалектным генезисом, и о признаках разных социально-речевых стилей в русском обществе самого начала XX в. В великосветском стиле «встречался прежде легкий налет английского акцента, наследие няньки-англичанки, но он выводится; некоторые готовые выражения, взятые из обихода военного, охотничьего, ресторанного, — писал Волконский. — Такое ужасное выражение, как «обязательно» вместо «непрерывно», зародилось в средних кругах (т. е. в среде служилой буржуазии) и оттуда проникло вверх и вниз. Не знаю, ощущают ли мои слушатели логическую оскорбительность этого слова, применяемого в таких случаях, когда не только нет элемента обязанности, но когда событиями в некотором роде руководит фатум. «Пройдитесь по Невскому, вам обязательно повстречается такой-то». Или, вы спрашиваете огорожденного: «Что к Петрову дню арбузы поспеют? — Обязательно!»¹

Такое не менее ужасное явление, как превращение собирательного существительного «прислуга» в обыкновенное, замещающее «кухарка» или «служанка» по самым условиям жизни, могло зародиться только в тех кругах, где численность прислуги выражается единицей и где силою вещей забыли, что «прислуга» — такое же собирательное слово, как, например, «персонал». Но многие ли ощущают неясность такого выражения, как «моя прислуга поранила себе палец», или «моя прислуга сегодня вышла замуж». И что сказать, наконец, о появлении в раз-

¹ Ср. у П. Д. Боборыкина в повести «Изменник» в разговоре аристократа и эстета Симцова с дочерью Натой — будущей курсистской:

— Да знаешь что, отец, я думаю, что мне не стоит поступать вольной слушательницей этих... бестужевских курсов.

— Почему же нет?

— Придется тратить время на такие лекции, которые я еще раз буду слушать, когда поступлю в медички.

— А разве ты это окончательно решила? — спросил Симцов

— Обязательно!

И это слово «обязательно», сделавшееся в Петербурге жаргонным словом даже у городских, неприятно резнуло его. Но он еще не решился сделать ей замечания, так же, как про любимую ее поговорку «понятное дело». (Собрание романов, повестей и рассказов П. Д. Боборыкина, т. X. СПб. 1897, стр. 205—206.)

говорном обиходе таких выражений, как: «Сколько у вас прислуг?», или «Все наши прислуги разбежались». Не в высших кругах слышал я такие выражения, как «роскошный вальс», «роскошная селедка», или на ваше «чего доброго» вам отвечают: «Очень просто», — ужаснейшее речение, вносящее в музыку русской речи грязный звук мокрой швабры, падающей на паркет. Не в высшем обществе, наконец, слышал я такие русские слова, как «мерси», «шикарный», «дефект», «превалировать», или такие отвратительные слова, как «будировать» (не во французском значении «дуться», а в смысле «расталкивать», по созвучию с русским «будить»)...) ¹

Изучение основных процессов как в области образования и функционирования «классовых» жаргонов, так и в области использования и преобразования их элементов для удовлетворения нужд и потребностей всего общества должно стать предметом пристального внимания советских языковедов. В буржуазном языкознании распространено неправильное, преувеличенное представление о роли «классовых» диалектов в развитии языка и об исключительной ценности их исследования для раскрытия общих законов истории языка. Работы И. В. Сталина по вопросам языкознания, определив подлинный удельный вес «классовых» диалектов в системе общенародного языка, указав на отсутствие у них самостоятельной основы, раскрыв их специфику и очень ограниченную сферу их действия, заставляет совсем по-новому изучать процессы их образования и изменения, их место и функции в истории общенародного языка, задачи, цели и приемы их использования в языке художественной литературы и общелитературном языке.

VI

И. В. Сталин точно и резко отграничил «классовые» жаргоны от народных территориальных говоров. Он указал на различия их по происхождению, истории, структуре, а также по роли в развитии общенародного языка. В марксистском языкознании намечены основные закономерности истории народных диалектов в период развития племенного языка, языка народности и национального языка; определены исторические условия образования языка народности и национального языка — на основе возобладавшего диалекта, охарактеризованы разные виды их взаимодействия с диалектами. И. В. Сталин выдвинул вопрос о народно-диалектной основе складывания национальных языков (например, о курско-орловской «речи» как базе формирования национального русского языка, о киево-

¹ Журн. «Аполлон», 1911, № 5.

полтавском диалекте как основе национального украинского языка).

О возвышении и расширении народно-областной речи до национального языка «благодаря концентрации диалектов в единый национальный язык, обусловленной экономической и политической концентрацией», писали, как известно, еще К. Маркс и Ф. Энгельс¹. Углубляя и расширяя эти указания Маркса и Энгельса, И. В. Сталин определяет и характеризует основные процессы, типические формы образования языков народностей и национальных языков на базе народных диалектов. Вопрос о народно-диалектной основе национального языка имеет большое историческое, культурно-общественное и политическое значение. Он сохраняет всю свою силу и актуальность по отношению к тем национальным языкам народов Советского Союза, которые оформились как письменные языки только в советскую эпоху или, не выработав устойчивой литературной традиции в период капитализма, стали обогащаться и расцветать только в наше время. Пути образования и развития национальных языков — в зависимости от реальных конкретно-исторических условий — бывают очень различны.

Крепкая связь со строго определенной народно-диалектной основой особенно важна в периоды выработки общенационально-языковой нормы, в периоды складывания многообразной, функционально-разграниченной системы стилей. В этом случае плодотворное сознательное воздействие на процесс нормализации национально-литературной речи обусловлено широким и разносторонним знакомством с народной речью, а также глубоким пониманием внутренних законов развития языка. Недаром Пушкин призывал своих современников к «глубочайшим исследованиям» разговорного языка «простого народа» и убеждал писателей «вслушиваться в простонародные наречия», так как в них можно «научиться многому».

Признав питательной почвой для развития общенародного молдавского языка говоры центральной части Молдавской республики, окружающие Кишинев, молдавские филологи, а также писатели должны отдаться свободному, широкому и научно организованному изучению народных говоров молдавского языка и, как выражался Даль, «спознаться через них с духом родного слова».

Ясное и точное раскрытие отличий общенародного, национального языка от областных территориальных говоров, указание на закономерность процессов растворения этих говоров и диалектов в национальном языке, противопоставление общенародного языка «классовым» жаргонам, определение соци-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IV, стр. 414.

альной природы, исторической судьбы и структурной безжизненности «классовых» жаргонов — все это озаряет новым светом проблему борьбы за чистоту литературного языка и ее общественно-исторические основы.

Вопрос о взаимоотношении разных национально-литературных языков с народными говорами является одним из актуальнейших вопросов нашей современности. В решении этого вопроса приходится освобождаться от многочисленных ошибок марровского толка, особенно остро сказавшихся в так называемом строительстве младописьменных языков.

VII

Подлинно научное изучение законов исторических изменений языка опирается в марксистском языкознании на новое понимание структуры языка. В труде И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» определены основные элементы или структурные части языка, показано их взаимодействие и соотношение, установлены различия в характере и темпах изменений основы языка — его грамматического строя и основного словарного фонда, а также общего словарного состава в целом, подчеркнуто в качестве общего принципа развития языка его постепенное совершенствование и указаны критерии богатства языка в области словарного состава, открыт закон перехода языка от одного качества к другому путем постепенного и длительного накопления элементов нового качества, новой структуры языка, путем постепенного отмирания элементов старого качества, путем развертывания и совершенствования основных элементов существующего языка.

Следовательно, после появления работ И. В. Сталина по вопросам языкознания стало невозможным ни обедненное, извращенное представление о грамматическом строе языка (например, сведение его к одному какому-нибудь типу конструкции предложения), ни типичное для «нового учения» о языке искажение связи, взаимодействия и соотношения грамматики и лексики, ни отождествление структуры языка, его сущности с словарным составом, что, к сожалению, встречается в трудах молдавских лингвистов до самого последнего времени.

В языке как системе, образующей единое целое, структурные части или элементы ее находятся в закономерных отношениях, в закономерной связи друг с другом. Вместе с тем все основные составные части языка: звуковой строй, грамматика, словарный состав с его внутренним ядром — основным словарным фондом, создающим базу для образования новых слов и связанным с общей лексикой языка исторически изменчивыми, но также закономерными словообразовательными отношениями, носят системный характер. Особенную роль в си-

стеме языка, в ее организации играют грамматика и основной словарный фонд, составляющие сущность его специфики.

Таким образом, работы И. В. Сталина по языкознанию выдвинули на первый план исследование грамматического строя языка и его основного словарного фонда, законов их развития и правил их взаимодействия, их структурного соотношения. Именно особенностями грамматического строя языка и его основного словарного фонда определяются качество языка, его самобытность, его национальная специфика. Грамматический строй и основной словарный фонд — главное в языке. Устойчивость языка и колоссальная сопротивляемость его насильственной ассимиляции объясняются устойчивостью его грамматического строя и основного словарного фонда.

Есть языки, словарный состав которых состоит больше чем наполовину из заимствованных слов (например, современный персидский язык). Язык от этого не теряет самобытности, если его жизненные центры — грамматический строй и основной словарный фонд — сохранены, если его основа общенародна и не поколеблена давлением со стороны чужих языков. Заимствованный лексический материал, как бы он ни был многочисленен и обилен, в этом случае обрабатывается согласно правилам и нормам системы языка, осваивающего или национализирующего этот материал.

Разные стороны языковой системы — общий словарный состав и основа языка, а в ее структуре — основной словарный фонд и грамматический строй — изменяются разными темпами, с разной скоростью в силу различия их связей с развитием общества. Словарный состав языка, отражая непосредственно и сразу изменения во всех сферах общественной деятельности, находится в состоянии почти непрерывного изменения. Однако эта неравномерность темпов изменений разных сторон языка не производит распада системы языка, не нарушает его структурной цельности или целостности, внутреннее единство которой, естественно, предполагает противоречия, борьбу старого и нового. Разновременные изменения разных частей языка, разных его структурных элементов не могут привести к одновременному изменению языка как целого. В своеобразиях связи и взаимодействия этих разных составных частей языка и проявляется специфика языка и внутренних законов его развития. А ведь без определения и понимания специфики нет определения предмета исследования, а без определения предмета не может быть определения и задач соответствующей науки.

Вместе с тем из сталинского учения о языке как продукте целого ряда эпох и о неравномерности развития разных сторон языка следует, что в современном (так же, как и в любом) состоянии языка — рядом с недавними, новыми и

новейшими языковыми образованиями и явлениями — уживаются факты древнейших эпох.

Особенно резко и наглядно это сосуществование и совмещение продуктов разных эпох обнаруживается в словарном составе языка, в его лексике, но оно дает себя знать по разным направлениям, хотя и в более сложном виде, и в грамматическом строе языка. Элементы современного языка были заложены еще в глубокой древности. Таким образом, без исторической базы, без исторической точки зрения невозможно глубокое и полное понимание структурных принципов современного языка.

Структурный анализ грамматического строя, направленный на разрешение тех задач, которые поставлены И. В. Сталиным перед исследователями грамматики того или иного языка, дает возможность выяснить своеобразие, индивидуальные особенности грамматической структуры данного языка, внутренние законы исторического развития этой структуры, направление и ход ее развития, отличия исследуемого языка в этом отношении от ближайше родственных ему языков, например молдавского от румынского.

Сталинское определение языка как продукта ряда эпох снимает традиционное противопоставление описательной и исторической грамматики. Оно дает ключ к построению таких грамматик, а также и словарей, которые правильно отражают языковую действительность, представляя современный язык в его развитии.

Основной словарный фонд — новое сталинское понятие, озаряющее ярким светом исторические закономерности развития словарного состава языка. Изучение основного словарного фонда разных языков, вызвавшее различное понимание его состава и объема, может быть достигнуто посредством углубленных исследований его исторического развития с учетом всех словообразовательных связей и семантических взаимодействий основного словарного фонда с общим словарным составом языка. При этом определение и изучение древнейшего ядра основного словарного фонда того или иного языка возможны лишь на основе сравнительно-исторического изучения лексики родственных языков. И. В. Сталин, введя в оборот советской науки о языке понятие основного словарного фонда как словообразовательной и семантической базы развития словаря языка, тем самым указал новые пути построения и сравнительно-исторической семантики (семаснологии) родственных языков и исторической лексикологии отдельного языка. Не надо забывать и о том, что с изучением основного словарного фонда тесно связаны проблемы лексикографии, теории и практики словарного дела.

Так, глубокое и ясное определение структуры языка приводит к новому пониманию исторических закономерностей развития языка.

VIII

Закономерности исторического развития языка находятся в зависимости от закономерностей развития общества. Основу развития языка составляет развитие общества. Перечислив ряд самых разнообразных и притом коренных событий общественной жизни, в том числе и такие, как процессы насильственной ассимиляции языка у побежденных народов со стороны государств-угнетателей, появление классов, зарождение государства, развитие торговли, появление письменности, печатного станка, развитие литературы, переход языка народности в национальный язык, смена старых государственных строев новыми, И. В. Сталин указывает, что все это внесло и вносит большие изменения в язык и его развитие. Вместе с тем разные законы определяют развитие общества и развитие языков в разные эпохи. Новые закономерности развития общества в условиях социализма создали и новые закономерности развития языков. Так, в эпоху до победы социализма во всем мире, когда национальный и колониальный гнет остается в силе, когда нет еще национального равноправия, нет еще условий для мирного и дружественного сотрудничества наций и языков, тогда скрещивание языков ведет к ассимиляции одних и победе других языков, тогда «скрещивание, скажем, двух языков даёт в результате не образование нового языка, а победу одного из языков и поражение другого»¹.

Но скрещивание как борьбу между языками, завершающуюся поражением одних и победой других языков, заменит «сотрудничество и взаимное обогащение языков» в эпоху после победы социализма во всемирном масштабе, когда «национальное равноправие будет претворено в жизнь, политика подавления и ассимиляции языков будет ликвидирована»². В эту эпоху установятся связи тесного сотрудничества, мирного содружества между «сотнями национальных языков, из которых в результате длительного экономического, политического и культурного сотрудничества наций будут выделяться сначала наиболее обогащенные единые зональные языки, а потом зональные языки сольются в один общий международный язык, который, конечно, не будет ни немецким, ни русским, ни английским, а новым языком, вобравшим в себя лучшие элементы национальных и зональных языков»³.

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 53.

² Там же.

³ Там же, стр. 53—54.

Таким образом, зависимость закономерностей развития языка от законов развития общества очевидна. Две различные формулы взаимодействия языков, установленные И. В. Сталиным, — формула скрещивания, приводящего к победе одного языка и к поражению другого, в эпоху до победы социализма в мировом масштабе и формула постепенного слияния языков в один общий международный язык в эпоху после победы социализма во всемирном масштабе — «соответствуют двум различным эпохам развития общества, и именно потому, что они соответствуют им, обе формулы правильны, — каждая для своей эпохи»¹.

Вместе с тем И. В. Сталин подчеркнул, что скрещивание языков до победы социализма во всем мире не ведет к изменению качества победившего языка — язык-победитель сохраняет свой грамматический строй, сохраняет свой основной словарный фонд и продолжает развиваться по внутренним законам своего развития. Таким образом, при всей зависимости языка, закономерностей его развития от развития общества (что и естественно для всякого общественного явления) языку как с п е ц и ф и ч е с к о м у общественному явлению, отличному от базиса и надстройки, а также от всех других общественных явлений, свойственны свои внутренние законы развития. Изменения, вносимые разными общественными событиями и переворотами в развитие языка, выражаются и отражаются в языке согласно внутренним законам его развития как специфического общественного явления. Можно думать, что в эпоху после победы социализма во всем мире — в условиях сотрудничества и взаимного обогащения языков, в условиях, способствующих слиянию национальных языков в зональные, а затем в один международный язык, в связи с отмиранием таких исторических категорий, как нация и национальный язык, — самый характер внутренних законов развития языка подвергнется существенным изменениям. Внутренние законы развития языка выражаются в формулах, обобщающих закономерности и тенденции исторического развития как всех языков вообще, так и групп родственных языков и каждого конкретного языка в отдельности. Таким образом, внутренние законы развития языка складываются из закономерностей двоякого рода. Одни из этих закономерностей вытекают из общественной природы языка и из его структуры, т. е. из сущности языка как специфического общественного явления и из характерных признаков языка, другие свойственны отдельным семьям (группам) родственных языков и отдельным языкам в их истории. Общие законы развития языка исторически конкре-

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 54.

тизируются и получают разнообразные формы материального выражения в истории отдельных языков. Внутренние законы развития данного языка или данной группы родственных языков всегда локализованы в пространстве и во времени, ограничены пространством и временем.

Само собой разумеется, что возможны соответствия и соотношения в отдельных закономерностях развития и между семьями разносистемных языков.

«...Наиболее развитые языки,— писал К. Маркс,— имеют законы и определения, общие с наименее развитыми, но именно отличие от этого всеобщего и общего и есть то, что составляет их развитие»¹.

Следовательно, общее в истории всех языков сочетается с особенным, определяющим закономерности исторического развития семьи (группы) родственных языков, и с национально-индивидуальным, определяющим своеобразие истории данного конкретного языка и отражающим в известной мере своеобразие исторической судьбы народа — творца и носителя этого языка.

Таким образом, с марксистским пониманием сущности языка как общественного явления, связи истории языка с историей общества и с марксистским определением структуры языка и своеобразий темпов изменений разных сторон языка неразрывно связана задача изучения внутренних законов развития языка. Внутренние законы развития данного конкретного языка определяют периодизацию основных этапов его истории, национальные своеобразия его совершенствования, характер и формы изменений его качества, общую последовательность и направление основных процессов, связанных с переходом этого языка от одного качества к другому.

Изучение внутренних законов развития языков выдвигается в марксистской теории языка как основная задача языкознания, так как специфические особенности развития, отличающие язык от других общественных явлений, более всего важны для лингвистики как самостоятельной науки.

Само собой разумеется, что внутренние законы развития конкретного языка, обобщающие и объединяющие как бы в одном узле целые ряды регулярных, последовательных изменений в разных элементах языковой структуры, могут быть открыты лишь на основе глубокого исторического и сравнительно-исторического изучения языка. Правда, некоторые общие тенденции развития ряда языков (например, индоевропейских) как бы подсказываются уже имеющимися исследованиями по этим языкам (например, тенденция к упрощению системы скло-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XII, ч. I, стр. 175.

нения, а отчасти и спряжения, развитие форм сказуемости и рост разнообразных типов предложений и многое другое). Однако все это — лишь материалы и притом не всегда систематически собранные и исторически осмысленные, к тому же явно недостаточные для исследования и открытия внутренних законов развития, свойственных тем или иным группам индоевропейских языков и каждому из них в отдельности. Весь этот обширный круг вопросов требует напряженной и разнообразной работы в области конкретно-исторического изучения отдельных языков и отдельных групп, языковых групп индоевропейской системы (так же, как и языков иных систем). Наивны и глубоко ошибочны претензии некоторых наших языковедов приписать себе интуитивное, непосредственное знание внутренних законов развития своего родного языка только по той причине, что они им владеют по наследству, и ссылками на это свое баснословное качество подкрепить те или иные свои субъективные взгляды или субъективные рекомендации в области современного состояния и современных изменений этого языка. От этих претензий не свободны некоторые работы молдавских языковедов, даже самого последнего времени.

IX

Марксистское учение о языке, ярко осветившее сущность языка и его значение как формы национальной культуры, создает прочный фундамент, незыблемую марксистскую базу для разработки стилистики национальных языков, для разрешения самых разнообразных вопросов культуры речи и практики его письменной регламентации.

В нашей стране общая теория языкознания не может быть оторвана от конкретной действительности развития языков в условиях социалистического общества, от важной общественной и государственной деятельности, направленной на разрешение вопросов упорядочения и нормализации национальных языков. Практика советской языковедческой работы не отделима от ленинско-сталинской национальной политики. Борьба за чистоту и высокую культуру национальных языков народов Советского Союза является естественным и непосредственным выражением роста национального самосознания и расцвета национальных культур в социалистическом обществе. Все граждане той или иной национальности, пользуясь своим родным языком, творчески развивая это общенародное достояние, дорожа им, естественно, стремятся содействовать раскрытию его выразительных средств, стремятся, по выражению А. М. Горького, «добиться от слова наибольшей активности,

наибольшей силы внушения». «...Мы добьемся этого только тогда,— говорил А. М. Горький,— когда воспитаем в себе уважение к языку, как к материалу, когда научимся отсеивать от него пустую шелуху, перестанем искажать слова, делать их непонятными и уродливыми. Чем проще слово, тем более оно точно, чем правильнее поставлено,— тем больше придает фразе силы и убедительности»¹.

Вместе с тем борьба за культуру национального языка является составной частью борьбы народов за морально-политическое единство нации, за свободное развитие национальных культур.

Вопросами выразительности и правильности речи, вопросами наибольшей эффективности применения различных средств общенародного языка занимается стилистика, область языковедческой науки, к сожалению, до сих пор еще очень мало разработанная. Между тем ее значение — как теоретическое, так и практическое — огромно. Стилистика должна дать наглядное представление о системе типов разговорной и книжной речи, их стилей, т. е. соотносительных систем речевого выражения, характеризующих функциональное своеобразие употребления национального языка в разных сферах общественной жизни и для разных целей. Стилистика национального языка должна активно содействовать росту культуры речи. Вопросы и задачи нормализации общенародного языка, борьбы с засорением книжной и разговорной речи заимствованиями без надобности, жаргонными выражениями, узко местными провинциализмами, вопросы словотворчества, оправданного народной практикой и внутренними законами развития данного языка, вопросы правильного словоупотребления, правильного и разнообразного применения всего богатства конструкций и фразеологических оборотов национального языка, всего разнообразия его выразительных средств нуждаются в теоретической базе стилистики. Теория в этой области языкознания особенно тесно соединена с практикой, переплетается с ней. В этой сфере интересы писателя сближаются и соприкасаются с интересами языковеда и даже шире — филолога вообще. Основанное на широком художественном опыте, на всестороннем изучении родной речи понимание стилистики общенародного языка в ее развитии должно лежать в основе словесного творчества писателя. Язык литературно-художественного произведения должен ориентироваться на восприятие и оценку его с точки зрения общенационального языка.

Вопросам культуры речи, вопросам стилистики современного русского языка В. И. Ленин и И. В. Сталин придают

¹ М. Горький. О литературе. Изд. 3-е, М., 1937, стр. 125.

очень большое значение. Общеизвестна заметка В. И. Ленина «Об очистке русского языка», призывающая всех тех, кто дорожит чистотой великого русского языка, «объявить войну употреблению иностранных слов без надобности». Вместе с тем В. И. Ленин в этой же заметке указал на важную роль газетного стиля в общей системе стилей русского языка советской эпохи: «Конечно, когда человек, недавно научившийся читать вообще и особенно читать газеты, принимается усердно читать их, он невольно усваивает газетные обороты речи. Именно газетный язык у нас однако тоже начинает портиться»¹.

И. В. Сталин в письме «Всем членам редакции «Комсомольской правды»» писал: «Хорошо было бы упростить стиль статей в «Комсомольской Правде», обязать сотрудников писать по-простому, короткими фразами, по возможности без иностранных терминов, так, как умел это делать Ильич. В крайнем случае, можно было бы, опять-таки, в виде приложения к «Комсомольской Правде», дать маленький словарик иностранных слов, или, по крайней мере, в тексте статей давать соответствующие объяснения, если уже нельзя обойтись без иностранных слов»².

Великий пролетарский писатель, основоположник стиля социалистического реализма Горький защищал широту и свободу употребления всех полноценных и содержательных форм национально-литературного языка. Он стоял за разнообразие литературных стилей. Вместе с тем Горький доказывал социальную ограниченность и бесплодность подмены в литературе народного начала началом областным, «простонародным».

Стилистика помогает глубже осознать живые прогрессивные нормы современной речи, обнаружить в ней сложное сплетение, взаимодействие и — вместе с тем — борьбу старого и нового. Стилистика обязана выделить в системе современного языка отживающие и отмирающие явления, она должна обратить внимание на новое, развивающееся, творческое и обобщить тенденции современного развития стилей национального языка в формулах, выражающих законы народного языкотворчества.

Одной из задач стилистики является широкое, основанное на подборе если не исчерпывающего, то очень значительного материала, изучение, и освещение, а также оценка всех изменений, нововведений в составе современного национального языка, в его фразеологии, в его грамматических конструкциях, в способах их применения, оценка всех отклонений от общей национально-литературной нормы, квалификация и классифи-

¹ В. И. Л е н и н. Соч., т. 30, стр. 274.

² И. В. С т а л и н. Соч., т. 7, стр. 155.

кация индивидуальных ошибок и словотворческих неудач в литературном обиходе.

Само собой разумеется, что стилистическая оценка норм современного языка должна быть диалектической, живой и вытекать из ясного понимания исторических закономерностей развития языка как продукта ряда эпох.

Стилистика раскрывает во всей широте и сложности отношения национально-литературного языка как народного языка, обработанного и обрабатываемого мастерами художественного, публицистического и научного слова, к народно-разговорной речи в ее непосредственном, «сыром», по меткому определению Горького, виде. Ведь национально-литературный язык характеризуется своей нормативностью, обработанностью средств выражения, обработанностью «речевого материала народа», сложной стилевой структурой. Сам влияя на народную речь, питая ее новыми, обработанными формами выражения, литературный язык в то же время не должен отрываться от корней народного словесного творчества, от неиссякаемого родника самобытной народной речи.

Содействовать подъему культуры национальной речи, устранять путем непосредственного художественного воздействия или путем воспитания правильных стилистических навыков все то, что засоряет литературный язык или тормозит его развитие и усовершенствование, — долг и обязанность филолога, языковеда, но в равной мере — долг и обязанность народного советского писателя.

Вопросы стилистики национального языка не следует смешивать с теорией и практикой стилистики литературно-художественной речи, с вопросами стилистики индивидуально-словесного творчества. Изучение стиля художественного произведения, стиля писателя не отделимо от изучения идейного замысла художника, образной ткани произведения, построения характеров действующих лиц, структуры того образа повествователя, который создается всей композицией сочинения.

Х

Близки к стилистике, но широко раздвигают ее пределы, охватывая все элементы не только структуры языка, но и специальные задачи технического закрепления его в письме, вопросы так называемого языкового строительства, или, правильнее, вопросы общественной регламентации языка и всего того, что способствует его процветанию, с одной стороны, что содействует подъему и росту грамотности, культуры речи — с другой.

В нашей стране решение этих сложных вопросов опирается на твердую и глубокую базу учения И. В. Сталина о закономерностях развития языков социалистических наций. Формиро-

вание и развитие социалистических наций сопровождается развитием национальных культур, социалистических по содержанию и национальных по форме, т. е. по языку.

В настоящее время в Советском Союзе насчитывается более 60-ти национальных письменностей и литературных языков. Это не идет ни в какое сравнение с тем, что было до Октябрьской революции.

В трудах В. И. Ленина и И. В. Сталина обоснована политика полного равноправия и свободного сотрудничества наций, их языков и культур на основе социализма и социалистической демократии; здесь освещены ярким светом марксистско-ленинской науки пути развития национальных культур и языков народов Советского Союза и культур и языков народов других стран в прошлом, настоящем и будущем.

В кругу вопросов культуры и нормализации разных национальных языков нашей страны особенно остро ощущается нужда в упорядочении орфографии и кодификации терминологии. Иногда в отдельных пунктах оба эти вопроса сплетаются. Об этом много писалось.

В настоящее время вся совокупность этих вопросов подвергается пересмотру и углубленному изучению в свете сталинского учения о языке, о национальной специфике языка, о внутренних законах его развития, о постепенности качественных изменений в языке.

Язык великой русской нации — могучее средство межнационального общения всех народов нашей Родины, неиссякаемый источник обогащения всех языков народов Советского Союза.

Языки социалистических наций, входящих в состав Советского Союза, развиваются в порядке сотрудничества и — очень часто — взаимного обогащения. В связи с этим перед советским языкознанием встает ответственная задача: изучать и сопоставлять закономерности развития современных национальных языков народов Советского Союза, открывать в этих закономерностях общее, наблюдать, в каких сторонах структуры разных национальных языков, кроме общественно-политической и научно-технической терминологии, кроме словарного состава, обнаруживается влияние русского языка.

Отмечались и отмечаются факты воздействия русского языка на разные языки народов Советского Союза не только в сфере словарного состава, но и в области словообразования, в области синтаксических конструкций, особенно форм сложного предложения, и даже в области звукового строя. Но тут для обобщений необходимы многочисленные исследования и тщательно взвешенные материалы по самым разнообразным языкам.

Особенно настойчиво выдвигается в настоящее время вопрос об общих закономерностях обогащения словарного состава языков социалистических наций. Объем и границы слоя специальной терминологии, вошедшей или входящей в состав общенационального словаря, исторически изменчивы. Они зависят от уровня развития культуры, экономики, техники.

Стремительный рост социалистической промышленности и сельского хозяйства, развитие культуры и науки в республиках и автономных областях вызывают обогащение и непрерывное изменение словарного состава языков народов Советского Союза. Отказываясь от устаревших, отживших свой век выражений, нередко чуждого происхождения, они вбирают в себя потоки слов и терминов из великого русского языка, обозначающих новые понятия социалистического общества, советской культуры и политики или же являющихся незаменимой частью мирового интернационального лексического фонда, а иногда усваивают и некоторые принципы соответствующего словообразования.

Сталинские идеи о национальной специфике языков, о развитии их — без ломки коренных правил и норм, о взаимном обогащении языков социалистических наций в порядке сотрудничества способствуют глубокому и правильному, национально дифференцированному решению вопроса о способах и принципах освоения разными национальными языками Советского Союза интернациональной терминологии в русском обличье, а также русской общественно-политической лексики, в особенности лексики социалистической.

С этим вопросом тесно связан и вопрос о передаче соответствующих русских слов и терминов орфографическими средствами того или иного языка. И тут необходим конкретный учет национальной специфики того или иного языка, внутренних своеобразий его фонетического и морфологического строя, а также культурной традиции. Вот — иллюстрации.

В осетинской орфографии предлагается интернациональные и русские слова, ставшие интернациональными, писать без изменения в основах, но с осетинским суффиксом и с окончанием осетинского языка. Например: *автономи*, *автобиографи*, *кассаæ*, *коллективизаци*, *регистраци*, *реакци*, *рекомендаци*, *политикæ*, *истори*, *математикæ*, *наци* и т. д. Все остальные заимствованные слова писать так, как они укоренились в массовой речи, например: *пълан*, *закъон*, *пъагон*, *пъалаткæ*, *станцæ*, *квитанцæ*, *кърендели*, *газет*, *пъæлицæ* и другие¹.

¹ В. Б г у л а е в. Об орфографии осетинского языка. Газ. «Социалистическая Осетия», 26 июня 1951 г.

Точно так же в башкирской орфографии слова, давно заимствованные из русского языка и принявшие свою национальную форму, пишутся по фонетическому признаку, например: *картуф* — «картофель», *кершак* — «горшок», *кирбес* — «кирпич». Слова же, заимствованные из русского литературного языка в советский период (главным образом общественно-политические, научно-технические термины), в корне или в основе сохраняют русское написание, а присоединяемые к ним аффиксы подчиняются грамматическому строю башкирского языка, например: *идея* — «идея», *идеялы* — «идейный», *идеялылык* — «идейность» и другие.

По отношению к некоторым национальным языкам обсуждается вопрос о приближении написаний интернациональных собственных имен и терминов к русской орфографической норме. Так, проф. Г. Капанцян доказывает, что в армянском языке при употреблении иностранных слов целесообразно брать их русскую, а не западную форму. Например, писать не *Джапония*, а *Япония*, не *фраз*, а *фраза* и т. д.; сохранять русское правописание в отношении двойных согласных, писать *коммуна*, а не *комуна*, *сессия*, а не *сесия*, а при произношении этих слов сохранять их русское ударение. Для правильного произношения ряда слов, по его мнению, необходимо внести в армянский язык мягкое звучание, например, мягкое *л'*, чтобы произнести *большевик*, а не *большевик*¹.

Таким образом, в языках народов Советского Союза происходит под влиянием русского языка образование своеобразного междunarодного словарного фонда социалистической культуры. Однако «вновь принимаемые в национальные языки русские слова должны входить в них органически, обогащать их, не ломая их специфики, их веками выработанных правил и норм»².

Научные, марксистские идеи о языке и его историческом развитии не оставляют камня на камне от вульгарно-материалистических и идеалистических вымыслов Н. Я. Марра и его «учеников». Труды И. В. Сталина ломают сложившиеся в «новом учении» о языке, в его разных разветвлениях ошибочные антимарксистские представления о строе языка, о его «классовости», о трансформации языковых структур, о принципах сопоставления иносистемных языков, отрывавших историю языков от истории народов, об изменениях качества языков путем взрывов и скрещиваний и т. п. Они открывают

¹ Г. Капанцян. Газ. «Коммунист», Ереван, 12 июня 1951 г.

² См. Сб. «Вопросы диалектического и исторического материализма в труде И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания»». Изд. 2-е, М., 1951, стр. 294—295.

советскому языкознанию широкую и свободную перспективу подлинно научного, марксистского развития.

Языковеды нашей страны, передовые языковеды всего мира получили возможность, сбросив с себя груз всевозможных идеалистических и вульгарно-материалистических ошибок и основательно вооружившись марксистской теорией языка, уверенно, смело и дружно двигаться по пути истинного, научного исследования языков мира.

Б. А. Серебрянников

ПРОБЛЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ И ВОПРОСЫ МОЛДАВСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

После опубликования труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» советская наука о языке освободилась от тяжелых пут «нового учения» о языке.

Господство марровского учения нанесло колоссальный вред советскому языкознанию.

Начетнически усвоив тезис классиков марксизма о примате бытия над сознанием, о связи языка и мышления, марровцы грубо отождествили законы развития языка с законами развития общественно-экономических формаций. На основе этого вульгарно-социологического отождествления выросла марровская теория единства глоттогонического процесса.

Скрещивание и смешение объявлялись единственными факторами образования различных языков. Все языки считались скрещенными и смешанными. Самобытность национальных языков при этом попиралась самым бесцеремонным образом. Совершенно отрицалась возможность происхождения групп (семей) родственных языков из одного источника. Группы родственных языков, таких, как романские, славянские, германские, финские, турецкие, семитские и другие, по мнению марровцев, произошли в результате скрещивания и смешения различных языков.

Всякая попытка объяснения происхождения групп родственных языков из одного источника квалифицировалась как проповедь теории «праязыка», проповедь расизма, как нечто абсолютно несовместимое с марксизмом. Сравнительно-исторический метод в языкознании, этот нередко единственный метод, позволяющий проникнуть в тайники истории языка, объявлялся буржуазным, реакционным, формалистическим методом, диаметрально противоположным марксистскому диалектическому методу. Советское языкознание переживало в этот период тяжелое состояние. Все программы языковедческих дисциплин в высших учебных заведениях были составлены применительно к пропаганде и популяризации учения Н. Я. Марра,

объявленного подлинно марксистским учением о языке. Чтение курсов истории различных языков было или сведено совершенно на нет, или производилось в марровской интерпретации. Планы научно-исследовательских институтов языка Академии Наук СССР, ее филиалов и академий союзных республик в качестве главной задачи ставили дальнейшее развитие марровского учения. Этой же цели посвящалось значительное количество кандидатских и докторских диссертаций. Кропотливая исследовательская работа зачастую подменялась вульгарно-социологическим фразерством, которое марровцами рассматривалось как явный показатель внедрения марксизма в языкознание.

Несмотря на трескучую пропаганду пресловутого «нового учения» о языке, безудержное восхваление Н. Я. Марра, культивируемое его «учениками» и последователями, марровское учение упорно не развивалось. За все время своего господства марровцы не создали ни одной теоретической работы, которая могла представлять хотя бы минимальную научную ценность.

В результате порочных, насаждавшихся марровцами, методов изучения отдельных языков, полного пренебрежения к реальной истории языков, к изучению конкретных фактов их грамматического строя и системы мы в настоящее время не имеем нормативных и исторических грамматик по многим языкам Советского Союза, испытываем недостаток частных исследований отдельных явлений грамматического строя языков, сталкиваемся с фактом слабой изученности словарного состава этих языков и их диалектов, не говоря уже о многочисленных неполадках в области практики, в создании алфавитов и орфографических норм, в определении роли развития диалектов литературных языков и т. п.

Труды И. В. Сталина по вопросам языкознания произвели решительные изменения в советской науке о языке. С необычайной убедительностью и ясностью И. В. Сталин вскрыл несостоятельность марровского учения о языке как надстройке, показал антимарксистскую сущность теории «классовости» языка и стадильности его развития, реабилитировал сравнительно-исторический метод, указав вместе с тем на его серьезные недостатки, и определил подлинную сущность языка и законов его исторического развития. После появления работ И. В. Сталина по вопросам языкознания освобожденная от прежних ошибок советская наука о языке прочно стала на правильный путь развития. Перед советскими языковедами возник целый ряд первостепенных задач, ставящих целью дальнейшее развитие основ сталинского учения о языке. Внедрение подлинного историзма в языкознание и возрождение исторического изучения языков является одной из основных задач советских языковедов.

Говоря о необходимости внедрения историзма в изучение различных языков, нельзя пройти мимо вопроса и о возрождении исторического изучения молдавского языка, о преподавании истории молдавского языка на специальных факультетах высших учебных заведений, создании соответствующих курсов и учебных пособий.

Налаживание изучения истории молдавского языка фактически невозможно без уяснения истинной роли и значения сравнительно-исторического метода в языкознании, изгнанного в свое время марровцами.

Марровцы на протяжении долгих лет упорно и систематически внушали мысль о полной несовместимости сравнительно-исторического метода с марксистско-диалектическим методом и даже не могли провести четкого различия между научно-исследовательским приемом и методом, сплошь и рядом смешивая эти два понятия. И. В. Сталин в своем замечательном произведении «О диалектическом и историческом материализме» четко сформулировал основные черты марксистского диалектического метода, являющегося общим для всех наук и для ученых и исследователей всех специальностей.

В противоположность метафизике диалектика рассматривает природу не как случайное скопление предметов, а как связанное целое. Диалектика рассматривает природу не как состояние покоя и неподвижности, а как состояние непрерывного движения и изменения. Процесс развития рассматривается не как простой процесс роста, а как развитие в порядке перехода от количественных изменений к изменениям качественным. Диалектический метод считает, что процесс развития от низшего к высшему протекает в порядке раскрытия противоречий.

Марксистский диалектический метод представляет, таким образом, принципиальный подход к изучению природы и общества с определенных, вышеперечисленных точек зрения.

Однако марксистско-диалектический метод остался бы платоническим и безрезультатным пожеланием, если бы он не соединялся со специфическими для каждой науки приемами научного исследования, определяемыми особенностями самого объекта науки.

Единственным критерием правильности научно-исследовательского приема является степень удовлетворения им нужд и требований марксистско-диалектического метода.

Если применяемый научно-исследовательский прием обеспечивает изучение явления, познание его сущности в связи с другими явлениями, если он обеспечивает изучение явления в его движении и развитии, позволяет выявить переход из

одного состояния в другое и противоречия, присущие развитию, — следовательно, он правилен и не противоречит марксистскому диалектическому методу. Марровцы, пытавшиеся создать новый, по их определению марксистский, метод в языкознании, в действительности не создали ничего, кроме путаницы, задержав тем самым почти на четверть века внедрение марксизма в языкознание.

Сравнительно-исторический метод в языкознании как научно-исследовательский прием базируется на вполне реальных основаниях, находящих подтверждение в самой конкретной действительности.

Одним из оснований сравнительно-исторического метода является отсутствие органической связи между звуковым комплексом и свойствами предмета. Сочетание и порядок расположения звуков в молдавском слове *apă* — «вода» сами по себе абсолютно не связаны со свойствами воды как субстанции, звуковой комплекс только закрепляется за предметом. Поэтому, если в молдавском языке «год» называется *an*, в итальянском *anno*, а в испанском *año*, то этот ряд может восходить только к одному источнику. Возникновение одинаковых звуковых комплексов, наделенных одинаковым или сходным значением, в разных точках земного шара вообще немыслимо. Но наличие сходных слов в языках само по себе еще ничего не говорит о родстве этих языков, так как слова могут заимствоваться.

Самым верным критерием родства языков является материальное родство словоизменительных формативов. Если в румынском и латинском языках мы находим явное материальное родство словоизменительных формативов, скажем, личных глагольных окончаний, то только самые отпетые марровцы могут отрицать общность происхождения этих языков. Система словоизменительных формативов, как правило, не заимствуется.

Если группа родственных языков обладает материальным родством словоизменительных формативов, у нас не может быть никаких сомнений в том, что эти языки произошли от общего языка-основы.

Признание исторической реальности языка-основы является одним из самых необходимых условий, без которого немыслимо говорить об историческом изучении языка.

Марровцы не могли понять той детски простой истины, что теория языка-основы целиком и полностью опирается на факты распада человеческих коллективов. Если человеческий коллектив, говорящий на каком-либо языке, распадается и части этого коллектива в условиях изоляции начинают со временем говорить на различающихся родственных диалектах, а впоследствии и языках, мы налицо имеем в языке

коллектива до его распада языка-основу, давший впоследствии в результате распада этого коллектива группу родственных диалектов или языков.

Отрицать язык-основу значит отрицать целиком и полностью всякую возможность распада человеческих коллективов, превратить человеческое общество в неподвижный, замерзший океан, исказить действительный ход исторического процесса.

Человеческие коллективы распадались во все эпохи развития человеческого общества, начиная с эпохи родового общества до наших дней. Утверждение марровцев, что гипотеза языка-основы противоречит естественно-историческому ходу развития общества, может иметь только анекдотическое значение.

Всякие попытки отрицания наличия языков-основ в глубокой древности, под каким бы прикрытием они ни производились, будь то в виде теории лингвистической непрерывности или отождествления характера скрещивания языков в будущем бесклассовом коммунистическом обществе с характером скрещивания языков в бесклассовом родовом обществе, представляют явные рецидивы марровщины, стремление реабилитировать марровскую теорию скрещивания.

«Ученики» и последователи Марра упорно старались внушить, что Н. Я. Марр от теории «праязыка» не оставил камня на камне. Приведем несколько образчиков этой поистине «сногшибательной» критики.

«Яфетическая пирамида,— писал в одной из своих работ Н. Я. Марр,— от индоевропейской отличается не только тем, что индоевропейцы, исходя из единства праязыка, ставили пирамиду верхом вниз, чтобы от единицы идти ко множеству, широкой раскиданности многообразных видов человеческой речи, а яфетидолог, исходя из одинаковости степени развития всех языков, многочисленных и не окрепших в своей формации, идет к нарастанию в определенных путях общего единого праязыка»¹.

Критика Н. Я. Марра в данном случае бьет мимо цели. Приписать индоевропейцам пирамиду, обращенную вершиной книзу, значит навязать им гипотезу о происхождении всех языков мира от индоевропейского праязыка. Никто из индоевропейцев никогда не придерживался подобной гипотезы².

¹ Н. Я. М а р р. Избр. работы, т. II, стр. 54.

² То же самое писал Н. Я. Марр в статье «Яфетиды»: «Начало человеческой речи не идет от какого-либо изначального единого языка, и праязык, воспринимаемый в этом смысле, есть не научное положение, а фикция, в основе отражающая восприятие библейского повествования о мироздании, рассчитанный, однако, при всей сказочности формы, на более глубокое уразумение» (Избр. работы, т. I, стр. 132).

Критика Н. Я. Марра расовости «праязыка» также бьет мимо цели. Довод о том, что индоевропейская семья могла возникнуть вследствие применения металлов и появления новых форм производства, не выдерживает никакой критики. Какая логическая связь существует между характером звуков а, о, у и формами производства? Почему с появлением новых форм производства должна меняться грамматическая структура языка, если доказано, что любые производственные отношения людей могут обслуживаться языком какой угодно структуры?

Изменение форм производства самое большее может отразиться в лексике языка, вызвать появление ряда новых слов, обозначающих новые орудия производства, процессы, отношения между людьми и т. д. Но при чем здесь фонетика и грамматическая структура?

Скрещивание как основной фактор образования языков также не могло служить достаточным аргументом. И. В. Сталин весьма убедительно доказал, что при скрещивании двух или нескольких языков никогда не могло появиться нового языка. Победителем всегда оказывается один язык. Как же при скрещивании разноструктурных языков мог получиться новый языковый тип, в данном случае индоевропейские языки, где грамматический строй каждого из скрещивающихся языков мог сохраниться, будучи смешан с грамматическим строем других языков? Таких чудес нигде не бывало в природе. Теория скрещивания находилась в вопиющем противоречии с другой марровской теорией, теорией стадиальности.

Если определенный уровень производства вызывает определенный языковый тип, то при скрещивании с другим языковым

Рассмотрим другой пример марровской критики в работе «Индоевропейские языки Средиземноморья»: «...вначале был не один, а множество племенных языков, единый праязык есть сослужившая свою службу научная фикция. Индоевропейские языки составляют особую семью, но не расовую, а как порождение особой степени, более сложного скрещения, вызванного переворотом в общественности в зависимости от новых форм производства, связанных, повидному, с открытием металлов и широким их использованием в хозяйстве, может быть и в сопутствии приводящих пермутаций физической среды; индоевропейская семья языков типологически есть создание новых хозяйственно-общественных условий, по материалам же, а пережиточно и по многим конструктивным частям, это дальнейшее состояние тех же яфетических языков, в Средиземномории — своих или местных, на определенной стадии их развития, в общем новая по строю формация» (Избр. работы, т. I, стр. 185).

Приведенная цитата представляет яркий образец вульгарно-социологической путаницы и вряд ли заслуживает обстоятельного опровержения.

Здесь Н. Я. Марр, противопоставляя изначальную множественность языков индоевропейскому «праязыку», самым нелепым образом путает понятие библейского «праязыка» и языка, легшего в основу одной группы родственных языков, в данном случае индоевропейских.

типом соответствие между уровнем развития производства и вызванным им определенным структурным типом должно обязательно нарушиться. Если при многочисленных скреплениях установившийся закономерный стадияльный тип постоянно нарушается, следовательно, стадияльные отложения вообще неуловимы.

Все это лишний раз показывает, что «марксизм» Н. Я. Марра в действительности представлял хаос противоречивых идей, вульгарный социологизм в его наиболее откровенном выражении.

Где же здесь тот знаменитый разгром «праязыка», о котором так много говорили марровцы? Восставая против библейского «праязыка», в который еще до Н. Я. Марра никто не верил, Н. Я. Марр фактически воевал с ветряными мельницами. Все его остальные аргументы, направленные против возможности существования единого источника происхождения групп родственных языков, сами по себе абсолютно несостоятельны. Выступая ярым противником теории «праязыка», Н. Я. Марр вместе с тем сам создал настоящий библейский «праязык». Четыре марровских элемента, легшие, по теории Н. Я. Марра, в основу всех языков мира, — это и есть самый настоящий библейский «праязык», против идеи которого Н. Я. Марр боролся.

Советское языкознание, отвергая крайне неточный термин «праязык», вызывающий представление о едином библейском языке человечества, выдвигает термин «язык-основа».

Язык-основа — не библейский «праязык», не первоначальный толчок и не первооснова всех языков мира. Языком-основой называется всякий язык, легший в основу группы родственных языков. Любой язык, расщепившийся на диалекты, может быть языком-основой по отношению к этим диалектам.

Каждый язык-основа представляет определенное звено в цепи исторически сменявшихся языковых общностей.

Диалекты современного персидского языка, несомненно, восходят к общеперсидскому языку-основе. Общеперсидский язык в свою очередь восходил к иранскому языку-основе, который явился результатом распада индоиранского языка-основы, а последний, т. е. индоиранский, язык-основа представлял результат распада общиндоевропейского языка-основы. Однако и индоевропейский язык-основа не был первоначальным толчком. Он сам был продуктом истории и, по всей вероятности, представлял результат распада какого-то более древнего языка-основы.

Можно опровергать и сомневаться в историческом существовании какой-либо одной языковой общности или языка-основы, скажем, в существовании балтийско-славянского или итальянско-румынского языка-основы, но нельзя опровергнуть всей

цепи исторически сменявшихся языковых общностей, начало которой теряется в глубокой древности.

Каждый язык в своем словарном составе имеет следы различных сменявшихся языковых общностей. Румынский глагол *a auzi* — «слышать» отражает, с одной стороны, черты дако-романской общности (утрата окончания древнего инфинитива *ge* и превращение древнего *d* в *z*), с другой — он отражает следы латинской языковой общности (сохранение дифтонга *au* и приметы *i* четвертого латинского спряжения глаголов).

В румынском слове *cinci* — «пять», где началось изменение древнего *k* в положении перед *i*, факт существования звука *ġ* из древнего *c* в начале слова непосредственно представляет отражение явления, восходящего к латинской общности, где древнее начальное *p* по ассимиляции превращалось в *c* (ср. латинское *quinque* из более древнего *penque*, греческое *πέντε*, русское *пять*); в то же время наличие звука *p* в этом румынском слове сохраняется со времен индоевропейской языковой общности.

Признание факта исторически сменявшихся языковых общностей является необходимым условием исторического изучения языков. Игнорирование факта существования и последовательной смены различных языковых общностей неизбежно ведет к хаосу и неупорядоченности исторического языкознания.

Мы никогда не сможем, например, объяснить, почему в молдавском языке во 2-м л. мн. ч. глаголов личное окончание звучит как *ŧ* мягкое, например, *ругаць* — «вы спрашиваете», *дормиць* — «вы спите», если мы будем отрицать факт происхождения молдавского языка от латинского языка-основы. Только сопоставление с латинским личным окончанием 2-го л. мн. ч. *tis* с последующим отпадением *s* и превращением *t* перед *i* в *ŧ*, а затем в палатализованное *ц'* может вскрыть истинную причину этого явления. Никакие рассуждения Н. Я. Марра о стадиях развития языков и единстве глоттогонического процесса, о «классовости» языка, об отражении языком смен форм производства и т. п. не помогали и никогда не помогут вскрыть действительную историю префиксов, суффиксов, падежных и глагольных окончаний.

Наиболее древней языковой общностью является индоевропейская языковая общность, или индоевропейский язык-основа. Многочисленные звуковые соответствия, материальное родство корнеслова, принадлежащего к основному словарному фонду, и материальное родство системы словоизменятельных элементов являются непосредственным доказательством существования индоевропейского языка-основы.

В пределах небольшого доклада очень трудно перечислить те аргументы, которые говорят в пользу реальности исторического существования общего предка всех индоевропейских языков — индоевропейского языка-основы. Мы укажем лишь на один самый веский аргумент, заключающийся в наличии материального родства слов основного словарного фонда и системы словоизменительных формативов.

Почему в индоевропейских языках мы находим такие общие слова, как латинское *pater*, греческое *πατήρ*, древнеиндийское *pita*, немецкое *Vater*, таджикское *падар*; или латинское *mater*, греческое *μήτηρ*, древнеиндийское *mata*, немецкое *Mutter*, русское *мать*, *матери*; или латинское *frater*, греческое *φράτηρ* («член фратрии»), древнеиндийское *bhrata*, немецкое *Bruder*, таджикское *берадор*, русское *брат*.

Почему в индоевропейских языках существуют такие общие глагольные корни, как корень *bher* со значением «носить», ср. готское *bairan* — «носить», русское *собор* — букв. «снесение в одно место», армянское *berel* — «носить», таджикское *бор* — «ноша, груз», немецкое *fruchtbar* — «плодородный», собственно «плодоносный»; или корень *es* со значением «быть», ср. русское *есть* в значении «имеется», «существует», древнеиндийское *asti* из *esti*, немецкое *ist*, латинское *est*, древнегреческое *ἐστί*. Подобные общие корни насчитываются сотнями. Естественно, что наличие общих слов основного словарного фонда нельзя объяснить заимствованием или какой-либо случайностью.

Чем объяснить поразительное сходство системы словоизменительных формативов? Ср., например, окончание глаголов 2-го л. мн. ч. *te*, наличествующее почти во всех индоевропейских языках: греческое *γράφετε* — «вы пишете», латинское *laudatis* — «вы хвалите», более древнее *laudate*, русское *читаете*, немецкое *ihr macht* — «вы делаете» и другие; или окончание глаголов 3-го л. мн. ч. *nt, nti*: латинское *laudant* «они хвалят», старославянское *несонт* — «они несут», древнеиндийское *bharanti* — «они несут», древнегерманское *nemant* — «они берут», и другие. Система словоизменительных формативов никогда не заимствуется одним языком из другого. Материальная общность формы в данном случае предполагает единый человеческий коллектив, который она некогда обслуживала и для которого она была понятна. В противном случае такая общность становится совершенно необъяснимой и бессмысленной.

Знание сравнительной грамматики индоевропейских языков имеет большое значение в деле подготовки языковеда. Использование факта неравномерности исторического изменения языков позволяет сравнивать слова и формы родственных языков, более законсервированные в своем развитии, со словами

и формами, более изменившимися, и тем самым проникать в глубочайшие тайники их истории.

Науке никогда не удастся восстановить всех предполагаемых форм индоевропейского языка-основы, но трудность их реконструкции отнюдь не означает отрицания его исторической реальности.

Основные особенности, характеризующие современные романские языки, в том числе молдавский и румынский, имеют своим непосредственным и наиболее древним истоком италийскую общность, давшую после своего распада ряд италийских языков, как, например, латинский, умбрский, оскский. Именно на Апеннинском полуострове, за много тысячелетий до н. э., сложился специфический языковой колорит в условиях существования италийской языковой общности, который еще доньше прослеживается во всех романских языках, в том числе и в молдавском. Латинский язык, грамматический строй и словарный состав которого отражен в довольно многочисленных памятниках латинской письменности, имеет неопределимое значение для изучения истории молдавского и румынского языков, поскольку он является документально зафиксированным языком-основой романских языков и представляет наиболее древнюю форму этого языка-основы. Преподавание латинского языка на специальных факультетах есть одно из самых необходимых условий, без которого изучение истории молдавского языка фактически немыслимо.

Латинский язык, как сказано выше, представляет лишь наиболее древнюю форму языка-основы современных романских языков. Романские языки, как известно, имеют другой непосредственный язык-основу, т. е. собственно разговорный латинский язык, который обычно называют вульгарной или народной латынью. Народная латынь представляет, таким образом, результат исторического развития той древней народной латыни, на базе которой сформировался литературный латинский язык классического периода. Народная латынь не зафиксирована непосредственно в крупных письменных памятниках, но многие прямые и косвенные данные говорят о том, что это был язык нового качества.

Подверглась значительным изменениям фонетическая система народной латыни, существенно изменился ее грамматический строй. Однако новое качество народной латыни не возникло в результате взрыва, внезапного перехода из одного качественного состояния в другое.

Характеризуя процесс исторического развития языков, И. В. Сталин замечает, что «переход от одного качества языка к другому качеству происходил не путём взрыва, не путём разового уничтожения старого и построения нового, а путём

постепенного и длительного накопления элементов нового качества, новой структуры языка, путём постепенного отмирания элементов старого качества»¹.

Утрата падежных окончаний и развитие аналитического строя романских языков подготавливались медленно, в течение тысячелетий. Смещение падежей началось еще в период существования индоевропейского языка-основы. Уже в латинском языке спорадически встречались конструкции с предлогами *de* и *ad*, употребление которых медленно увеличивалось в течение столетий, пока не привело к созданию постоянной нормы. Отпадение конечных *m* и *s* в народной латыни, приведшее к таким явлениям, как, например, установление омонимии именительного и винительного падежей и исчезновение среднего рода, еще более усугубивших разрушение падежной системы, было наблюдаемо уже в латинских надписях, а данные других индоевропейских языков говорят о том, что это явление началось гораздо раньше.

Сложный перфект романских языков восходит к латинским конструкциям типа *scriptum habeo*, ср. румынское *eu am scris*, испанское *he escrito*, французское *j'ai écrit* — «я написал», которые первоначально встречались спорадически, но постепенно увеличивались в течение столетий.

Изоляция отдельных территорий привела со временем к распаду народной латыни на отдельные языковые области, в условиях которых развились отдельные романские языки.

Общие черты современных диалектов румынского языка — дако-румынского, македоно-румынского, аромунского, истро-румынского, меглено-румынского — и диалектов молдавского языка явно свидетельствуют о происхождении их от одного общего языка-основы, выделившегося из народной латыни, который мы условно называем дако-романским языком-основой. В настоящем докладе мы не будем касаться многочисленных споров и гипотез относительно путей распада дако-романского языка-основы, о наличии общих черт у итальянского и румынского языков, свидетельствующих будто бы об общности их исторических судеб, и приведем лишь наиболее веские аргументы, свидетельствующие об исторической реальности существования дако-романского языка-основы. К ним относятся:

1. Наличие общих черт в области имени существительного: а) постпозитивный определенный член, например, румынское и молдавское *lucrul* — «работа», *omul* — «человек» (в разговорной речи *lucru*, *omu*), аромуниское *omlu*, отличающее эти диалекты от других романских языков; б) омонимия форм роди-

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1952, стр. 27.

тельного и дательного падежей, наблюдаемая в говорах молдавского языка, а также в дако-румынском, истро-румынском и аромунском диалектах, ср. аромунское *foclui* — форма родительного и дательного падежей от *foc* — «огонь», дако-румынское и молдавское *fócului*.

2. Наличие таких характерных деталей в области глагольной флексии, как старое окончание *i* во 2-м л. ед. ч., которое наблюдается абсолютно во всех румынских диалектах и говорах молдавского языка, ср. дако-румынское *cânți* — «ты поешь», аромунское *cînți*, истро-румынское *rozi* — «ты спрашиваешь», *fuzi* — «ты бежишь», молдавское *adunъ* — «ты собираешь».

3. Распространение в отдельных формах настоящего времени специфического суффикса *ez*, например, дако-румынское *lucraază* — «он работает», аромунское *lucreadză*, молдавское *лукрязэ*.

4. Несомненное материальное родство основного словарного фонда и ряд других общих лексических, фонетических, морфологических и синтаксических черт.

Не подлежит никакому сомнению, что вышеуказанные характерные черты, объединяющие все диалекты и говоры молдавского языка, не могли быть результатом игры случайностей. Такие черты, как общее в прошлом окончание глаголов 2-го л. ед. ч. *i* или одинаковость форм дательного и родительного падежей, могли сложиться только в эпоху существования дако-романского языкового единства. Всякое иное объяснение предполагает случайность или чудо.

По предположению Росетти, дако-романское языковое единство существовало на территории Мезии, Иллирии и Дакии в период между V и VI вв. н. э.

Дако-романский язык-основа неоднократно скрещивался с другими языками. Многочисленные общие черты, присущие всем балканским языкам в целом, так называемые балканизмы, свидетельствуют о наличии какого-то иллирийского или фракийского языка, оказавшегося побежденным при скрещивании с дако-романским языком-основой. Побежденный язык оставил известные следы в дако-романском. Эти следы обнаруживаются в фонетике, например: а) наличие во многих балканских языках звука типа румынского *ă*; б) ротацизм *n* в некоторых румынских говорах, ср. дако-румынское *bine* — «хорошо», истро-румынское *bire*; ср. в албанском языке тоскское *hapur* — «открытый», гегийское *hapun*; в) ослабление неударного конечного *a* в *ă*: народно-латинское *camisia* — «рубашка», румынское *cămășă*, албанское *këmishë*.

Влиянием субстрата некоторые ученые объясняют: а) наличие постпозитивного артикля, ср. румынское *om* — «человек»

(неопределенный), *omul* — «человек» (определенный); албанское *njeri* — «человек» (неопределенный), *njerin* — «человек» (определенный); болгарское *град* — «город» (неопределенный), *градът* (определенный); б) исчезновение инфинитива и замена инфинитивных конструкций формами сослагательного наклонения, ср. румынское *vreau să mănînc* — «хочу есть», букв. «хочу, чтобы я ел», болгарское *искам да ям*, новогреческое $\theta\acute{\epsilon}\lambda\omega\ \psi\acute{\alpha}\phi\omega$; в) исчезновение форм дательного падежа и фактическое его слияние с формой родительного: румынское *omului* — «человека» и «человеку», албанское *njeriut* — «человека» и «человеку», новогреческое *μου* — «мне» и «меня», болгарская конструкция с предлогом *на* — *на човек*, — обозначающая «человека» и «человеку», и другие; г) наличие общей структурной модели образования будущего времени с участием вспомогательного глагола *хотеть*, ср. румынское *voi lucra* — «буду работать», новогреческое $\theta\acute{\alpha}\ \gamma\rho\acute{\alpha}\phi\omega$ — «буду писать», болгарское *ще обичам* — «буду любить», албанское *do të punoj* — «буду работать».

Влияние побежденного языка сказалось также в известной степени в лексике и идиоматике.

Более позднее славянское влияние выразилось в заимствовании известной части славянской лексики и словообразовательных элементов.

История дако-романского языка-основы служит прекрасной иллюстрацией сталинского положения о скрещивании языков. Влияние побежденного языка сказалось главным образом в некотором несущественном изменении структурной языковой модели и лексических заимствованиях. В целом дако-романский язык сохранил ярко выраженный романский характер. Сохранившаяся система словоизменительных элементов в румынских диалектах и говорах молдавского языка восходит через посредство народной латыни к латинскому языку. В целях доказательства приведем некоторые примеры. Окончание родительного и дательного падежей ед. ч. неопределенной формы *case* — «дома» и «дому» от слова *casă* — «дом» представляет не что иное, как латинское окончание *ae*, ср. латинское *terrae* — «земли» и «земле». Латинское окончание именительного падежа мн. ч. латинских слов с основами на *a* — *ae* нашло свое отражение в румынском и молдавском окончании мн. ч., например *case* — «дома». Окончание именительного падежа мн. ч. от многих существительных на *uri*, например, *lucru* — «работа», *lucruri* — «работы», *piept* — «грудь», *piepturi* — «грудь», восходит к латинскому элементу *oga*, превратившемуся в специальное окончание вследствие переразложения, ср. латинское *tempus* — «время», *tempora* — «времена». Румынское и молдавское окончание именительного падежа мн. ч. *i* в ряде существительных восходит к латинскому соответственному

окончанию *es* (народно-латинское *is*), например, *munte* — «гора», *munți* — «горы», ср. латинское *mons* — «гора», *montes* — «горы». Личное окончание 2-го л. ед. ч. глаголов, например *lucrați* — «вы работаете», представляет, как уже упоминалось выше, дальнейшее изменение латинского личного окончания *tis*. Окончание *i* 1-го л. ед. ч. *perfectul simplu*, например *cântai* — «я спел», восходит к латинскому *i*, ср. латинское *cantavi*. Окончание простого перфекта 3-го л. мн. ч. *agă* глагола *cantară* — «они спели» может быть выведено из латинского *cantaverunt*. Даже в тех случаях, когда не сохранилось латинской флексии, можно безошибочно по косвенным признакам судить о ее былом существовании. Гласный *о* в корне глагола *domni* — «царствовать» в 1-м л. ед. ч. настоящего времени (*domn*) потому и сохраняется, что некогда здесь было *u* из *о*, ср. латинское *tango* — «касаюсь». Если бы здесь был другой гласный, то корневое *о* неминуемо бы изменилось в *оа*, ср. румынское *doamnă* — «госпожа».

Основной словарный фонд в румынских диалектах также сохраняет довольно резко выраженный романский характер.

Все это лишний раз доказывает абсолютную нелепость марровских теорий о смешанном характере молдавского языка.

Молдавский язык некогда был одним из диалектов дако-романского языка-основы. Впоследствии в особых исторических условиях он сложился в самостоятельный национальный молдавский язык. Отдельное существование от румынского, влияние различных славянских языков и в первую очередь русского, придало молдавскому языку специфический колорит, который не может не учитываться.

В своем словарном составе и грамматическом строе молдавский язык отражает следы различных исторически сменявшихся языков-основ или языковых общностей. В нем можно обнаружить и явления, восходящие в своем истоке к индоевропейской, латинской и дако-романской языковым общностям. Так, например, молдавское слово *soare* — «солнце» содержит в себе одновременно следы индоевропейской, народно-латинской и дако-романской языковых общностей. Начальное *s* идет от индоевропейского языка-основы, ср. литовское *saule* — «солнце», готское *sauil*, русское *солнце*, греческое *ἥλιος* из *sēlios*; конечное *e* отражает состояние народно-латинской языковой общности, где формы именительных падежей образовались на основе форм винительных падежей, ср. латинское *solem* (винительный падеж от *sol* — «солнце»), тогда как *r* из древнего *l* представляет наследие дако-романской языковой общности.

Без признания факта исторически сменявшихся языков-основ постановка изучения истории молдавского языка факти-

чески невозможна. Советское языкознание слишком долго находилось в плену марровской бестолковщины. Освобождение от марровского антиисторизма предполагает прежде всего обращение к осязаемым языковым фактам, к действительной, а не четырехэлементной, вымышленной истории языков.

Только применение сравнительно-исторического метода, опирающегося на факты исторических смен языковых общностей и неравномерности развития и изменения языков, позволяет проникнуть в тайники действительной истории.

Сравнение слов и форм с целью реконструкции их древних архетипов требует последовательного снятия инноваций, возникших за время существования каждой из языковых общностей. Для того чтобы реконструировать древнейшую форму такого молдавского слова, как *фум* — «дым», необходимо снять все то, что могло возникнуть в условиях существования молдавского языка, в данном случае отпадение конечного *и*, и восстановить возможную форму народной латыни *fumi* посредством сравнения с классическим латинским *fumus*; при этом восстанавливается и конечное *s*. Сравнение латинского слова *fumus* с русским *дым*, албанским *tym*, греческим *θυμός*, литовским *dūmai* и древнеиндийским *dhumah* приводит к реконструкции древнейшего архетипа *dhumós*.

Для того чтобы установить историю молдавского слова *лунг* — «длинный», необходимо снять прежде всего все то, что могло возникнуть в условиях дако-романской языковой общности. В данном случае мы имеем отпадение конечного *s*, утрату предшествующего гласного, совершившуюся, повидимому, уже после распада этой общности, изменение *о* в *у* в положении перед *н*, что устанавливается путем сравнения с латинским *longus* — «длинный». Затем необходимо снять слой новообразований, который мог возникнуть в условиях латинского языка, что достигается путем сравнения латинского *longus* со старославянским *длѣгъ*, готским *laggs*, древнеиндийским *dirghah* из *dīghos*. Таким путем можно установить древний архетип слова *лунг* — *dlonghos*.

История инфинитива молдавского глагола *а зиче* — «говорить» может быть установлена теми же приемами. Путем сопоставления с латинским глаголом *dicere* — «говорить» снимаются новообразования, возникшие в дако-романском языке-основе, т. е. отпадение конечного *ге* и превращение начального *д* в *з*, а также превращение, повидимому уже в народной латыни, древнего *к* в *ц*, на почве молдавского и румынского языков в *ч*, *ш*. С латинского *dicere* также может быть снят слой новообразований, возникших в эпоху существования латинского языка, что достигается путем сопоставления этого глагола с формой архаической латыни *deicerent*. Учтывая, что конеч-

ное *e*, краткое в латинском языке, исторически развивалось из более древнего *i* и что *g* в интервокальном положении могло развиваться из более древнего *s*, можно установить, что латинский инфинитив *dicere* имел более древнюю форму *deicesi*. Таким образом, инфинитив глагола *a зыче* исторически развился из *deicesi*.

Путем сопоставления молдавского глагола *a дуче* — «вести» с латинским глаголом *ducere* и причастием *ductus* устанавливается происхождение звука *ч* (в молдавских говорах *шь*) из древнего *k*. Сопоставление латинского *ducere* с готским *tiuhan* — «тащить», немецким *ziehen* и формой, засвидетельствованной в архаической латыни, *abdoucit* — «он отводит» при учете закономерных соответствий между различными индоевропейскими языками позволяет установить более древний звуковой облик корня этого слова *deuc*.

Таким образом можно установить, что инфинитив молдавского глагола *a дуче* исторически развился из предполагаемой формы архаической латыни *deucesi*.

Молдавское слово *норэ* — «сноха» при установлении его древнего звукового облика должно быть прежде всего освобождено от напластований, возникших в условиях существования дако-романской языковой общности. В интересующем нас случае эти изменения выразились в превращении конечного *a* в *я*. Восстанавливаемая таким образом форма должна быть подвергнута дальнейшему снятию новообразований, имевших место уже в период существования народно-латинской языковой общности. В народной латыни происходил процесс утраты древнелатинских аномалий, которые заключались в несоответствии рода и окончания у имен существительных третьего склонения, ср. латинское *nus* — «сноха», родительный падеж *nuris*. С латинского слова *nus* также может быть снят слой новообразований путем сравнения его с русским *сноха* и древнеиндийским *snuša*. Таким образом устанавливается древнейший архетип молдавского слова *норэ* — *snusa*.

Только такое проникновение в историю может быть названо действительным проникновением. Всякая маррдовская элементная ересь должна быть самым решительным образом осуждена и отброшена как неслыханная заумь, не имеющая ни грана марксизма.

Различные статьи Н. Я. Марра, содержащие упражнения в анализе по четырем элементам, не имеют никакой ценности и могут быть названы только пустым местом в лингвистической науке. Они ведут нас не к реальной истории звуков, слов и их форм, а к самому пошлому антиисторизму, целиком и полностью смыкающемуся с антиисторизмом школы М. Н. Покровского в области исторической науки.

Сравнение слов и форм родственных языков с целью установления их реальной истории отнюдь не предполагает чисто механических сопоставлений. От лингвиста-историка требуется учет всех возможных причин и факторов, действующих в сфере языковой системы и оказывающих влияние на характер ее исторического развития. Необходимо учитывать такой мощный фактор, как аналогия. 1-е лицо ед. ч. имперфекта *кынтам* от молдавского глагола *а кынта* — «петь» нельзя чисто механически вывести из латинской формы *cantabam*, так как конечное *m* в данном случае не могло удержаться, поскольку оно было очень слабым в классической латыни и утрачивалось в народной латыни, по крайней мере в восточных провинциях. Следовательно, здесь конечное *m* иного происхождения. Оно перенесено по аналогии из формы 1-го л. мн. ч. слова *кынтам*, развившегося из латинского *cantabamus*. В данном случае оно не могло утратиться, так как было некогда защищено гласным звуком, оставшимся после отпадения *s*. Точно так же формы от этого глагола 1-го и 2-го л. мн. ч. простого перфекта, уже не употребляющегося в живом молдавском языке, *кынтам* и *кынтарець* не могут быть выведены механически из форм латинского языка *cantavimus* и *cantavistis*. В образовании этих форм явно чувствуется влияние формы 3-го л. *кынтам*.

Почетное место в молдавских вузах на факультетах языка должна занять румынская и молдавская диалектология. Без знания отличительных черт отдельных молдавских говоров, особенностей истро-румынского, дако-румынского и македоно-румынского диалектов нельзя надлежащим образом наладить изучение истории молдавского языка, так как диалекты сохраняют иногда ряд архаических черт, давно пережитых молдавским языком, ср., например, молдавское *коадэ* — «хвост», истро-румынское *code*; молдавское *фоайе* — «лист», истро-румынское *fole*. Необходимо создание стройного и продуманного курса молдавской диалектологии.

Только студент, прослушавший за время своего обучения курс сравнительной грамматики романских языков, курс молдавско-румынской диалектологии, курс народной латыни, основательно изучивший латинский язык, может оказаться способным впоследствии наладить дело изучения истории молдавского языка. Вне этих условий всякая подготовка кадров в этом направлении может оказаться нереальной.

Изучение истории молдавского языка также должно стать одной из главных задач Института языка при Молдавском филиале АН СССР, сконцентрировавшего в своем составе наиболее подготовленных молдавских лингвистов. Именно они в первую очередь должны возглавить это большое и серьезное дело,

взяться за изучение молдавской и румынской диалектологии, составить пособия по исторической грамматике молдавского языка и издавать исторические памятники молдавской письменности.

Изучение истории молдавского языка, его говоров и диалектов должно помочь разрешению ряда неотложных практических проблем дальнейшего развития молдавского литературного языка.

Существующий в настоящее время молдавский литературный язык хотя не отвечает полностью требованиям современности, но он, безусловно, сыграл свою историческую роль в культурном развитии молдавского народа. Даже последняя реформа орфографии, устранившая отражение на письме палатализации, диктовалась в известной мере рациональными соображениями. Грамматическая структура существующего литературного молдавского языка, безусловно, передает в основном грамматическую структуру общенародного молдавского и родственного ему румынского языков и не является чем-то искусственным, чужеродным и надуманным. Эта структура сложилась естественно-историческим путем, и радикальная ее ломка абсолютно не диктуется ни политическими, ни иными соображениями.

Основные споры вызывают вопросы орфографии и пути обогащения лексики.

Нет никакого сомнения в том, что молдавский язык не должен отгораживаться от мощного и плодотворного влияния русского языка. Обогащение и совершенствование молдавского языка есть длительный процесс, предполагающий и выработку стилистических норм совокупными усилиями молдавских писателей, и критический отбор наиболее выразительных элементов народной речи при равнении на центральные молдавские говоры около г. Кишинева, и пополнение лексики за счет заимствований из русского языка, и использование в известной мере достижений братского румынского языка, развивающегося в настоящее время в совершенно новом направлении. Не кавалерийский наскок, а дифференцированный подход к каждому конкретному случаю, основанный на глубоком исследовании языковых фактов, трезвый учет и традиции, и языковой эстетики, и общего характера грамматической структуры; умение разграничивать лексику жаргонов от общенародной лексики, литературный язык от просторечия, вопросы орфографии от проблем развития языка; обращение к лучшим произведениям классиков молдавской литературы — вот те положения, которые должны стать основными принципами в сложном процессе дальнейшего совершенствования молдавского литературного языка.

Тщательное изучение истории молдавского языка, особенностей его отдельных говоров и диалектов, изучение, производимое не изолированно, а в общей системе исторического развития молдавских и румынских диалектов, выявление наиболее жизненных диалектов и диалектов, исторически обреченных, перемалывающихся в общенародном языке, несомненно, помогут созданию более совершенного, гибкого и более близкого к общенародному языку молдавского литературного языка, удовлетворяющего требованиям молдавского народа.

Внедрение сравнительного исторического метода в языкознание также не означает повторения приемов и методов зарубежного языкознания. Восстановление принципов сравнительно-исторического метода предполагает его дальнейшее усовершенствование на основе марксистской методологии научного исследования. Советское языкознание должно создать более совершенные приемы сравнения и исторического изучения языков.

Изучение истории языка, как учит нас И. В. Сталин, не должно производиться в отрыве от истории его носителя, от истории говорящего на нем народа. Но отсюда не следует, что абсолютно каждое явление в языке должно увязываться с каким-либо эпизодом из истории народа, например, нашествие Наполеона на Россию или сменами общественно-экономических формаций. С историей народа в той или иной степени могут быть соотнесены все явления языка, но не каждое явление можно приурочить к определенному периоду истории народа. С определенным периодом истории народа могут быть более или менее непосредственно связаны такие явления, как идеологически окрашенная лексика, техническая и научная терминология, почти все заимствованные слова, если возможно определить время их проникновения в данный язык, калькированные синтаксические конструкции, возникшие по образцу конструкций определенного языка. Слова основного словарного фонда и многие элементы грамматической структуры языка в их генезисе уже труднее увязать с определенным периодом истории народа, поскольку они создаются и сохраняются в течение ряда эпох.

Нельзя смешивать возможность увязки явлений языка с историей народа, с причинами возникновения этих явлений. Наличие в молдавском языке таких слов, как *друм* — «дорога» и *липса* — «недостаток», имеет безусловно исторические причины (связи с греками). Окончание мн. ч. на *-урь*, например, *рыу* — «река», *рыурь* — «реки», хотя и может быть увязано с периодом существования дако-романской языковой общности, но сам факт существования дако-романского языкового единства не является причиной распространения по аналогии окончания мн. ч. на *-урь*. Наличие суффикса *-ez* в таких формах,

как *лукрез* — «я работаю», *лукрызэ* — «он работает», может быть объяснено историческими причинами, в данном случае влиянием греческого языка, поскольку суффикс *-ez* объясняется влиянием греческих глаголов на *ίζο*, например *ελπίζω* — «я надеюсь» и другие, но наличие другого суффикса *-esc*, например, *ворбеск* — «говорю», *ворбеште* — «говорит», хотя и может быть в известной степени связано с историей, с эпохой существования народно-латинской языковой общности, где латинский суффикс начинательных глаголов *-esc* получал особое распространение, однако не внешние исторические причины вызвали особое его распространение. Оно было вызвано процессами, происходящими в самой языковой сфере. Тот, кто требует указания исторических причин превращения латинского слова *passer* — «воробей» в *пасэре* — «птица» или превращения латинского *l v r* в слове *каре* — «который» из латинского *qualis*, может быть назван перекрасившим свой фасад марровцем, искажителем и опошлителем сталинской идеи необходимости увязки явлений языка с историей народа.

Учет этих положений может безусловно избавить от возможностей рецидивов марризма в языкознании и обеспечить дальнейшее развитие в надлежащем направлении гениальных сталинских указаний об увязке явлений языка с историей народа.

Обстоятельное изучение диалектов румынского языка и молдавских говоров, изучение исторических памятников молдавской письменности должно дать новый материал для сравнения восточнороманских языков и для усовершенствования сравнительно-исторического метода.

Сравнительно-исторический метод, несмотря на его серьезные недостатки, во многих случаях является единственным научно-исследовательским приемом, обеспечивающим проникновение в глубочайшие тайники реальной истории языка.

История молдавского языка должна занять подобающее место среди других предметов на факультетах языка молдавских вузов. Новый этап в развитии советского языкознания, начавшийся после опубликования труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», дает все возможности для организации этого дела.

Таковы в основном задачи, связанные с вопросами изучения истории молдавского языка и внедрения сравнительно-исторического метода.

Д. Е. Михальчи

ЗАДАЧИ МОЛДАВСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Со времени проведения свободной дискуссии на страницах газеты «Правда» и появления работ И. В. Сталина по вопросам языкознания уже явственно проявила себя та творческая энергия, которая была парализована аракчеевским режимом в языкознании, монопольным положением «нового учения» о языке.

«Общепризнано, что никакая наука не может развиваться и преуспевать без борьбы мнений, без свободы критики,— говорит товарищ Сталин.— Но это общепризнанное правило игнорировалось и попиралось самым бесцеремонным образом»¹. Эти слова И. В. Сталина вполне характеризуют и то положение, которое существовало в молдавском языкознании и отдельные пережитки которого сохранились до сих пор. Совместная сессия Института языкознания АН СССР и Института истории, языка и литературы Молдавского филиала АН СССР, посвященная вопросам молдавского языкознания, должна явиться проводником основных положений сталинского учения о языке и выражением свободной критики и борьбы мнений по насущным вопросам молдавского языка.

Труды И. В. Сталина по языкознанию, а также его работы по национальному вопросу являются руководящим материалом для каждого лингвиста. Учение о грамматическом строе языка и его основном словарном фонде как основе языка, сущности его специфики, о скрещивании языков, о языковых группах (семьях) имеет наряду с положениями об общенародности языка первостепенное значение для языковедов-молдаванистов, особенно если учесть те марристские ошибки, которые были свойственны многим из них. Изучение молдавского языка и плодотворное развитие науки о нем возможны лишь при учете и знании работ И. В. Сталина по вопросам языкознания, а также по национальному вопросу («Марксизм и национальный

¹ И. С т а л и н. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1952, стр. 31.

вопрос», «Национальный вопрос и ленинизм»), в которых освещены проблемы возникновения и развития наций, дано учение о социалистических нациях, о судьбе национальных языков. О сдвигах в советской науке о языке свидетельствуют результаты деятельности советских лингвистов за истекшие полтора года. За это время появились исследования по русскому языку, языкам народов СССР, издан сборник статей «Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании», проведен ряд научно-организационных мероприятий.

Вопросы происхождения и классификации романских языков были поставлены еще в работах Ф. Дипа. Говоря о прямых потомках общего языка-основы — латинского, Ф. Диц среди них называет валашский, указывая на то, что сами носители языка предпочитают название румынского. Область распространения валашского языка, по его мнению, это не только Валахия и Молдавия, но и большая часть Семиградья, и пограничные области Венгрии и Бессарабии; кроме того, территориально несвязанными с основной областью его распространения являются румынские диалекты Старой Фракии и Македонии. Валашский язык Диц делит на два основных диалекта: северный дако-румынский и южный македоно-румынский¹. Свой взгляд на романские языки восточной Романии Диц подтверждал соображениями о происхождении народа — носителя единого валашского языка. Эта точка зрения долгое время была господствующей в романском языкознании. Отдельные уточнения касались в основном вопросов румынской диалектологии.

Последовательное обоснование прав молдавского языка на самостоятельность было дано в работах проф. М. В. Сергиевского. Изучение истории живого молдавского языка левобережных районов Приднестровья, его словарного состава привело советского исследователя к убеждению в правомерности взгляда на молдавский язык, как язык самостоятельный, язык молдавской нации. И. В. Сталин, давая определение нации, говорит: «...нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности четырех основных признаков, а именно: на базе общности языка, общности территории, общности экономической жизни и общности психического склада, проявляющегося в общности специфических особенностей национальной культуры»². Это общее определение приобретает еще большее значение в связи с разграничением старых, буржуазных наций и новых, социалистических.

¹ F. Diez. Grammatik der romanischen Sprachen. Изд. 5-е, Бонн, 1882, стр. 113—114.

² И. В. Сталин. Соч., т. 11, стр. 333.

Путь развития молдавского языка неразрывно связан с судьбами молдавской социалистической нации, строящей вместе с другими нациями Советского Союза величественное здание коммунизма.

Обобщая свой опыт исследования молдавского языка, М. В. Сергиевский писал: «...молдавский язык, как литературный язык, известный нам по письменным памятникам по крайней мере с XVI в. и еще задолго до этого являвшийся живым разговорным языком населения самостоятельного молдавского господарства, каковое положение он занимает ныне в Молдавской ССР, имеет свою особую историю, несмотря на свою большую близость к языку старого господарства Валахии, ставшего после образования Румынии основой литературного и национального языка последней, может и должен быть изучен в своем историческом развитии, как всякий другой язык романской языковой семьи»¹. Однако правильно намеченные пути изучения молдавского языка были оставлены многими во имя следования порочным и неверным установкам «нового учения» о языке Н. Я. Марра.

В своем докладе «Академик Н. Я. Марр и изучение романских языков», сделанном на научной сессии Института языка и мышления в январе 1950 г., я допустил ряд неверных, методологически необоснованных обобщений, исходя из глубоко порочного утверждения Н. Я. Марра о единстве глоттогонического процесса. В докладе содержалась попытка видеть в народной латыни только один из компонентов, способствовавших развитию романских языков, подвергались сомнению родство романских языков и закономерность положения о языковых группах (семьях). В связи с этим судьба отдельных романских языков рассматривалась мною вне их взаимосвязи и вне их прямой генетической соотнесенности с народной латынью, т. е. разговорно-речевой функцией общенародного латинского языка. В подтверждение основных определений в докладе широко использовались цитаты как из печатных статей Н. Я. Марра, так и из архивных неопубликованных его материалов. В докладе содержались необоснованные упреки по адресу В. Ф. Шишмарева и М. В. Сергиевского как исследователей, недостаточно применявших или совсем отрицавших идеи «нового учения» о языке². В своих выступлениях в 1951 г. в Институте языкознания и в Московском государственном университете я пытался

¹ М. В. Сергиевский. Проблема происхождения и развития молдавского языка в свете языкознания. «Ученые записки Института истории, языка и литературы Молдавской научно-исслед. базы АН СССР», т. I. Кишинев, 1948, стр. 35.

² Стенограмма сессии от 27. I 1950 г., стр. 40—71.

самокритично раскрыть корни и характер допущенных мною ошибок, но в то же время я обошел молчанием марровские утверждения своего доклада в статье «Некоторые задачи молдавского языкознания в свете трудов И. В. Сталина»¹. Естественно, что неправильное понимание мною вопроса о происхождении романских языков могло повлечь за собой и неверное толкование происхождения молдавского языка.

Для решения основных проблем молдавского языка появление работ И. В. Сталина по языкознанию было исключительно важным. Известно, что в Молдавии в течение многих лет не могли разрешить основные вопросы не только научного, но и школьного, практического изучения родного языка. Велись споры по второстепенным разделам молдавского языкознания, отдельные частности, не имеющие принципиального характера, привлекали к себе внимание лингвистов, вызывая бессмысленную трату времени. Научная принципиальность и обоснованность взглядов подменялись личными интересами, в силу чего длительная «дискуссия» о судьбах, самостоятельности и развитии молдавского языка приняла недопустимые формы.

Взгляды на происхождение молдавского языка отличались у молдавских лингвистов крайней неустойчивостью; так, в 1949 г. можно было встретить следующее утверждение: «Молдавский народ и его язык возникли, как доказывает марксистское учение об этногенетическом и глоттогоническом процессе яфетической теории академика Н. Я. Марра, благодаря скревищению двух основных народов — римских колонистов и славян и их языков в прошлом, на основе, вероятно, гето-дако-фракийского элемента территории Дакии. Большое влияние оказали позднее другие народы: болгары, сербы, венгры, русские, украинцы, турки, татары, хотя морфология молдавского языка, по утверждению покойного проф. Сергиевского, сохранила, в основном, строй романских языков»². Ниже, в той же статье, автор И. Д. Чебан в пылу полемического задора явно вульгаризирует подлинный смысл русско-молдавских отношений. Уже после появления работ И. В. Сталина по языкознанию и завершения лингвистической дискуссии при обсуждении лекции того же автора «Некоторые вопросы развития молдавского литературного языка советского периода» выступавшие отмечали, что в ней недостаточно учтены указания товарища

¹ «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», т. X, вып. 3, 1951.

² И. Д. Чебан. Социально-экономические предпосылки появления письменности на молдавском языке. «Ученые записки Института истории, языка и литературы Молдавской научно-исслед. базы АН СССР», т. II. Кишинев, 1949, стр. 156.

Сталина, что автор считает молдавский язык — славянским. Впрочем, это не помешало автору заявить, что процесс скрещивания продолжается¹, а несколько позже, — что признание молдавского языка чисто романским языком опасно и этот вопрос следует еще глубоко изучить², и, наконец, что утверждение, будто строй молдавского языка полуроманский и полуславянский, нельзя считать ошибочным³. Такая непоследовательность во взглядах приводила к полной непримиримости по отношению ко всем противникам и в особенности к тем из них, кто обладал большим научным горизонтом и отличался аргументированностью своих позиций.

Не улучшил положения и доклад И. Д. Чебана «Учение И. В. Сталина о языке и задачи изучения молдавского языка», сделанный им на заседании Ученого совета Института истории, языка и литературы Молдавского филиала АН СССР 15—16 декабря 1950 г. Докладчик сообщил о трех мнениях по вопросу о происхождении молдавского языка: 1) молдавский язык происходит от латинского и относится к романской группе (семье) языков; 2) в молдавском языке одним из основных компонентов является латинский элемент, но вместе с тем вторым важным компонентом является славянский элемент; 3) молдавский язык — язык славянского происхождения⁴. Это заставило его искать у ряда представителей зарубежной буржуазной лингвистики, как, например, у Пушкарю, Филиппиде, Гримма, Вейганда, объяснения и поддержки взгляда на молдавский язык, как язык, возникший из двух компонентов — латинского и славянского. Между тем единственно правильная ориентация на труды И. В. Сталина по языкознанию не была им использована, и творческого понимания главных положений этих трудов в докладе найти нельзя.

Коренную ошибку — торможение перестройки работы по языкознанию в Молдавской ССР — совершили многие лингвисты. За 1951 г. в местной республиканской прессе появились две статьи И. Д. Чебана⁵, статья П. Г. Корлэтяну⁶ и статья

¹ Протокол № 8, 21. VIII 1950 г. заседания Ученого совета Института истории, языка и литературы Молдавского филиала АН СССР.

² Протокол № 9, 19. IX 1950 г. заседания Ученого совета Института истории, языка и литературы Молдавского филиала АН СССР.

³ Протокол № 10, 3. XI 1950 г. заседания Ученого совета Института истории, языка и литературы Молдавского филиала АН СССР.

⁴ Стенограмма заседания Ученого совета Института истории, языка и литературы Молдавского филиала АН СССР 15—16. XII 1950 г., стр. 5—23.

⁵ И. Д. Чебан. Сэ дигрэдэчинэм марризмул ши сэ ыгрэдэчинэм марксизмул ын лингвистикэ. Газ. «Молдова соцпалтэ», 3 марта 1951 г.: с. 9 же: Некоторые вопросы развития молдавского языка в свете учения И. В. Сталина. «Советская Молдавия», 4 октября 1951 г.

⁶ Н. Г. Корлэтяну. Деспре алкэтуинца лексикалэ ши фондул

Е. Н. Букова¹, а перед объединенной сессией слабый и во многом ошибочный, с явными пережитками марризма, сборник «Вопросы молдавского языка в свете трудов И. В. Сталина»², что никак не может считаться достаточным, поскольку вопросы молдавского языкознания интересуют не только специалистов, но и широкие круги советской общественности.

Ошибки и колебания, допущенные при решении вопроса о происхождении молдавского языка, задержали изучение многих насущнейших проблем на несколько лет. Некоторые языковеды, несмотря на прямые запросы советской действительности, продолжают проявлять недостаточное понимание текущих первоочередных задач, стоящих перед молдавским языкознанием. Еще в 1949 г. в отчете секретаря ЦК КП(б) Молдавии тов. Коваля было указано: «В области языка и литературы нашими неотложными задачами являются дальнейшее совершенствование орфографии и грамматики, обогащение литературного языка, очищение его от всяких чуждых ему буржуазных наслоений и влияний, разработка диалектологии и история молдавского языка и литературы, определение литературного наследства»³.

Потребность в хорошей школьной грамматике, в словарях, удовлетворяющих научным требованиям, в обоснованной, а не случайной системе орфографии до сих пор остается очень острой.

Мысль о том, что вопросы орфографии занимают в языкознании чуть ли не первенствующее значение, высказывавшаяся многократно и раньше, снова с настойчивостью, достойной лучшего применения, появляется в газете «Советская Молдавия»⁴. Автор статьи пытается апеллировать к таким явлениям молдавского языка, как палатализация согласных, противопоставляя эту фонетическую особенность произносительным нормам румынского языка, забывая в то же время о сходном произношении в обширной области современной Румынской Народной Республики — Запрутской Молдавии. Характерно для него повторение без каких-либо изменений рассуждений о правописании географических имен, употреблении народных, «в действительности достаточно литературных слов», и многое другое, свидетельствующее о недостаточном лингвистическом кругозоре и медленной перестройке автора статьи.

лекспал де базэ ал лимбий молдовенешть. «Молдова сочиалистэ», 25 марта 1951 г.

¹ Е. Н. Букова. За общенародный литературный молдавский язык. «Советская Молдавия», 25 марта 1951 г.

² Изд. Института истории, языка и литературы Молдавского филиала АН СССР, Кишинев, 1951.

³ «Советская Молдавия», 7 февраля 1949 г.

⁴ См. И. Д. Чебан. Некоторые вопросы развития молдавского языка в свете учения И. В. Сталина. «Советская Молдавия», 4 ноября 1951 г.

Очевидно, что для разработки вопросов грамматического строя и основного словарного фонда потребуется много времени и усилий большого коллектива лингвистов. Необходимо создать научную грамматику молдавского языка, что поможет улучшить и школьный учебник по грамматике¹, изобилующий существенными погрешностями, которые вызывали нарекания со стороны учителей, языковедов и самих учащихся. Существующая грамматика является в значительной степени повторением стабильного учебника русского языка С. Г. Бархударова под редакцией академика Л. В. Щербы. Те же разделы в ней, которые разработаны молдавскими авторами самостоятельно, например об артикле, который рассматривается как самостоятельная часть речи, об обоюдном роде, о природе молдавских числительных, о двух вариантах произношения согласного г, об особенностях возвратной формы глагола, — всегда отличаются зыбкостью и нечеткостью установок и формулировок, вряд ли допустимых в школьном учебнике².

Не только пересмотр и учет сделанных критических замечаний, но и составление нового учебника по грамматике, с привлечением заслуживающего доверия авторского коллектива, является одной из самых насущных задач молдавских языковедов и педагогов. Предварительное обсуждение, с широким привлечением заинтересованных учреждений и лиц, новой грамматики поможет издать для молдавских школьников хорошее пособие по родному языку.

В русско-молдавском словаре, изданном в 1949 г.³, многое не может считаться удовлетворительным и требует значительных поправок. Ведущаяся работа по новому изданию словаря, при учете опыта Государственного издательства иностранных и национальных словарей, обеспечит его более обширной фразеологией, освободив от излишнего и неправильно применяемого языкового пуризма, сказавшегося в произвольном отказе от ряда слов, имеющих право на существование и употребление. Кустарщину и произвол, существовавшие прежде в лексикографической работе и нашедшие «теоретическую» поддержку в некоторых статьях, теперь должны заменить всесторонний учет своеобразия молдавского словарного состава и подлинно научный критерий в отборе слов. Так, для слова «бессонница» наряду с *несомн*, *недормире* следует дать также форму *инсомние*; для обозначения понятия «проверять» помимо *а контрола*

¹ Ион Д. Чобану. Грамматика лимбий молдовенешть. Партия шкитий. Фонетика ши морфология. Кишинев, 1949.

² См. И. Д. Чобану. Грамматика лимбий молдовенешть, стр. 57, 66, 128, 26, 216.

³ Н. Г. Корляту и Е. М. Руссеев. Русско-молдавский словарь. Кишинев, 1949 г.

надо включить в словарь слово *а верифика*, имеющее другой смысловой оттенок. Против его включения вряд ли что-либо можно возразить, поскольку употребительными в молдавском языке являются слова, образованные от корня *вер* (с чередованием *вэр*, от латинского *verus*) — *адевэр* — «правда», *адевэрат*, а словообразовательный элемент *пффик* встречается в ряде молдавских слов, например *штиинцифик* и другие.

Надо думать, что в новом издании словарь охватит большее количество слов, достаточное для выражения всех разнообразных понятий, свойственных нашей социалистической эпохе. Быть может, следует решить вопрос о порядке слов внутри гнезда, с тем чтобы слова молдавского словарного состава занимали первое место.

Своеобразие языков восточной Романии складывалось с давних пор и нашло свое выражение в таких особенностях, как постпозитивный артикль, сохранение склонения, наличие некоторых глагольных форм в специфическом употреблении и, наконец, чрезвычайная продуктивность взаимообобщения восточно-романских и славянских языков. Это последнее сказалось в сильной мере на словарном составе как молдавского, так и румынского языков. Еще К. Негруцци в своем письме, датированном июлем 1844 г., говорит об исключительном значении и широком употреблении слов славянского корня в румынском языке¹. Однако степень воздействия славянских языков, и прежде всего русского, на молдавский гораздо больше и интенсивней. Особенно возросло плодотворное влияние русского языка после Великой Октябрьской социалистической революции; оно проявилось первоначально в пределах Молдавской АССР, а с 1940 г., в связи с освобождением Бессарабии, на всей территории Молдавской ССР. Огромное число новых понятий, вызванных к жизни коренными изменениями в экономике и социальном строе, потребовало новых слов и расширения значения старых. Русский язык явился для молдавского, как и для других языков Советского Союза, животворным источником пополнения и создания слов, необходимых новому, социалистическому обществу.

Самобытность развития молдавского языка, хотя и с известными ограничениями, признавали некоторые из румынских языковедов. Так, Г. Иванеску в своей работе о старорумынском литературном языке² готов рассматривать молдавский и валашский языки как самостоятельные до конца XVIII в., когда заканчивается древний период развития. Останавливаясь

¹ C. Negruzzi. Opere alese. Бухарест, 1934, стр. 73—75.

² См. Gh. Ivănescu. Problemele capitale ale vecchiei române literare. Buletinul institutului de filologia română, т. XI—XII 1944—1945.

подробно на характеристике древнего периода, Иванеску ставит вопрос о существовании разницы между литературным и народным языком и о причинах возникновения таковой. Для позднейшего развития он считает неизбежным создание единого литературного языка путем сближения молдавского с валахским. Таким образом, и в этой несколько необычной трактовке вопроса о самостоятельности молдавского языка конечные выводы румынского исследователя мало чем отличаются от общепринятой точки зрения на единый румынский язык.

Уяснение путей развития молдавского языка находится в зависимости от степени разработанности его истории. В этом направлении еще многое надо сделать, хотя известные шаги — изучение исторических памятников — уже предприняты. Язык первопечатной молдавской книги «Казания луй Варлаам» был предметом диссертации И. К. Вартичана. Автору удалось сделать существенные наблюдения фонетического и морфологического порядка. Синтаксис и словарные особенности этого интересного свидетельства раннего периода молдавского языка заняли подчиненное положение в исследовании¹. Некоторое представление о ходе развития молдавского языка дают соответствующие страницы «Истории Молдавии»², являющейся для молдавских лингвистов примером настойчивой коллективной работы историков-молдавоведов, достойным подражания.

Было бы желательным объединение работ по истории молдавского языка; этими проблемами заняты: А. Т. Борщ³, автор данного доклада, и некоторые аспиранты. Изучение языка молдавских хроник Григория Уреке, М. Костина, И. Некулче до некоторой степени облегчается тем, что помимо выхода коллективного труда «История Молдавии» появились исторические исследования, посвященные изучению отдельных летописей, где многие неясные стороны прошлого Молдавии получили освещение. Отставание, которое наблюдается в современном молдавском языкознании, дает себя знать и в таком существенном его разделе, как история языка. Здесь, как и в других случаях, следует использовать обширный опыт и прямую помощь языковедов — специалистов по русскому языку. Вряд ли составление научного труда по истории молдавского языка, даже при коллективных усилиях, будет осуществлено в короткий срок, но подготовка очерков, монографических исследо-

¹ См. И. К. В а р т и ч а н. Язык первой печатной молдавской книги. Л., 1949 (автореферат).

² «История Молдавии», т. I, под ред. А. Д. Удальцова и Л. В. Черепнина. Кишинев, 1951.

³ А. Т. Б о р щ. Краткие очерки истории молдавского языка (проект). Сб. «Вопросы молдавского языка в свете трудов И. В. Сталина». Кишинев, 1951.

ваний отдельных этапов его развития уже стоит на повестке дня, являясь одной из первоочередных задач.

В течение ряда лет ведется разработка теории современного молдавского языка. В этом отношении накоплен и значительный педагогический опыт: курс современного молдавского языка постоянно читается в Кишиневском Университете и Пединституте. Подготовка к печати пособия по данному предмету облегчается еще тем, что этой теме была посвящена диссертация Н. Г. Корлэтяну¹. С этим должны быть органически связаны институтские темы по грамматическому строю молдавского языка, которые в дальнейшем помогут составлению научной грамматики. В последнем начинании значительную поддержку можно найти в готовящейся к изданию грамматике русского языка под редакцией акад. В. В. Виноградова и членов-корр. АН СССР Е. С. Истриной и С. Г. Бархударова².

Начатое в Молдавии исследование основного словарного фонда и словарного состава молдавского языка носит монографический характер в работе Н. Г. Корлэтяну. Проспект ее³ дает представление об отчетливом членении основных глав работы, о задачах, поставленных в ней автором, и главное — о понимании и применении им учения И. В. Сталина о языке к конкретному исследованию молдавского языка.

Жизненно необходимыми для дальнейших успехов молдавского языкознания являются исследования современных диалектов. Хотя Институтом истории, языка и литературы предпринимались ежегодно диалектологические экспедиции, тем не менее обработка и публикация собранных материалов до сих пор не осуществлены. Особенно важным для решения проблемы молдавского языка следует признать изучение и описание центральных говоров, граничащих на западе республики с Ясским р-ном Румынской Народной Республики. Опубликованные в «Ученых записках Института истории, языка и литературы» статьи⁴ еще не дают обобщающих выводов по говорам молдавского языка, а между тем составление диалектологической карты, а затем и диалектологического атласа относится

¹ Н. Г. Корлэтяну. Современный литературный молдавский язык. Кишинев, 1949 (автореферат).

² В настоящее время том I «Грамматики русского языка» вышел из печати. Изд-во АН СССР. М., 1952.

³ Н. Г. Корлэтяну. Словарный состав и основной словарный фонд молдавского языка (проспект). Сб. «Вопросы молдавского языка в свете трудов И. В. Сталина». Кишинев, 1951.

⁴ Ф. И. Кожухарь. Лексика граюрилор де мязэ-зы але лимбий молдовенешть. «Ученые записки Института истории, языка и литературы Молдавской научно-исслед. базы АН СССР», т. II. Кишинев, 1949; с е ж е. Унеле деосабирь спечифиче але граюрилор централе але РСС Молдовенешть. «Ученые записки Института истории, языка и литературы Молдавского филиала АН СССР», т. III. Кишинев, 1950.

также к первоочередным задачам молдавского языкознания. Попутно хочется напомнить о том беспризорном состоянии, в котором находится молдавский язык и его говоры за пределами Молдавской ССР. Молдавские языковеды не считают себя обязанными (особенно диалектологи) заниматься описанием говоров своего языка на территории Измаильской, Херсонской, Одесской, Черновицкой и Закарпатской областей УССР, не говоря уже об отдельных молдавских селах на Дальнем Востоке и в других районах нашей необъятной Родины. Отсутствие связи уже приводило к таким фактам, как издание газет в Черновицкой области до 1951 г. с употреблением латинского шрифта (например, газета «Satul sovietic»); наряду с этим языковедческая работа в Черновицах проходит без должной ее координации с другими научными учреждениями, ведущими исследования в области молдавского языка. Мое предварительное знакомство с говором населения сел Средняя и Нижняя Апиа Закарпатской области (учтенных в румынском лингвистическом атласе под редакцией С. Пушкарю), расположенных в непосредственном соседстве с румынским Марамурешем, наблюдения в ряде районов Черновицкой области (Сторожинецком, Глыбокском и других) убеждают в необходимости не только предварительной диалектологической разведки, но и плановых полевых работ по местным молдавским говорам.

Продолжительное время основными вопросами молдавского языкознания признавались орфография, школьная грамматика, терминология, особенно в связи с переводами на молдавский язык произведений классиков марксизма-ленинизма, а проблемы диалектологии, истории и теории языка привлекали к себе внимание лингвистов от случая к случаю. Особенно вредной следует признать широко применявшуюся Институтом истории, языка и литературы практику узаконения весьма зыбких, недостаточно проверенных положений. Не говоря о вполне естественной критике со стороны не соглашавшихся с поспешно издаваемыми и составляемыми чуть не на вечные времена «Правилами орфографии», которая зачастую руководством Института принималась в штыки, эта языковая политика вызывала частичное несогласие даже сочувственно настроенных¹. В результате ненужной спешки и чрезмерной самоуверенности издавались такие явно недоброкачественные пособия, как «Ындрептар ортографик»², в котором автором даже не выверена алфавитная последовательность помещенного материала, хотя

¹ См. А. Т. Б о р щ. Новая орфография молдавского языка. «Ученые записки Института истории, языка и литературы Молдавской научно-исслед. базы АН СССР», т. II. Кишинев, 1949, стр. 239—240.

² Ион Д. Ч о б а н у Ындрептар ортографик. Кишинев, 1949.

с появлением этой книжки предполагалось, что все спорные вопросы орфографии будут разрешены. Конечно, не умаляя значения для каждого языка установленных норм правописания, следует указать на допустимость существующих в молдавской орфографии условностей и на желательность окончательного разрешения этого вопроса после накопления положительных результатов изучения молдавского языка (составление грамматики, завершение диалектологической и словарной работы).

При возвращении к орфографической проблеме не бесполезно лингвистам-молдавоведам учесть опыт румынских языковедов, которые провели дискуссию по вопросам реформы правописания. С проектами новой орфографии выступили акад. Е. Петрович и проф. А. Граур. Проект Е. Петровича¹ содержит в себе 24 пункта не одинаковой важности. В проекте предлагается: передавать гласный звук, близкий к русскому *ы*, через букву *î*, а не двумя буквами *â* и *î*, как было до сих пор; упорядочить написание дифтонга *ia* после согласных; в начале слова после губных писать *î* для обозначения неслогового характера и для смягчения предшествующего согласного, преимущественно в конце слова; ввести написание *î* после *i* полугласного; различать на письме *s* и *z* в зависимости от положения и соседних звуков; транскрибировать иностранные слова по румынской произносительной норме, передавать иностранные фамилии в известных случаях с сохранением их написания, в других — в фонетической румынской транскрипции и т. п. Предложенные проекты уже вызвали отзвуки на страницах печати. Только путем свободного обсуждения и всестороннего обследования вызывающих разногласия положений может быть проведена орфографическая реформа, которая будет соответствовать требованиям научности и полностью будет усвоена широкими массами.

Общественно-политическая и научно-техническая терминология в молдавском языке до последнего времени была недостаточно разработана. Здесь так же, как и при решении орфографических трудностей, вдумчивый, научно обоснованный подход подменялся в течение ряда лет случайным, требовавшим впоследствии исправлений подбором терминов. Созданная сравнительно недавно терминологическая комиссия не сумела возглавить и организовать эту существенную работу. Известный опыт был накоплен при обсуждении переводов на молдавский язык сочинений И. В. Сталина.

Между тем знакомство с терминологической практикой многих наших республик, в частности прибалтийских, принесло

¹ Журн. «Cum vorbim», 1951, № 7—8, стр. 79 и сл.

бы большую пользу. Сосредоточение черновых этапов работы в отраслевых — по отдельным разделам знания — комиссиях, всестороннее обсуждение предложенных вариантов, издание терминологических бюллетеней для широкого ознакомления с ними как языковедов, так и специалистов по различным дисциплинам — все это способствует ускорению темпов этой кропотливой и трудоемкой работы, а также тщательной и основательной подготовке завершающей ее стадии. Окончательное утверждение предлагаемых терминов происходит на пленарном заседании терминологической комиссии с широким участием специалистов, представителей соответствующих отраслевых комиссий. Конечно, такой метод организации потребует значительных усилий и привлечения большого числа компетентных лиц, но результаты будут достигнуты гораздо более ощутительные и в отношении срока, и в отношении высокого качества. Известная замкнутость, которая существовала в повседневной деятельности молдавских языковедов, и здесь привела к малоудовлетворительному состоянию терминологической работы, за исключением, правда, очень важного участка общественно-политической терминологии, который обеспечивался силами представителей различных учреждений республики.

Дальнейшие пути развития молдавского языка, как языка молдавской социалистической нации, зависят в значительной мере от решения вопроса о литературном языке и о литературном наследстве. В этом вопросе также было сделано много неосмотрительного, решение его искусственно задерживалось, что дает себя чувствовать и сейчас. Если памятники раннего периода молдавской литературы, носившие отпечаток книжной учености, прочной связи с кругом церковно-религиозных представлений и верований, не вызывали к себе особой настороженности, то в отношении позднейшего периода этого сказать никак нельзя. Отказываясь признать некоторых писателей молдавскими и считая для себя зазорным использование творческого опыта румынских классиков, молдавские ученые и писатели тем самым искусственно ограничивали историческую перспективу и лишались возможности непосредственно ознакомиться с выдающимися художественными произведениями, написанными на румынском языке, столь родственном молдавскому. Ненужные сомнения, бесконечные споры привели к тому, что долгое время молдавскими писателями признавались только К. Негруци, К. Стамати, А. Донич; спустя некоторое время этот круг был расширен именами А. Русо, Г. Асаки, Т. Вырнав, И. Сырбу. Между тем творчество И. Крянгэ, о котором даже критик-попоранист Г. Ибраилу говорил: «Крянгэ превосходный выразитель румынского духа среди народов, молдавского

духа среди румын, крестьянского духа среди молдаван...»¹, до последнего времени не популяризировалось в Молдавии, его произведения не издавались.

Уместно и своевременно затронуть на этой сессии, хотя бы в общей форме, такой вопрос, как общность молдавского и румынского литературного наследия и использование его как в народно-демократической Румынии, так и в социалистической Молдавии. Не следует ли молдавским филологам призадуматься над смыслом решения о широком праздновании знаменательных дат, связанных с именами Виктора Гюго, Н. В. Гоголя, Леонардо да Винчи, Авиценны, всем прогрессивным человечеством, не следует ли выйти и молдавским товарищам за пределы порочного круга узко и упрощенно понимаемой самобытности?

Мы, советские люди, радуемся, когда высокое звание лауреата Сталинской премии присуждают нашим прозаикам и поэтам не только за их новые романы и поэмы, но и за перевод на русский язык «Божественной комедии» Данте, сонетов Шекспира. Разве это не является лучшим подтверждением широкого усвоения в нашей стране произведений мировой классической литературы и как бы включения в ряды наших писателей передовых деятелей зарубежной культуры! Помимо этого надо вспомнить и о том, что такие писатели, как Э. Верхарн, Г. Ибсен, одинаково признавались своими в разных странах, близких по языку. Верхарн считается поэтом Бельгии и Франции, Ибсен — лучшим драматургом Норвегии и Дании.

Процесс «литературной учебы» молдавских писателей во многом стал бы плодотворнее при внимательном отношении к литературному наследию XIX в. и обращении к опыту такого маститого нашего современника, как М. Садовяну. Стремление сделать язык своих произведений общепонятным и доступным сказывается в широком использовании Садовяну многих слов, свойственных народной речи, связанных с молдавской деревней. Отдельные фонетические и морфологические особенности — употребление им краткой разговорной формы местоимения *asta*, *ăsta*, народной формы местоимения вежливости *mata*, сокращенной от *dumneata* — «вы», «ты», своеобразие использования вспомогательных глаголов и многое другое не носят характера нарочитости, стилизации, а органично входят в законченную систему литературного языка. Особенно поучительна практика Садовяну в отношении словоупотребления. Он не боится упреков в провинциализмах и диалектизмах и идет по пути смелого возвращения родному языку присущих

¹ Журн. «Vieața Românească», 1910, № 6, стр. 332.

ему издавна черт, восстанавливая ряд забытых слов, борясь с неорганичными, чуждыми языку неологизмами. Достаточно привести несколько примеров:

у Садовяну	румынские	перевод
<i>stebălă</i>	<i>mănunchi</i>	стебель
<i>vrăciu</i>	<i>doftor</i>	врач
<i>zvon</i>	<i>sunet</i>	звон
<i>a oblici</i>	<i>a afla</i>	обличать
<i>cetanie</i>	<i>citire</i>	чтение

Синонимические возможности словаря Садовяну очень обширны; у него можно встретить три синонима, обозначающих снег: *nea*, *zapadă*, *ninsoare*, столько же — туман: *negură*, *păclă*, *ceată*. В своих описаниях жизни ремесленников, рыбаков Садовяну широко пользуется названиями их инструментов, рыболовных снастей, проявляет замечательную осведомленность во всех тонкостях рыбной ловли и охоты. С точки зрения какого-нибудь пуриста, ограничивающего и регулирующего словарный состав своего языка, Садовяну может показаться бунтарем и своевольным новатором. Не бесполезно вспомнить, что для обозначения рыб различного возраста, таких, как карп или сом, он находит с удивительным чутьем и тактом ряд вариантов. Так в значении «карп» Садовяну употребляет пять различных слов: *ciuciu*, *crăpuștean*, *ciortanica*, *ciortan*, *ciorto-crap*.

Аристократический жаргон Садовяну использует только в тех произведениях, которые отражают жизнь или связаны с жизнью господствующих классов. Средства языковой характеристики отбираются большим мастером слова расчетливо, продуманно, с полным знанием особенностей художественного повествования. Не приходится говорить о поэтических средствах Садовяну — это самостоятельная и большая тема, выходящая за пределы настоящего доклада.

Вряд ли можно привести разумные доводы в пользу дальнейшей оторванности молдавской литературы от лучших образцов близких ей по языку румынских писателей. Если многовековой опыт великой русской литературы, литературы народов Советского Союза успешно освоен в социалистической Молдавии, то это не исключает обращения, в нужных случаях, с критических позиций к тем произведениям румынских классиков, которые могут помочь дальнейшему совершенствованию и укреплению литературного молдавского языка.

Изучение молдавского языка как одного из восточнороманских требует хорошей общезыковедной и романистической базы. В вузах республики и в некоторых университетах Союза

подготовка молдавоведов должна проходить по строго продуманному, обеспечивающему высокий уровень лингвистической культуры плану. Для специалистов по восточнороманским языкам обязательно долгое и углубленное обучение латинскому языку как одному из языков индоевропейской группы, как языку-основе романских языков. Планомерное ознакомление с памятниками классической латыни, хорошее усвоение грамматического строя и овладение словарным составом языка должны быть первым этапом изучения, за которым следует второй — обращение к памятникам народной латыни. При этом должны проводиться чтение и анализ не только литературных текстов, но и документальной прозы, латинских надписей, которые помогут уяснению процессов формирования романских языков. Однако внимание, уделяемое латинскому языку, вовсе не снимает с лингвистов-молдавоведов обязанности быть хорошо подготовленными и в области старославянского и русского языков. Быть может, уже на вузовской скамье студенты должны приобрести начальные сведения по славяно-русской и латинской палеографии, поскольку часть их после высших учебных заведений может быть использована в качестве филологов — историков языка, работников наших рукописных хранилищ. В дальнейшем вряд ли можно допускать изолированное изучение молдавского языка от других романских языков. Включение в университетский план изучения румынского языка как факультативного курса, на мой взгляд, недостаточно: румынский язык как наиболее родственный молдавскому должен стать обязательным предметом в системе вузовской подготовки. Помимо курса общего языкознания для закрепления лингвистической базы необходимо чтение в обязательном порядке курсов «Введение в романскую филологию» и «Сравнительная грамматика романских языков». Далеко продвинувшаяся работа по исследованию колонизации Римом Причерноморья и Придунайских провинций поможет правильно осветить вопросы романизации. Советскими историками сделано много ценных обобщений в ряде статей, помещенных в «Вестнике древней истории» и в отдельных монографиях, входящих в серию «Причерноморье в античную эпоху», издаваемую Академией Наук СССР¹.

Одной из важнейших практических задач молдавского языкознания является подготовка высококвалифицированных кадров. Именно в этой области остро ощущается длительное и вредное влияние «аракчеевского режима». Постановления руко-

¹ Е. С. Голубцова. Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры. М., 1951; Т. Д. Златковская. Мэзия в I—II веках нашей эры. М., 1951.

водящих организаций республики о кадрах в значительной степени оставались не реализованными. Напомню, как реагировал II съезд КП(б) Молдавии на насущные вопросы подготовки кадров: «Учитывая совершенно незначительное число научных работников по коренной национальности, Отделу пропаганды ЦК КП(б) Молдавии, директорам институтов и базы Академии Наук необходимо в ближайшее время полностью укомплектовать аспирантуру и улучшить ее работу. Кроме того необходимо направлять в аспирантуру центральных вузов и научно-исследовательских институтов группы молдавской интеллигенции для подготовки кадров научных работников»¹. Об этом было сказано еще в 1949 г., однако в течение ряда лет центральные исследовательские институты Союза не получали аспирантов из Молдавии и только в этом году в Институт языкознания АН СССР направлен один аспирант. За прошлые годы не было ни одного случая откомандирования в докторантуру кого-либо из ведущих языковедов Молдавской ССР, что давно стало настоятельной потребностью. При поддержке Академии Наук СССР, ученых Москвы, Ленинграда, Киева и этот трудный вопрос — вопрос подготовки местных кадров — будет решен в возможно короткий срок.

Молдавский язык как единственный живой романский язык на территории Советского Союза должен стать предметом преподавания и специального изучения в вузах не только Молдавской республики. Представляется уместным введение лекторских курсов молдавского и румынского языков в ведущих университетах, где имеются кафедры романо-германской филологии. Помимо практического знакомства и овладения молдавским языком, он должен стать одним из основных предметов (наряду с румынским) тех студентов-романистов, которые избрали восточнороманские языки своей специальностью.

В пользу живого общения с носителями языка на месте никто не сомневался. С вопросами романской диалектологии тесно связана полевая практика романиста-языковеда, которая с успехом может быть осуществлена в Молдавской ССР и в других районах распространения молдавского языка. Внесение планомерности в летнюю полевую практику студентов-романистов, получивших уже подготовку по восточнороманским языкам, окажет большую пользу не только формирующимся советским специалистам в области лингвистики, но и, как это мы знаем из опыта работы над диалектологическими атласами русского и болгарского языков, обеспечит обильными материалами по молдавскому языку и его говорам диалектологов, работающих до сих пор не в полную меру своих возможностей. Молдавская ССР

¹ «Советская Молдавия», 7 февраля 1949 г.

в течение многих лет даст материал исключительной ценности по археологии трипольской эпохи, скифов, ранних славян, средневековья. Успешные раскопки экспедиций проф. Т. С. Пассек в районе Верхнего Днестра дали новые сведения о древних земледельцах, живших в пределах юго-запада Европейской части СССР. Ежегодные экспедиции и разведки под руководством Г. Д. Смирнова, организованные для изучения культуры оседлых скифов и молдавского средневековья, в корне меняют привычные представления о скифских городищах и о молдавской культуре средних веков. Экспедиция, руководимая Г. В. Федоровым, снаряженная, как и экспедиция Т. С. Пассек, Институтом материальной культуры АН СССР, в текущем году добилась исключительных по своей научной ценности результатов. Она вскрыла значительную площадь раннеславянского городища Екимауцы и обнаружила большое количество памятников материальной культуры древнего поселения славян-тиверцев. Это поселение погибло от набега кочевников и сохранилось для позднейшего исследования благодаря пожару, сопровождавшему этот набег. Эти исследования по истории материальной культуры давних насельников молдавских земель должны быть учтены лингвистами-молдаведцами. Советские лингвисты должны работать в тесной связи с историками и археологами, изучающими прошлое Молдавии. Они должны углубить и расширить изучение отдаленных эпох, истории Киевской Руси и Молдавии, молдавского языка непосредственно на месте, в Молдавской ССР.

Для проведения в жизнь этих планов необходимо объединение всех научных организаций, заинтересованных в их осуществлении, в научном центре советской науки — Академии Наук СССР.

В отношении лингвистических проблем настоящая сессия принесет большую и действенную помощь, что, впрочем, не снимает с повестки дня вопроса об укреплении и развитии постоянных связей между Институтом истории, языка и литературы в Молдавии и Институтом языкознания АН СССР и другими лингвистическими учреждениями. Методологическая помощь и поддержка со стороны ведущего центра советского языкознания будут способствовать скорейшему разрешению давно наболевших проблем молдавского языкознания.

Итак, суммируя сказанное раньше, необходимо:

1. Устранить отставание молдавского языкознания путем углубленного изучения трудов классиков марксизма-ленинизма по языкознанию и изжития остатков марризма и аракчеевского режима.

2. Продолжить изучение грамматического строя молдавского языка, отказавшись от ряда допущенных ранее ошибок:

поставить и осуществить задачу создания научной грамматики.

3. Обеспечить изучение основного словарного фонда и словарного состава широким охватом языковых явлений, освободившись от крайностей пуризма, учитывая плодотворное воздействие великого русского языка и других языков народов СССР, а также связи с румынским языком.

4. Улучшить диалектологическую работу путем внесения большей плановости и смелого привлечения новых сил. В ближайшее время предусмотреть составление диалектологической карты и диалектологического атласа с учетом молдавских говоров за пределами республики.

5. Подготовить к печати исследование по истории и теории молдавского языка, исходя из опыта лингвистической дискуссии и настоящей сессии. Поставить перед лингвистами задачу обследования и изучения языка Запрутской Молдавии (в связи с проблемой молдавского диалекта румынского языка).

6. Поднять на должный уровень работу по упорядочению орфографии и развитию терминологии, обеспечив организационные формы этой работы и широкое участие в ней всех заинтересованных.

7. Пересмотреть вопрос о литературном языке и литературном наследстве. Считать уместным использование опыта тех писателей XIX в., которых можно и должно рассматривать как писателей, в равной мере принадлежащих социалистической Молдавии и народно-демократической Румынии. Учесть пользу широкой популяризации творчества М. Садовяну.

8. Обеспечить подготовку научных кадров и расширение преподавания восточнороманских языков в вузах нашей страны. Широко использовать прикомандирование в аспирантуру и докторантуру центральных научных учреждений специализирующихся по молдавскому языку.

9. Поддерживать постоянную связь между всеми институтами и вузами, ведущими исследования по восточнороманским языкам; осуществлять в дальнейшем эту связь в форме личного контакта, участия в коллективных работах и совещаниях по молдавскому языкознанию.

Отвести место на страницах языковедческих журналов и общей прессы для лингвистических работ и развертывания свободного обмена мнений по спорным вопросам.

Хочется выразить уверенность в том, что молдавское языкознание, как один из разделов советского языкознания, полностью оправдает свое назначение и успешно справится с поставленными перед ним, нетерпящими дальнейшего промедления, задачами.

РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЯЗЫК МОЛДАВСКОЙ ССР

I

Современная романистика устанавливает для восточной Романии два типа романской речи: западный, представленный далматинским языком¹, исчезнувшим в самом конце XIX в., и восточный, который можно было бы назвать условно балкано-романским, так как сторонники самостоятельности молдавского языка возражают против обобщения термина «румынский». Этот второй язык живет и поныне.

Однако включение его в группу романских языков не для всех оказалось достаточно мотивированным. Благодаря наличию в нем значительного количества славянских элементов он представлялся кое-кому чуть ли не славянским или, во всяком случае, языком смешанным². В годы господства у нас идей Н. Я. Марра, когда чуть ли не все языки рассматривались как смешанные, скрещенные, такой взгляд на балкано-романский язык укоренился довольно прочно. Этот взгляд мог опираться в свое время и на соображения Г. Шухардта, пользовавшегося кредитом у Н. Я. Марра и его последователей. Наличие гетерогенных элементов в речи он объяснял только языковыми явлениями: «смешение (Mischung) — по его мнению — пронизывает все развитие языка: оно происходит между

¹ Провинция Далмация была результатом первых завоеваний римлян на Балканском п-ове, куда они проникли еще в 229 г. до н. э., в область нынешних Трау, Стобреча и о-ва Вис (древний Лисса). К 59-му г. до н. э. Рим овладел уже всем северо-западом п-ова (провинция Иллирия), в 40-х годах была создана провинция Далмация (до р. Дрина) наиболее освоенной его части. При Диоклетиане (284—305) южная часть провинции (теперь Эльбассана) с центром в Диррахии была выделена в особую единицу под названием Praevalitana.

² Мысль о смешанном характере румынского языка и о том, что валахи не римского происхождения, была высказана еще в 1823 г. анонимным автором — имперским советником фон * * *. Его работы с доказательством этих положений (Erweis) появились в Галле и были дополнены S. T. (Будапешт, 1827). Эти работы вызвали целую серию полемических сочинений, опубликованных Bozsinka, Murgu и J. Schuller'ом в Будапеште и Трансильвании в конце 20-х и начале 30-х годов.

различными языками, между близкими говорами, между языками родственными и неродственными. Идет ли речь о заимствовании или смешении, подражании, иноземном влиянии — перед нами всегда явления схожие по существу»¹. Схожие — да, но не по существу, ибо контакт не есть смешение, т. е. образование нового языка. Именно это имел в виду А. Мейе, когда он возражал Шухардту, говоря, что существенным является «чувство и желание говорящего продолжать тот или иной язык»².

Конец неясности в этом вопросе наступил с появлением известного определения И. В. Сталиным специфики языка, позволяющего уточнить и понятие языкового скрещивания: «Следовательно, — говорит товарищ Сталин, подводя итог своим рассуждениям о скрещивании, — скрещивание даёт не какой-то новый, третий язык, а сохраняет один из языков, сохраняет его грамматический строй и основной словарный фонд и даёт ему возможность развиваться по внутренним законам своего развития»³. «Правда, — говорит И. В. Сталин, — при этом (т. е. при скрещивании языков. — В. Ш.) происходит некоторое обогащение словарного состава победившего языка за счёт побеждённого языка, но это не ослабляет, а, наоборот, усиливает его»⁴.

Так было и с романским языком на Балканском п-ове, который, по мнению некоторых исследователей, стал сам собой только тогда, когда проникся славянскими элементами⁵. Последние проникали в него в течение очень долгого времени, продолжают проникать и сейчас, но как язык он сложился уже до этого влияния.

Славянские элементы проникали в словарь (иногда вплоть до наиболее глубоких его слоев, до основного словарного фонда), т. е. в ту область языка, которая не представляет собой «замкнутой системы» (*système fermé*), как говорил Мейе. Однако при оценке словарных заимствований не следует делать слишком поспешных выводов. Прежде всего нужно учитывать данные живой речи, народных говоров, показания которых имеют чрезвычайно важное значение. Исчезновение в книжном языке

¹ Sitzungsberichte. Берлинская Академия Наук, т. XXXII. 1917, стр. 518—529; Nordisk Tidsskrift for Filologi, т. IV, вып. 6, стр. 145—151.

² Linguistique historique et linguistique générale. Париж, 1926, стр. 104.

³ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1952, стр. 30.

⁴ Там же.

⁵ O. Densusianu. Histoire de la langue roumaine. Париж, 1901, стр. 240; P. Mutaфѣiev. Bulgares et Roumains dans l'histoire des pays danubiens. София, 1932, стр. 295.

и на большей части территории балкано-романского латинского слова *arena* — «песок» и замена его словом славянского происхождения *nîsip* отнюдь не означает, что говорящие на этом языке впервые узнали о существовании песка от славян, так как в северных и северо-восточных областях известно слово *arina*, которое является закономерным отражением латинского *arena*. Отсутствие латинского слова *aratrum* — «плуг», место которого занимает славянское *плугъ*, не может указывать на то, что романское население Балканского п-ова не знало земледелия, а состояло из скотоводов. Как же объяснить тогда наличие в языке глагола *a ara* — «пахать»? К тому же детальнейшие исследования современной диалектологии обнаружили в аромунском *arat*, потомка старого латинского *aratrum*.

Глагол *amare* — «любить» исчез и его идею выражает славянское *любить* — *a iubi*. Некоторую аналогию мы имеем в испанском языке, где *amar*, правда, не исчезло вовсе, но с ним успешно конкурирует слово *querer*. Причиной исчезновения *amare* могло быть, между прочим, частое употребление формы *am*, развившейся из *habere* в роли вспомогательного глагола. Следовательно, здесь наблюдается омоимия, которой, естественно, язык избегает. В случае *tata*, *tamă* мы имеем дело, конечно, не с отсутствием понятий отца и матери, так как и *pater* и *mater*, несомненно, существовали когда-то в балкано-романском языке (как и во всех романских языках), а с вытеснением этих древних терминов словами из языка детей — *tata*, *tamma*, которые к тому же совпадали со славянскими.

На почве систематического контакта балкано-романского языка со славянским развилось и предпочтение иногда заимствованного слова своему, традиционному; это так называемое *Luxuswörter*. Так, в северной Трансильвании, Буковине, Молдавии предпочли для обозначения снега украинское слово *omat* — «омет», в южной Трансильвании и Большой Валахии — славянское *zăpadă*, тогда как в западной Трансильвании, Банате и Кришане сохранилось старое латинское *nix* — *nea*. Причина здесь вовсе не в малой объемности слова *nix*, как думает, например, Пушкарю¹, а в привычке к славянским словам в условиях, когда славянское население было в данной местности коренным, многочисленным и когда происходило смешение с ним.

Почему балканские романцы говорят *nevastă* — «жена», т. е. употребляют славянское слово *невеста*, тогда как для обозначения родства у них имеется целый ряд слов латинского происхождения, как *unchiu* — «дядя» < *avunculu*, *socru*; *soacra* — «свекор, свекровь» < *socer*; *ginere* — «зять» < *gener*, *frate*,

¹ Die rumänische Sprache. Лейпциг, 1943, стр. 238.

soŕa и т. п. Очевидно *невестой* называлась первоначально девушка-славянка, которую брали в жены, а так как в условиях тесного и длительного сожития со славянами это стало явлением очень обычным, то термин обобщился, стал общеупотребительным. Латинской же заменой термина *жена* стало слово, обозначавшее как бы носительницу идей семьи, ее воплощение, откуда *femeie*; латинское *familia*.

Некоторые славянские слова были использованы в обобщенном смысле, который подсказывали хозяйственные отношения. Таково числительное *sutā* — «сто», вытеснившее несомненно существовавшее некогда латинское *centum*. Славянское *съто* было усвоено первоначально, очевидно, не в смысле ста единиц, т. е. не в отвлеченном арифметическом значении, а в смысле сотни, т. е. целого, обнимающего сто хозяйственных единиц, как, например, *сто голов овец* (или другого скота) и т. п. Перед нами, следовательно, явление такого же порядка, как счет дюжинами, хорошо известный и русскому языку, который, кстати сказать, использует для выражения понятия «дюжина» не русское слово (ср. французское *douzaine*, румынское *duzină*, немецкое *Dutzend* и т. п.), как и для обозначения *пары*. Только постепенно слово *sutā* из *сотни* превратилось в *сто*. Конечное *ā* вместо славянского *о*, возможно, является отражением *ста* в часто употребляемых *триста*, *четыреста*.

Балкано-романские числительные *unsprezece*, *doisprezece* и т. д. вместо латинских рефлексов *undecim*, *duodecim* представляют собой особую форму заимствования. Это не заимствование чужого слова в его звуковой оболочке, приспособленной к фонетическим или словообразовательным требованиям заимствующего языка, а кальки славянских *один на десять*, *два на десять* и т. д., т. е. передача их внутреннего содержания средствами латинского языка, более сложный способ усвоения заимствования. С приемом калькирования можно встретиться в балкано-романском языке во многих случаях, на различных участках речи, особенно во фразеологии и в синтаксисе. Это необходимо иметь в виду при оценке подобных калек как черт, определяющих характер языка.

В балкано-романском языке имеются особенности, аналогичные или даже тождественные особенностям других балканских языков, как болгарского, албанского и греческого. Это было отмечено еще в 1829 г. славистом А. Копитаром, который утверждал что «к северу от Дуная, в Буковине, Молдавии, Валахии, Трансильвании, Венгрии, по ту сторону Дуная — в собственной Болгарии, затем во всей горной цепи Балкан (Haemus), в самом широком смысле слова — области Балкан, от одного моря до другого, в горах Македонии, на Пинде и во

всей Албании господствует единая языковая форма (лучше: форма языка.— *В. Ш.*), но построенная из троякого материала»¹. Эта идея оказалась настолько соблазнительной, что такой сторонник тезиса языкового смешения, как Г. Шухардт, мог писать спустя почти 65 лет после Копитара (в 1893 г.) известному румынисту Г. Вейганду: «доказательство того, что румынский является романским языком, еще не приведено»². Из идеи «балканизма» румынского языка исходил ученик Копитара Фр. Миклошич; в последние три десятка лет к ней обратились снова. В связи с этим поднятые вопросы стали темой обширной литературы и контрверсы, в которой приняли участие представители различных национальностей, в том числе и славянских. В известной мере итоговый характер носит работа датского языковеда Кр. Сандфелда, вышедшая на датском языке в 1925 г.³ Позднее этой проблеме посвятил второй том своей основательной «Истории румынского языка» румынист, проф. А. Росетти⁴.

В настоящем докладе мы не имеем возможности останавливаться на рассмотрении проблемы балканской филологии сколько-нибудь обстоятельно. Но когда речь идет о романизме балкано-романского языка, неизбежно встает вопрос о том, как относиться к идее Копитара и насколько основательны сомнения Шухардта. Мейер-Любке свою статью «*Rumänisch, Romanisch, Albanesisch*», которая вплотную подводит к вопросу о балканских связях румынского языка и причинах аналогий, закончил осторожным признанием: «об этом я ничего не знаю»⁵.

Но если учесть отдельные высказанные в ней мысли, то становится ясным, что далеко не все балканские аналогии представлялись ему оправданными; подлинные балканские связи казались ему гораздо более ограниченными. По той же линии развивает свои возражения против «балканизмов» и С. Пушкарю, для которого «балканизмы» есть только условное выражение, синоним «совпадения», отнюдь не обязывающий видеть между последними наличие генетической связи⁶. Исходные точки их следует искать, по его словам, в структуре каждого отдельного языка; параллелизм дальнейшего развития он считает, однако, возможным объяснять и сходством психического склада говорящих и «оживленными сношениями»⁷. Он настаивает

¹ Wiener Jahrbücher der Literatur, т. XLVI. Вена, 1829, стр. 86.

² Balkan-Archiv, тт. I, V. Лейпциг, 1893.

³ Французский ее перевод: Linguistique balkanique. Problèmes et résultats. Изд. Парижского лингвистического об-ва, Париж, 1930.

⁴ Istoria limbii române, т. II. Бухарест, 1943.

⁵ Mitteilungen des rumänischen Instituts an der Universität Wien, т. I. Гейдельберг, 1914, стр. 1—42.

⁶ Die rumänische Sprache, стр. 201.

⁷ Там же.

на тщательном историческом расследовании каждого отдельного случая. Такому расследованию подвергает факты и Росетти, но в то время, как Пушкарю, подобно Мейеру-Любке, допускает независимое возникновение аналогий в не связанных между собой средах, Росетти является сторонником идеи «языкового единства» балканских языков. «Балканские языки, — говорит он, — а именно румынский, болгарский, албанский и ново-греческий (в гораздо меньшей мере сербо-хорватский; изолированно стоит турецко-османский), не будучи родственными между собой, составляют, однако, «лингвистическое объединение».

Они имеют общий им ряд черт, вызванных одним и тем же субстратом или обусловленных влиянием одного языка на другой, — черт, которые придают этим языкам особый облик¹. Воздействие субстрата Росетти рассматривает ниже, когда трактует явления фонетики балканских языков. Что же касается фактов грамматического строя, то он толкует их как следствие общепалейской цивилизации, длительного общения балканских народов между собой, интенсивного перемещения населения Балканского п-ва и, как лингвистический результат всех этих исторических условий, распространения билингвизма, откуда — многочисленные фразеологические параллелизмы, заимствования и кальки, т. е. воспроизведения внутренней формы слова².

Преимущество Росетти перед Пушкарю прежде всего в более детальном рассмотрении «балканских совпадений». Другой положительной чертой его работы является настаивание на «романском» характере строя румынского языка. Но противопоставляя строю «другие аспекты» языка, он не дает четкого представления о специфике языка. Читателю все остается ясным, пока речь идет о фразеологии и лексике³, но после ознакомления с анализом «балканизмов», которые у Росетти сведены к синтаксису⁴, у читателя могут, естественно, возникнуть те самые недоумения и сомнения, которые были когда-то выражены Копитаром и Шухардтом.

Попытаемся разобраться по крайней мере в некоторых из тех «балканизмов», на которые ссылаются обыкновенно историки языка. Мы ограничимся важнейшими из них, поскольку нам важен их удельный вес в грамматическом строе, а не исследование их как специального вопроса.

Указывают на перенесение *habere* как вспомогательного глагола при образовании сложного перфекта, с глаголов

¹ А. Р о с е т т и. *Istoria limbii române*, т. II. Бухарест, 1938, стр. 29.

² Там же, стр. 37.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 94—102.

переходных на непереходные: *am ventî* как *am luat*, как в албанском; но подобное явление известно и в Сицилии, и на Иберийском п-ве; оно встречается и в различных французских диалектах (в народно-разговорной речи); сочетание *il a alé, il a veni* знакомо уже старофранцузскому языку (XII—XIII вв.)¹.

В дако-румынском и македоно-румынском инфинитив уступил место личным формам конъюнктива: *infinitivul tinde să disparsă*, но не всегда: *acest fenomen nu poate fi explicată printr'o cauză externă*. Явление это очень старо в греческом, где оно обычно в библейском тексте «Нового завета». В новогреческом конъюнктив вводится союзом *νῆ* (сокращ. *ῆνα*), как, например, «дай мне пить» передается *δός μου νῆ πιῶ*. Подобное явление можно наблюдать и в болгарском, где инфинитив употребляется довольно редко и притом в сокращенной форме (без окончаний *-ти, -ть*), как в румынском (*писа* вместо *писати*, ср. румынское *pentru a-l explica*; так, «желаю учиться» передается: *желая да се уча*. То же самое в тосканском диалекте албанского языка (в гегском — спорадически): *më mirë të dish se të kesh* — «лучше знать, чем иметь». И в албанском и в болгарском языках форму конъюнктива вводят союзы *da, të*, как в румынском *ga* (латинское *si*). Полная форма инфинитива сохраняется в XVI в. только как существительное: *de-a scrierea* — «писание» (как современное *desvoltare* — «развитие»), подобно тому, как в новогреческом древняя артикулированная форма инфинитива (с членом *το*) продолжает употребляться в роли существительного: *τὸ φαγί < το φαγεῖν* — «есть». Тенденция к замене инфинитива конъюнктивом наблюдается в румынском языке уже в XVI в. в древнейших памятниках языка. Но наличие инфинитивной формы и доныне (короткий инфинитив) указывает на то, что она — явление не исконное. То же нужно сказать и о болгарском языке, так как в древнеболгарском был инфинитив, встречается он и в народных песнях (западная Болгария), и в некоторых современных говорах (например, в шуменском). Аналогичное явление наблюдается и в албанском языке, в гегском диалекте которого инфинитив сохраняется дольше, а в тосканском — наряду с остатками конъюнктива *jam i zotî tëbën* — «я в состоянии сделать», букв. *ut faciam* (румынское *să fac*), т. е. исчезновение инфинитива нельзя, повидимому, считать древним общеалбанским фактом. Тосканский диалект по своему

¹ E. Herzog. Neufranzösische Dialekttexte. Лейпциг, 1914, Е, стр. 67: Das to-Participium, 1930; Meyer-Lübke. Rumänisch und Romanisch; 1930; F. Brunot. La Pensée et la langue. Париж, 1936, стр. 454, 472—473. A. Dauzat. Le Génie de la langue française. Париж, 1947, стр. 156—157.

географическому положению находится в непосредственном контакте с греческим языком, влиянием которого и можно объяснить падение роли инфинитива в румынском языке. Нечто подобное дают наблюдения над итальянскими диалектами Калабрии и Терра д'Отранто, где греческое население осело в очень древние времена. Здесь инфинитив не исчез вовсе, но и не распространен широко. Его заменяют обороты с конъюнктивом и союзом *tu, mi, ma*, сокращенным *pettu* из *per modo*, кальки новогреческого διὰ τὰ: *non voli tu sta* — «он не хочет оставаться» (греч. δευθελει να μείνῃ)¹.

Если в некоторых из приведенных случаев можно предполагать греческое влияние, то ряд других может быть истолкован и как результат независимого развития. Так, например, тенденцию к исчезновению инфинитива в штокавском диалекте сербо-хорватского языка рассматривают как следствие процесса внутреннего развития языка, а не как воздействие внешней причины. Если в греческом языке упадок инфинитива был явлением очень старым, то древнеболгарский его не знал, так же как и древнерумынский. Исходными могли быть выражения, широко распространенные в романских и других языках, вроде *je veux qu'il chante, vreau să cânte* — «хочу чтобы он спел», которые могли повлиять и на такие обороты, где подлежащие обоих предложений были тождественны, т. е. подсказать, например, в румынском замену *vreau cânta* — «хочу петь» выражением *vreau să cânt* — «хочу, чтобы я спел», в болгарском *желая да неса* — «желая нести». Но румынский язык сохранил все же *pot cânta* — «я могу спеть», как, впрочем, и болгарский после глагола *могъ: не могат го заглуши* — «они не могут его заглушить», где, как в румынском (и в болгарском в форме будущего времени и повелительного наклонения с *недъй*), употребляется краткая форма инфинитива (*ще пѣща, недъй ходѣ*). Но не исключена, конечно, возможность, что один из языков, в контакте с которым находился другой, содействовал тому, что спонтанно наметившийся в последнем оборот приобрел характер устойчивой формулы.

Одной из своеобразных черт румынского, болгарского, албанского и новогреческого языков является образование формы будущего времени при помощи глагола *хотеть* + инфинитив спрягаемого глагола. Модальные формулы для выражения будущего времени — явление, известное многим языкам и возникающее самостоятельно. В пределах романских языков использование глагола *хотеть* в этой функции известно,

¹ G. Rohlfs. *Revue de linguistique romane*, т. IV. Париж, 1928, стр. 130.

как один из оборотов, и общефранцузскому национальному языку. Как постоянное сочетание, мы находим его в народной речи восточной окраины Франции, обл. Франш-Конте (центр — Безансон), присоединенной к ней, как известно, только при Людовике XIV (1678). Следы сочетания *volo facere* имеются и в далматинском языке. В южных районах тосканского диалекта албанского языка будущее время выражается при помощи *do të* и соответствующего лица конъюнктива данного глагола; здесь *do* — 3-е л. ед. ч. настоящего времени глагола *dua* — хочу, а *të* — союз цели. Таким образом, «он напишет» или «он будет писать» передается: *do të shkronë* (*do* не меняется по лицам). Так как мы не имеем памятников албанского языка ранее XVIII в., то судить о древности этого оборота невозможно. В настоящем своем виде он тождествен новогреческому $\delta\acute{\alpha}$ $\varphi\upsilon\gamma\omega$ — «я уйду» или $\delta\epsilon\upsilon$ $\delta\acute{\alpha}$ $\epsilon\lambda\theta\eta$ — «я не приду», где $\delta\acute{\alpha}$ < $\delta\acute{\epsilon}\lambda\omega$ $\dot{\iota}\nu\alpha$ — «хочу, чтобы» не меняется по лицам. Тот же оборот в новоболгарском: *ще* (или *ща*) *да пише*, где *ще* — обобщенная форма 3-го л. ед. ч. глагола *хотеть*, а *да пише* — конъюнктив глагола *писать*, изменяющийся по лицам. Наряду с ним в болгарском употребляется и *ше* (*ща*) с индикативом настоящего времени в совершенном или несовершенном виде, также изменяющимся по лицам, как, например: *ше пиша* (*пишешъ*, *пише*) и т. д., или *ще напиша* и т. д. Все эти, особенно оба последних оборота, — наиболее употребительные выражения будущего времени. Но рядом с ними имеется и другая форма, в которой глагол *хотеть*, спрягающийся по лицам, сопровождается усеченным инфинитивом данного глагола, например, *ща* (*щеш*, *ще*) и т. д. *писа́*, причем *ща* может следовать и за инфинитивом: *писа ща*. Помимо формы этот оборот имеет и особый семантический оттенок, а именно — оттенок неуверенности в том, что данное действие совершится, модальный нюанс, который указывает на древность сочетания. Греческий язык на более древнем этапе также знал комбинацию форм $\delta\acute{\epsilon}\lambda\omega$ с инфинитивом, которая могла выражать не только желание, но и простое будущее время. Она могла существовать еще в пору широкого распространения инфинитива, что определяет ее большую древность. Хаджидакис склонен относить ее ко времени до XI в. Встречается она нередко, например у Кекавмена в его «Стратегиконе» XI в. (изд. В. К. Ерништедом и В. Г. Васильевским), и в ряде других памятников XI, XII и ближайших веков¹.

¹ Примеры Хаджидакиса см. в его статье «Ορθογραφία» перепечатанной в сб. его работ «Μεσαιωνικά καὶ Νέα Ἑλληνικά», т. 1. Афины, 1905, стр. 561—654, в частности 591.

Румынские формы как и цитированные выше романские, совпадают с этим последним греческим типом, причем формы глагола *vrea* (*volēre*) предстают в нем, естественно, в несколько стертом виде: для ед. ч. — *voiū, oiū, vei, eī, īi, īī, —ī* (старая форма *verī* < *velis*), *va, a, o*; для мн. ч. — *vet* (старая форма *vrem*), *vām*, позже *vot* от *ot*, затем *veīī, eīī, īīī, —īī* (старая форма *vreti*), *vor, or*.

Типы: романский глагол *volo* + инфинитив, славянское *хощу* ж + инфинитив и греческое *θέλω* + инфинитив, формально и семантически совпадающие, имеющие и внебалканские аналогии (помимо французских, ср. германские; английские с *will*, скандинавские с тем же глаголом), могли развиваться совершенно самостоятельно. Параллельно и самостоятельно греческий, болгарский и романские языки могли использовать для выражения идеи будущего времени и глагол *иметь* — *ἔχειν* *habere*. Во всех трех случаях этот глагол дает модальный оттенок большей уверенности, необходимости, обязательности, неизбежности. Ср. *habeo dicere, am sã viū mâne la tine* — «мне предстоит, придется притти завтра к тебе», *ἔχων ἃ δῆς εἰπῶ ἁτῆτι* «я должен Вам нечто сказать», или *има (мѣ) да Ви кѧжа нѣщо*, «я скажу Вам нечто»; особенно часто в отрицательных предложениях: *азъ нѣма да дойда* — «я не приду». Подобное использование глагола *иметь* свойственно и другим славянским языкам.

Параллелизм развития не исключает, конечно, в некоторых случаях калькирования, как, например, болгарское *ще пиша* или *ще да пише* и албанские обороты с *do tē* + конъюнктив, совпадающие с новогреческими *θὰ* + конъюнктив, т. е. *θὰ ἴνα*. При наличии подготовленной почвы в местной речи они могли быть легко восприняты при условиях постоянного контакта, смешения населения и билингвизма. Нет оснований считать отмеченные явления результатом простого заимствования или видеть в них исключительно «балканские» явления. Они принадлежат к той же области синтаксиса, т. е. к тому участку грамматического строя, который во многих своих частях более доступен воздействию извне, нежели морфология (точнее: флексия).

Ряд оговорок необходим и в сопоставлении постпозитивного члена в румынском, албанском и болгарском языках. Видеть в постпозиции наследие языков, на почве которых сложились три упомянутых языка, т. е. наследие фракийского и иллирийского, у нас нет оснований, так как мы не располагаем для этого материалом. Исторический же анализ раскрывает перед нами в данном отношении не только сходство, но и существенные различия между румынским и албанским языками, с одной стороны, и болгарским — с другой. Древнеболгарский язык

постпозитивного члена не знал. Существовал ли он искони в албанском, нам неизвестно. Но Росетти правильно подчеркнул необходимость противопоставлять румыно-албанские обороты болгарским¹. Вместе с Пушкарю² он связывает первые с порядком слов в восточнороманском, отличающиеся от западнороманского: в первом определяемое — определяющее, во втором — наоборот: *pater meus* и *meus pater* (*tată meu, mon père*). Указательное местоимение *ille* в роли члена в восточно-романском языке стояло перед определяемым им словом. Такой порядок можно наблюдать в румынском языке еще в XVI в. При наличии прилагательного-определения, которое следовало за определяемым, *ille* ставилось также перед прилагательным; следовательно, *homo bonus* — *homo ille bonus*, ср. в XVI в. *Alexandru Voda cela bunul*. Но *homo* — *ille bonus* могло восприниматься и как *homo ille* — *bonus*. Так как румынскому языку, который предпочитает акцентировать начало слова и предложения (в противоположность французскому, тяготеющему к ударению в конце слова и фразы), не свойственно начинать предложения с атонного слова, то *ille homo ille* в роли подлежащего, естественно, превращалось в *homo*. Такой порядок, как очень часто встречающийся в речи, стал в конце концов образцом, т. е. привел к энклитическому члену.

Таким образом, для объяснения генезиса последнего нет нужды прибегать к аналогии в болгарском языке. В болгарском же постпозиция члена (имеющая аналогии в русском, где, однако, постпозитивный член не получил такого развития, как в болгарском) может быть истолкована, по мнению А. Мейе, как «образование из славянских источников»³. Это, конечно, как и в синтаксических явлениях, разобранных выше, не исключает признания контакта наряду с конвергенцией. Но и в данном случае следует использовать все возможности понимания языкового явления, исходя прежде всего из законов внутреннего развития данного языка.

По этой линии особая осторожность нужна в объяснении совпадения флективных процессов. В румынском, албанском, болгарском и новогреческом языках родительный и дательный падежи совпали. В румынском языке это положение вещей отражает вульгарно-латинский порядок: латинский родительный *mensae* издавна фонетически совпадал с дательным *mensae*⁴; в 3-м

¹ *Istoria limbii române*, т. II, стр. 94—99.

² *Die rumänische Sprache*, стр. 195.

³ А. Мейе. *Bulletin de la Société linguistique de Paris*, т. XXX, стр. 202—203.

⁴ Родительный падеж на -ae -ai — аналогический, по типу 2-го склонения от основ мужского рода на -a, позднее обобщенный по женскому роду (первоначальное окончание -as сохранилось только в пережитках). Дательный падеж на -ae -ai — органическая форма.

склонении родительный *montis* совпал после отпадения *-s* с дательным *monti*, т. е. формально дательный падеж был вытеснен родительным. В болгарском — наоборот: форма с предложением *на* (родительный и дательный) — первоначально форма дательного падежа. Судить о том, как произошло совпадение этих падежей в албанском языке (в ед. ч. *-i* или *-u* в мужском и среднем роде; *-e* или *ji* в женском роде; во мн. ч. для всех родов *-ve* или *-e*), трудно ввиду невозможности вскрыть их прошлое. В новогреческом языке дательный падеж был вытеснен родительным (ср. романские *loro*, *leur*, восходящие к *illorum* как дательный).

Таким образом, в этом случае процесс объединения падежей в различных языках мог протекать самостоятельно и при единстве результата вызываться различными причинами.

Наше отступление позволяет прийти к заключению, что наличие сходства отнюдь не дает права на вывод о единстве развития, тем более обусловленного единством субстрата. Мы имеем здесь дело с аналогиями, частично поддержанными контактом и билингвизмом, притом относящимися к области, где синтаксис граничит с фразеологией. Для правильной оценки их не следует забывать, что за пределами этих схождений имеется большое число типичных для данных языков расхождений строевого порядка, в румынском языке носящих чисто романский характер, к тому же поддержанных латинским содержанием основного словарного фонда.

Романские языки юго-восточной Европы, безусловно, имеют романский облик, тип¹ и по основному словарному фонду, и по грамматическому строю. Никакие славянские аналогии не могут превратить их в смешанный романо-славянский язык, и никакие «балканизмы» не позволяют рассматривать эти языки как одну из форм «общебалканского» языка, отличающуюся от своих собратьев только тем, что она выражена романскими словами. Слова есть нечто большее, чем карандаш или перо, которыми может быть передан один и тот же рисунок, да и карандаш и перо не только простая техника. Только Н. Я. Марр мог рассматривать фонетику как технику для морфологии, а морфологию — как технику для синтаксиса, являющегося, по его мнению, главным в языке. Слова не помогают выражению мысли, а выражают ее.

¹ Это почувствовали те, кто знал владх со времени Киннамаса (XII в.), который в 5-й книге своей истории говорит о них: «ἐξ Ἰταλίας ἀποικὸς πάλαίευσεν εἰσῆται», а в XV в. Халкондил утверждает, что в Валахии говорят на языке, «похожем на итальянский, но столь испорченным и отличным от него, что и итальянцам трудно понимать, что на нем говорится».

II

Очень важным вопросом является вопрос о родине балкано-романского языка¹, по выражению Пушкарю, «стоящий вечно открытым». Денсушяну считает его «основным вопросом румынской истории»². Для И. Богдана «без малейшей тени сомнения... непрерывное наличие румынского элемента на левом берегу Дуная есть истина, сама собой разумеющаяся»³. Еще около 1460 г. Халкондил, заинтересовавшийся сходством валашского и молдавского языков с итальянским, говорил, что ни от кого из смертных он не мог узнать, откуда явились в области между Трансильванией и Черным морем, между Богданием (т. е. Молдавией) и Дунаем люди с римским языком и римскими нравами и поселились в них. На том же языке, по его мнению, говорят и вlahи на Пинде. С тех пор этногенезом валахов и молдаван интересовались авторы хроник XVII и XVIII вв.; позднее немцы: Тунманн, посвятивший ему свои *Untersuchungen über die Geschichte der östlichen europäischen Völker* (Leipzig, 1774), за которым последовали Зульцер⁴ и Энгель⁵, выдвинувшие идею южного происхождения румын. В конце XVIII и начале XIX в. появился целый ряд работ по языку, написанных почти исключительно трансильванцами, частью представителями духовенства⁶, отстаивавшими национальную румынскую и католическую точку зрения, подчеркивавшими латинское происхождение румынского народа, его непрерывное пребывание в Дакии и, следовательно, его преимущественное право на ее территорию, занятую венграми, а также тезис о проникновении христианства к предкам румын из Рима. Отсюда контroversа и большой политический резонанс, который имели исторические работы, посвященные вопросу о происхождении румынского народа и его языка, отсюда и искусственная латинизация последнего в работах трансильванцев. Через несколько десятков лет контroversа вспыхнула снова в связи с появлением исследования грацкого историка Р. Резлера⁷, после которого, несмотря на возражения и критику Юнга, Пича, Томашека, К. Иречка и др., факт массового позднейшего переселения романцев из-за Дуная на север пришлось принять, и оставалось только под-
вергнуть основательному не только историческому, но и

¹ Журн. «Dacoromania», т. IV. Клуж, 1924, стр. 1381.

² Histoire de la langue roumaine, т. I. Париж, 1901, стр. 288.

³ Historiografia română și problemele ei actuale. Acad. Rom., Discurs, т. XXVII. 1905, стр. 17.

⁴ Geschichte d. transalpinischen Dacien. Вена, 1781.

⁵ Commentatio de expeditionibus Trajani ad Danubium et origine Valachorum. 1794.

⁶ С. Клейн, Г. Шинкай, П. Майор.

⁷ Rumänische Studien. Лейпциг, 1871.

лингвистическому исследованию румынские элементы к югу от Дуная, которые занимали уже Тунманна.

У нас нет никаких серьезных оснований заподозрить сообщения историков Флавия Вописка (Aurelianus, гл. 39), Евтропия (Breviarium, IX, 15) — оба IV в., Секста Руфа (Breviarium, гл. VIII, 369 г.) относительно оставления императором Аврелианом (271 или 275 г.)¹ провинции Траяновой Дакии и перевода военных частей, находившихся в ней, и «провинциалов» на юг от Дуная, во вновь основанную провинцию Дакию, названную Аврелиановой. Попытка Иорги рассматривать соответствующий пассаж Вописка как интерполяцию не имеет сколько-нибудь приемлемых оснований², не принята другими румынскими историками, и только в комментариях к термину «провинциалы» наблюдаются расхождения: толковать ли его в более широком или более узком смысле. Допустимо, что некоторая часть романизованного населения, особенно беднейшая, не пожелала оставить провинции, так как после вторжений готов в 211—217, 242, 248 и 249 гг. и особенно после фактического овладения ими Дакией в 260 г. не переоценивала их жестокости и варварства. Тем более вероятно это в отношении туземцев, даков или гетов. К тому же между 364 и 375 гг. готы приняли христианство. С другой стороны, для правильной оценки судьбы романской культуры в оставленной провинции следует иметь в виду, что романизованы были в последней главным образом юго-западные и центральные ее части, так называемая Верхняя Дакия, в Нижней же — только район на запад от Алюты (Ольтения)³. Наконец, вполне вероятно, что остатки романизованного населения удержались больше всего в придунайской полосе (в будущих банатах Темешском и Крайовском), так как они всегда могли рассчитывать в случае нужды на помощь и убежище у своих задунайских земляков.

Но оставшееся на север от Дуная романское население не могло быть многочисленным или сколько-нибудь значительным, как это предполагают обычно румынские исследователи, и, между прочим, такой осторожный ученый, как О. Денсушяну, допускающий «сохранение [в старой Дакии] несомненно довольно значительного латинского элемента», имел в виду не только население, но и язык⁴. Характерно, однако, что этого

¹ Фактически выселение некоторых групп из Дакии по собственному почину засвидетельствовано уже ранее.

² N. J o r g a. Le Problème de l'abandon de la Dacie par l'empereur Aurélien in Rev. hist. du sud-est européen, т. I, 1924, стр. 37—54; Н о m o. Essai sur le règne de l'empereur Aurélien. Париж, 1914.

³ См. карту К. Дайковичу у Пушкарю, D. rum. Spr., прилож. 28.

⁴ Histoire de la langue roumaine, т. I, стр. 214, 289, 301 и сл. См. также сб. «Problema continuității Românilor în Dacia». Сибну, 1943 (в Biblioteca Astra, № 27).

не подтверждают данные археологии, тогда как таковых собрано немало для истории готев между второй половиной III в. и второй половиной IV в. Гораздо более прав поэтому А. Филиппиде, говорящий о постепенном угасании римской культуры на север от Дуная и предполагающий, что после постепенного перехода романского населения на правый берег на левом оно свелось «к небольшим остаткам»¹.

Да и трудно ожидать, чтобы местное население сохранилось в большом количестве как таковое, когда оно непрерывно меняло хозяев: за готами (271—375) последовали гунны (375—453), за гуннами — гепиды (453—566), авары (566—799), совместно с которыми — славяне, а далее — мадьяры и турки (печенег и половцы). Старые населенные места исчезали, и это вполне понятно; но исчезали и названия рек, которые обычно сохраняются. Многие из них получили новые наименования, большей частью славянские; относительно же сохранившихся имен, носящих славянскую окраску, трудно сказать, передают ли они дакийские или романские названия².

Таким образом, исторические справки не возражают против существования остатков населения в старой Дакии на север от Дуная, но и не дают нам прочных указаний на степень их сохранности, и во всяком случае — оставляют нас в полном неведении относительно их языка. Если следы романской речи и продолжали сохраняться где-нибудь в Траяновой Дакии, то они были вытеснены ее собратом, пришедшим с юга.

Искать его родину за Дунаем побуждают данные языка. Мы уже имели случай сослаться на них выше по поводу так называемых балканизмов. Как бы критически ни относиться к ним, — не считаться со сходными чертами в соседних языках невозможно. Весьма характерными и древними являются совпадения с албанским, которые могли образоваться только за Дунаем. Они характерны, потому что романским языкам за пределами полуострова они почти неизвестны; они древни, потому что прошли затем в балкано-романском тот же путь фонетических изменений, что и латинские слова: *ceața* — «затылок», отвечающее албано-тоскскому *kjafe* — «шея» (этимология дана у Н. Barič, Albano-rumän. St., I, Сараево, 1919, стр. 31). В гегском диалекте Скутари, где *kj* > *tš*, как *gj* > *dž*; *tšaf* — «шея», показывает то же развитие *k* перед гласными переднего ряда, что и латинское *s* в *sera* — «луковица», румынское *seară*.

Объяснения румыно-албанских связей могут быть различными: мы можем иметь дело с заимствованиями, особенно, когда

¹ Originea Românilor, т. I, 1925, стр. 658.

² О трудностях при толковании их см. N. D r â g a n u. Români în veacurile IX—XIV pe baza toponimiei și a onomastice. Бухарест, 1933, стр. 313—319.

речь идет о словах, относящихся к характерному для обеих сторон хозяйственному укладу (скотоводство)¹, как, например, *brînză* — «овечий сыр» (исчезло в аромунском, но имеется в греческом, в Эпире *πράνζα*), или *țarc* (загон для мелкого скота, албанское *thark*). Нужно, однако, заметить, что фонетически полные или почти полные совпадения, поддержанные семантикой, не всегда гарантируют заимствование. Сравнительное изучение албанских и румынских слов позволило установить необходимость считаться с общим дороманским источником, каковым является иллирийский или, если допускать их древний контакт, иллирийско-фракийский². Так, например, *zară* — «сыворотка», аромунское *dală*, отвечает албанскому *dhallë*, и соответствия *dh—z* и *ll—r* в них вполне закономерны, но отсюда не следует еще, как и в очень многих словах, список которых дан Росетти³, что перед нами прямые заимствования из албанского. Румынские слова могут быть, как и албанские, остатками языка, который некогда жил на полуострове и с которым в какой-то мере имело связь и романизованное его население. При этом отличить элементы иллирийские от проникших в них фракийских остается невозможным, за исключением чрезвычайно редких случаев⁴. Критерием иллиризма данного слова, более или менее надежным, является его распространение на западе. Так, *baltă* — «озеро, болото» (известны и аромунскому и мегленскому), албанское *baltë* — «тина, болото», фонетически совпадающее с румынским, но не обязательно заимствованное из албанского, знакомо целому ряду северноитальянских диалектов (в значении «грязь»). Оно известно и новогреческому и славянским языкам, в которых оно может являться исконным и прямо не связанным с иллирийским. К той же категории принадлежит и румынское *gard* (=аромунское = мегленское) в значении «ограды, изгороди»; албанский дает *garth* с тем же значением; членная его форма — *gardh-i*; следовательно, говорить о заимствовании из албанского нельзя, так как албанское *dh* дает в румынском не *d*, а *z*: связи между албанскими и романскими словами поэтому не прямые. Как известно, *gard* хорошо знакомо и славянским языкам.

¹ Ср. замечания и примеры у Н. Т r i e m e r'a в Zs. f. rom. Philol., т. XXXVIII, стр. 391.

² Как W. Brandenstein у Pauly-Wissowa, Real-Encycl. d. kl. A., под Thake, стр. 413.— Некоторые иллирийские племена были, может быть, смешанными. Таковы скордиски или трибаллы. Наиболее распространенной является сейчас точка зрения Н. Joki'я, видящего в албанцах особую группу, язык которой примыкает и к иллирийскому и к фракийскому. См. Reallex. d. Vorgeschichte Эберта, статьи «Албанцы», «Иллирийцы», «Фракийцы».

³ Istoria limbii române, т. II, стр. 108—124. Ср. также Pușcariu D. rum, Spr., стр. 206 и сл.

⁴ Возможное сведено у Росетти, там же, стр. 55—63.

Как же проявились все эти отмеченные точки соприкосновения между романским и албанским языками? Совпадения фонетические объяснялись единством субстрата, т. е. сходным строением органов речи. Фонетические навыки имеют, конечно, большое значение, и Филиппиде положил их даже в основу своего построения. Но такое прямолинейное обобщение верного наблюдения едва ли приемлемо, так как даже характерное произношение может меняться от одной группы говорящих к другой и от одной местности к другой; оно испытывает на себе, как всё в говорящей среде, влияние исторических условий и по-разному реагирует на соперника в зависимости от того, появился ли последний в пору, когда старый язык сложился или только складывается. Наконец, влияние субстрата сказывается и, естественно, должно сказываться неравномерно. Едва ли можно поэтому приписывать то или иное произношение целой народности, в то время как оно может характеризовать только часть ее и лишь со временем получить большее или меньшее распространение.

Тем труднее и ненадежнее исходить из идеи субстрата при объяснении более сложных процессов в языке, и притом в более позднюю эпоху, когда субстрат (подслой) уже успел раствориться в основном населении, а его язык исчезнуть окончательно в языке-победителе этого последнего. Такова же роль и так называемых адстрата и суперстрата. И вот почему албанский язык, который Фридвагнер считал древнейшей примесью к балкано-романскому¹, не превратил его в язык смешанного типа, как не сделал этого и славянский суперстрат, о котором мы говорили выше и к которому еще вернемся.

При контакте не получается третьего языка. Происходит не смешение, а лишь оседание некоторых элементов, и притом не на основных для языка-победителя участках. Основой процесса является систематическое общение, осуществляется ли оно в форме контакта двух самостоятельных общностей или в форме внедрения одной из них в другую. Примером первой может служить отношение между болгарами и дако-романами в пору самостоятельного существования Валахии и Молдавии, примером второй — симбиоз славянского и романского элементов на заре возникновения первичных славяно-романских государственных образований, члены которых и кровно смешивались между собой.

Но если контакт с албанцами или, вернее, их предками относится к древнейшей поре истории балканских романцев, то важно установить, где он мог происходить.

¹ M. Friedwagner. Ueber die Sprache u. Heimat d. Rumänen в Zs. f. rom. Philol., т. LIV. 1934, стр. p. 665.

Упоминания об албанцах встречаются с XI в.; под 1079 г. их поселения находят между Охридой и Салониками и в Эпире. На этом обстоятельстве, как и на факте отсутствия у них терминов рыболовства, основывалось предположение, что албанцы не жили в местах их нынешнего поселения, а пришли из областей полуострова, лежащих восточнее¹. Скок (Skok) ставит название албанского народа — шкипетары в связь с названием столицы Дардании — Скупис (алб. Шкип), что возможно². Дардания примыкала непосредственно к Аврелиановой Дакии, распадавшейся на две единицы: Дакию Прибрежную, т. е. придунайскую (приблизительно между Виминацием и р. Искером, с центром в Ратирии — нынешний Арчер близ Видина), и лежащую к югу от нее Дакию Средиземную, с центром в Сердице — нынешняя София. Новая провинция составила из частей старых Мезий (Верхней и Нижней) и южными своими районами, через Дарданию, примыкала к Македонии, а юго-западными, через ту же Дарданию, — к Далмации, точнее — к Превалис и Новому Эпиру, соответствующим приблизительно нынешней Албании. На северо-западе Новая Дакия была смежной с Верхней Мезией, которая граничила непосредственно с Паннонией; впрочем с Нижней Паннонией ее связывал и Дунай. Центральные части этих романских областей находились в бассейнах рек Тимока, Моравы и частично Вардара, т. е. на территориях, через которые проходила большая римская дорога, связывавшая Адриатическое побережье (Диррахий) с долиной Дуная через Скодру — Найс (Ниш) — устье Моравы, с ответвлением Найс — Ратирия, пересекавшим Дакию Прибрежную. Западной границей Новой Дакии являлся (приблизительно) бассейн р. Дрины.

Достаточно просмотреть границы этих областей на карте, чтобы понять возможность общения и связи с албанцами (кто бы они ни были) и с теми фрако-иллирийцами, которые сидели между Дунаем, нижней Тиссой и Искром. Эти же области являются центральной частью обширной территории, на которой были распространены латинский язык и культура. От границы между Нижней Мезией и Прибрежной Дакией на запад территория эта значительно расширялась; на востоке (т. е. в Нижней Мезии) она представлялась довольно узкой полосой, тянувшейся вдоль Дуная до его устья³. В конце IV в. эта центральная часть Восточной Романии, если присоединить к ней

¹ Н. Йокль. Real-Lex. d. Vorgesch., I, стр. 92; А. М. Селищев. Славянское население в Албании. София, 1931, стр. 49 и сл., 73 и сл. Пришельцами в Албании считает албанцев и Филиппиде (Orig., т. II, стр. 771 и сл.).

² См. Zs. f. rom. Philol., т. LIV, стр. 280.

³ См. карту у Росетти в приложении ко II тому его «Istoria limbii române».

Македонию, составляла Дакийскую диоцезу. Ее западная граница являлась в то же время и политической границей между Западной и Восточной империями.

Здесь, в северных и центральных районах диоцезы, следует искать «колыбель» той романской речи, которая как тип лежит в основании ее позднейших разновидностей, продолжающих существовать на юге и на севере от Дуная. Носители ее распространились отсюда и на запад и на восток. На сербо-хорватской территории мы до сих пор встречаем следы романской топонимики, особенно в названиях гор и горных местностей. Типичны для последних такие названия, как *Durmitor* (*Dormitor*, в бассейне Верхней Дрины), *Cipitor* (*atipitor* — «дремлющий»), *Visitor* (*visător* — «снovidец»), связанные все с идеей сна, отдыха для стад, пасущихся на горных пастбищах; планина *Kopacnik*, на Верхнем Иbare, от *kopaci* — «дерево»; ср. там же вершину *Боровняк*. В старых грамотах у сербов и хорватов можно встретить такие имена, как *Barbat* (собственно «бородатый», *Barbos* (*barbos* — «бородатый»), *Fečor* (= *fecior* — «парень»), *Micul* (= *micul* — «малый»), *Sarapa* (= *sare apa* — «прыгает через воду»), как *Sarebiere* (= *Sare bine* — «прыгает хорошо»), с ротацизмом, как в *Zmantana* (*smântână* — «сметана»). Румынское население Истрии, когда-то гораздо более многочисленное и сейчас ослабянивающееся, составилось из романцев, некогда живших на сербо-хорватской территории. Такого же происхождения и моро-влахи.

На востоке романцы-румыны продвигались на земли, занятые болгарами, где они со временем также ассимилировались, оставив, однако, память о себе в местной топонимике и ономастике: *Крнул* (*cârnul* — «курносый»), *Кречул* (*creșul* — «курчавый»), *Вакарел* (местное название, уменьшительное от *vacar* — «коровий пастух») и т. п.; но здесь на востоке следов этих значительно меньше, чем на западе. Нельзя не отметить влияния румынского на болгарский словарь, поскольку оно касается очень древнего слоя. Таковы, например, христианские термины романского происхождения, как *алтар*, *крачун* (*calatione*, с ротацированным l), *русалии*, *камъkanie* (*communicatio* — «причащение») и т. п., относящиеся ко временам связи румын с западным христианством, предшествовавшей связи с христианством греко-болгарским¹.

Так протекала прарадикация романизма из его основного

¹ Мутафчиев считает подобные слова заимствованными из «романского». Влияние румынского языка на болгарский он признает гораздо менее значительным («Bulgares et Roumains», стр. 313—322). Богатый материал для румыно-славянских сопоставлений собран Кэпиданом в его «Elementul slav în dialectul aromân». «Dacoromania», т. III, стр. 129—238; т. IV, стр. 1252 и сл.

центра. Следующим важным вопросом в румынистике является вопрос о причинах, путях, времени и последствиях этого «растекания» романской речи на юге и на севере от Дуная.

III

В своей работе о славянских элементах в румынском (в *Denkschriften* Венской Академии Наук, XII, 1862) Фр. Миклошич, приурочивая контакт между румынами и славянами к концу V и VI вв., утверждал, что романское население полуострова было вытеснено славянами из занимавшейся им территории, после чего часть его двинулась на юг (аромуны), другая часть — за Дунай.

Р. Резлер, видевший родину румын за Дунаем, утверждал, что «Мезия и Иллирик, север и запад полуострова, были романизованы в гораздо большей степени, чем это думали до сих пор. Балканский полуостров был исходным пунктом румынского народа, который постепенно передвинулся в пустые и мало населенные северные территории и окончательно занял юго-восток Европы». Он датирует это переселение концом XII и XIII в. и связывает его с борьбой валахов в Мезии за независимость против Византии (второе болгарское царство). Основанием для его положения служило отсутствие упоминания валахов в надежных исторических источниках (аноним Белы был им заподозрен).

Резлеру возражали Юнг и Пич, затем румыны — историки Ксенопол и Ончул¹. Мы не будем останавливаться на этих возражениях, поскольку желающий вкратце познакомиться с ними может обратиться к работе М. В. Сергиевского², поскольку все положительное в их критике стало давно общепринятым и использовано О. Денсушану, выведившим румын из Иллирии (в его «*Histoire de la langue roumaine*», т. I), и всеми, кто писал по этому вопросу позднее. Основным положением Ксенопола и Ончула является тезис о сохранности в Дакнии романизованного населения. Появления затем валахов на севере от Дуная Ксенопол объясняет возникновением на юге от него валахо-болгарского государства, откуда совершился затем приток валахов на север. Ончул ограничивает романский элемент в старой Дакнии областью между реками Темешем и Алютой и западными частями Трансильвании и допускает в дальнейшем постоянное переселение романцев из областей полуострова на север от Дуная. На идее «непрерывности» настаивал и румынский славист И. Бэрбулеску, относивший контакт со

¹ Xenopol. *Teoria lui Rösler*. Яссы, 1884; Oniciul. *Teoria lui Rösler*. «Convorbiri literare», т. XIX. Бухаест, 1885.

² Молдавские этюды. «Труды МИФЛИ», т. V, гл. I. М., 1939.

славянами к XI—XII вв. (среднеболгарский период)¹. Наибольшей четкостью и обоснованностью отличается ответ на вопрос о том, где могло сосредоточиться по преимуществу романское население в IV и последующих веках, данный А. Филиппиде². После детальнейшего анализа материала автор приходит к выводу, что некогда обширнейшая территория империи на севере и на юге от Дуная (Orig., I, стр. 854 и сл., II, 569 и сл.) постепенно сокращалась, так как сама империя, начиная с первой половины IV в., последовательно оставляла значительные ее части: лежащую на левом берегу Дуная часть Нижней Мезии — между 235 и 238 гг., Дакию, Олteniю, Трансильванию и Банат — в 268 г.; Нижняя Паннония же (Сирмиум) была захвачена гуннами в 377 г. Позднее, в 582 г., при эвакуации Нижней Паннонии, ее римское население было переведено за р. Саву. Романское и романизованное население этих областей перебралось на южный берег Дуная, а то, что оставалось на северном берегу, либо растворилось среди пришельцев, либо сохранилось в какой-то мере на месте, пока туда не явились их собратья из-за Дуная³. В те же III—IV вв. новая трещина пересекла романизованную территорию полуострова: при Диоклетиане Далмация была отделена от восточной его половины; в 398 г. она вошла в состав западноримской империи, а Мезия — в состав восточной. Связи между западными и восточными областями ослабли, и развитие латинского языка в каждой из них пошло своим путем. Поэтому и Филиппиде после детального анализа исторических данных переходит к такому же детальному анализу данных языка восточной, балкано-романской половины.

Пространство, занятое этой восточной половиной, было в достаточной мере обширно, чтобы допускать наличие ранних расхождений в латинской речи, на которой говорило ее население, но в то же время и достаточно цельным, внутренне связанным, благодаря административному устройству, культурной традиции, постоянному общению отдельных областей между собой и наличию задающих тон крупных центров⁴,

¹ Nașterea individualității limbii române și elementul slav. Журн. «Archiva» за 1922—1928 гг. Ср. также его «Probleme capitale ale slavisticii la Români». Яссы, 1906.

² Originea Românilor, т. I. Яссы, 1925; т. II. 1928. О выходе румын из-за Дуная писал акад. А. И. Соболевский. Румыны среди славянских народов. Речь на собрании Академии Наук 29 декабря 1916 г. Петербург, 1917.

³ Originea Românilor, т. I, стр. 854.

⁴ Следует отметить также особую заботу об этой области отдельных императоров, ее уроженцев. Константин Великий был родом из Найса, Юстиниан — из окрестностей Скопье. При нем Скопье стало центром обширной метрополии (535), включавшей Новую Дакию, Верхнюю Мезию,

чтобы, несмотря на пестроту населения (вскрытую Филиппиде), язык его представлял некое единство с и с т е м ы, единообразие основного словарного фонда и грамматического строя. Иначе дальнейшая его дифференциация, вызванная историческими условиями, не позволила бы македоно-румынскому, истро- и дакорумынскому, при всех их расхождениях, сохранить единство типа.

При всей его близости к общемперской живой латыни (койнѣ) в нем стали обнаруживаться, как и во всех других романских языках, некоторые характерные новые черты, отделившие его от его романских собратьев, и прежде всего от далматинского.

Отрыв мог произойти только после прекращения связей с Западом. Большая часть Иллирии отошла в 395 г. к западной половине империи, и р. Дрина стала скоро в известной мере языковой границей. Обстановка для дальнейшего отхода должна была стать более благоприятной после падения господства империи (602) и особенно после замены латыни греческим в государстве и церкви (605). На судьбу языка это обстоятельство должно было повлиять больше, нежели вторжение славян, особенно на первых порах. Влияние славян стало значительной силой только в условиях роста государственных и церковных связей со славянством.

Когда и при каких условиях углубились расхождения внутри балкано-романской речи, т. е. когда и при каких условиях стала складываться аромунская, мегленская, истро- и дакорумынская разновидности, — являются до сих пор вопросами, не разрешенными окончательно. Сравнительно небольшое количество в аромунском албанских и древнеболгарских элементов, полное отсутствие мадьярских и среднеболгарских черт свидетельствуют как будто в пользу того взгляда, что перемещение аромун следует датировать не позднее X в. Но это не дает даты начала движения, так как установить время контакта с албанским языком — чрезвычайно трудная и до сих пор не разрешенная задача: даты перемещения у различных исследователей колеблются между древнейшей эпохой, III—IV, IV—VI вв. и так до X в. Но так как отход той или другой части балкано-романской группы мог быть длительным, то вопрос осложняется еще более¹. Так или иначе, отделение аромун

Превалитану, Македонии II и восточную часть Нижней Паннонии. Позднее церковный центр был перенесен в Охрид, но единство церковной области просуществовало ряд веков. Церковь объединяла то, что уже было объединено самой жизнью в целом.

¹ Если учесть склонность этого пастушеского населения к передвижению, то следует считать это вполне вероятным. Уже в VIII в. Томашек отмечает наличие их на Халкидском п-ве у р. Рпхиос («Влахорихины»); см. Zur Kunde d. Nämus-Halbinsel. Denkschriften Венской Академии Наук, 1882. стр. 476.

должно было произойти до X в.¹ Так как в XI в. они жили в южных областях полуострова уже в настолько значительном количестве, что в 1065 г. Никулица мог поднять в Фессалии целое восстание их против Византии. С XII в. упоминания о них становятся все более частыми. Анализ данных языка также не позволяет уточнить хронологию отрыва. На юге Филиппиде отпавлялся от трактовки латинских *c*, *g* + *e*, *i*, которые дали в аромунском *ts*, *dz*, в дако-румынском *č*, *ğ* (*caelum* > *čer*, *ter*, *gelu* > *ğer*, *dzer*). Эту палатализацию он относил к первой половине VI в.² В латинском ассимиляция *c* может быть отнесена к V в. (*g* — несколько ранее). Но она развивалась в Романии на протяжении долгого времени и неравномерно. Девото³ считает сохранение *c* = *k* характерным для Востока. Действительно, мы имеем его не только в Далмации и Иллирии (албанское *kjel* < *caelu*, вельотское *kaina* < *cena*), но и в Сардинии (*kenare* < *cenare*)⁴. До балкано-романского дошло, вероятно, только палатальное *k*, даже перед *i* (как в албанском *kjimk* < *cimice*, *kjine* < *centum* и соответственно — *gjint* < *gente*). Дальнейшее естественное развитие *č* и *g* в *č*, *ğ* и *ts* в *dz* могло происходить независимо в различных группах балкано-романского, но на это нужно было время. Следовательно, его нельзя датировать VI в., как и упомянутый выше отход группы на юг. Дако- и истро-румынский трактуют латинские *c* и *g* перед *e* и *i* одинаково (у истро-румын рефлексy их позднее приобрели особую форму).

Так как наши интересы сосредоточены на дако-румынском, то мы не можем останавливаться на деталях процесса разъединения. Причину перемещений обычно видят в движении славян, которые уже в VI в., сломив сопротивление императора Маврикия (582—602), начали переходить Дунай массами и распространяться по полуострову, особенно в его восточных областях, лежавших ближе к его центру, Византии, привлекавшей варваров, как на западе Рим. На освободившиеся территории потянулись романские переселенцы из-за Дуная. Движение это должно было быть, естественно, продолжительным и происходило в обратном направлении движению славян. Открытым остается вопрос о том, насколько быстро реагировало романское население Новой Дакки на славянское вторжение, так как ведь в эту раннюю эпоху восточная половина полуострова обладала

¹ В 976 г. их отмечают в области между оз. Преспа и Охридой; они были пастухами и возчиками.

² Originea Românilor, т. II, стр. 166, 225—230.

³ Storia della lingua di Roma. Рим, 1940, стр. 301.

⁴ Скок видит в сохранении *c* и *g* в далматинском и албанском языках влияние «культурного» произношения (Zs. f. rom. Philol., L. стр. 510), что мало вероятно. Аромунское *ts* как будто древнее славянских заимствований.

большей притягательной силой, нежели западная, в которой издавна романцы чувствовали себя в большей безопасности. Вот почему дата 600 г., с которого началось продвижение предков румын на север, по мнению Филиппиде, может быть, требует оговорок. Центральным местом его исследования является установление путей передвижения. Ни до, ни после него никто не дал нам такой детальной картины движения на север, с которой нельзя не считаться.

Передвижение представляется Филиппиде — и, как нам кажется, правильно — в виде волн, и, следовательно, длительного процесса, охватывающего время с VII до начала XIII в., когда оно закончилось¹. Переселение происходило в виде двух не связанных между собой потоков. Один, «балкано-транскарпатский»², двигался из-за Дуная в Банат и Трансильванию (кроме ее юго-востока) и далее — в Молдавию, Буковину и Бессарабию; другой, «мунтянская ветвь», — с правого берега Дуная (следовательно, из Прибрежной Дакии и восточной части Нижней Мезии) непосредственно в Мунтению (Большую Валахию), затем в Трансильванию (ее юго-восток, центром которого стал впоследствии Брашов, и долину верхней Алюты — Фэгэраш). В Ольтению (Малую Валахию) проникли части обоих потоков. Таким образом, «Молдавия и Мунтения не имеют генетической (разные ветви) и исторической связи»³. Переселение вызвано, по Филиппиде, очищением территории к северу от Дуная славянами в VI—VII вв., и на освободившиеся от романцев места между Искером и Дриной двинулись в XIII в. сербы. В XI в. эти места уже в значительной мере потеряли свое население, так как византийское правительство переселило на них покоренных печенегов (1048-1049 гг.; Кедрен, II, 587, 14).

Но если Молдавия не связана генетически с Мунтенией, то, как это устанавливает Филиппиде, она связана с Трансильванией, и связь эта поддерживается данными языка, общими у обеих областей. Этому соответствует и заселение Буковины, а затем Молдавии из Трансильвании и, наконец, — Бессарабии из Буковины. Этому отвечают и данные языка в Бессарабии, в котором черты архаические (dž, dz) переплетаются с новшествами (вроде смягчения зубных перед e, i, перехода палатализованного c (=k) в палатализованное t и смягчения губных перед йотом).

Если первый поток Филиппиде не вызывает возражений, то движение с юга на север в Мунтению из Нижней Мезии, как базы, между VII и XII вв., едва ли может представляться

¹ Originea Românilor, т. I, стр. 857—858; т. II, стр. 386 и сл.

² Там же, т. II, стр. 404—405.

³ Там же, стр. 389.

таковым¹. Романские элементы на правом берегу Дуная могли еще как-нибудь сохраняться в городах, но они были уничтожены к началу VII в. Следов валахов на левом берегу Нижнего Дуная не имеется до XIV в.² Упоминание их Никитой Акоминатом под 1198 г. на севере от Дуная совместно со скифами, совершавшими нападения на южный берег (*cohois Blachorum*), имеет в виду отдельные группы, составленные из бродячих элементов. Об аналогичной роли их говорят под 1164 г. и Киннам. В течение VII—X вв. византийские источники о влахах на том и другом берегу реки молчат. Они упоминают только славян. Один из византийских историков IX в. говорит о «Болгарии об ону сторону р. Истра». Задунайские земли входили в состав болгарского государства от Крума до Петра (умер в 969 г.). В 899 г. левобережье было занято печенегами, а в 1091 — куманами. Мутафчиев считает невозможным, чтобы на запад от Алюты сохранялось романское население. По мнению румынского историка Ончула, первые румынские поселения на восток от Алюты (и от Карпат) стали возможны только в XII в. Условия, благоприятствовавшие этой колонизации насельниками, спустившимися с гор, наступили только в XI в.³ После падения первого болгарского царства (1018) на нижнем Дунае была образована тема Паристрион с византийским управлением и болгарским населением. Восстание 1186 г. и образование второго болгарского царства, в котором влахи сыграли, может быть, известную роль, еще не значит, что в состав его населения входило значительное количество владх, что отнюдь не исключает, конечно, в составе его валашского элемента. Во всяком случае показательно, что уже с начала XIII в. о валахах речи нет в связи с новым государством, которое фигурирует уже просто как болгарское⁴. По нашему мнению, чрезвычайно характерен термин Мунтения, обозначавший Валахию. Он совпадает со старой легендой о том, что валахи под предводительством Раду Негру или при Тихомире-Иванко спустились с гор (уже после ухода печенегов и куманов) и овладели Дунайской низменностью. Не на то же ли указывает и последовательная смена центров: Кымпулунг, Тырговиште, Бухарест? Как оправдать в отношении валахов название их мунтянами, если они искони были жителями валашской низменности?

М. В. Сергиевский принимал гипотезу Филиппиде, так как

¹ P. Mutaŭčiev. Bulgares et Roumains dans l'histoire des pays danubiens, стр. 233.

² Там же, стр. 107.

³ Bull. sect. hist. Румынской Академии Наук, т. IX, вып. 1—2, 1919, стр. 18.

⁴ P. Mutaŭčiev. Bulgares et Roumains dans l'histoire des pays danubiens, стр. 324. О симбиозе владх и болгар во втором царстве говорит S a n d f e l d. Linguistique balkanique. Париж, 1930, стр. 171.

несвязанность потоков позволяла ему подчеркивать самостоятельность молдавского языка и считать его особым языком. Но ведь Филиппиде все же связывает молдавский с трансильванским и говорит о них как о дако-романском языке. Да и у Сергиевского формулировки не всегда достаточно четки: валашский и молдавский он называет диалектами дако-романского, что не мешает ему, однако, четырьмя страницами дальше говорить о румынском и молдавском языках¹. Любой «территориальный диалект» может превратиться при известных условиях в язык нации. Можно себе представить, что такое превращение переживут два близких один к одному диалекта параллельно; но они тем самым еще не получают ни особого основного словарного фонда, ни особого грамматического строя каждый. Едва ли можно доказать, что при всех своих различиях языки Америки и Англии — два разных языка.

IV

Славянское влияние на романскую речь датируется различным: одни (Джугля в *Dacoromania*, III, 605; Денсуняну, *Hist.*, I, 241; Папахаджи в *Grai și suflet*, I, 211; III, 94; Скок в *Slavia*, VI, 127; XI, 614) относят его ко времени до IX в. (уже к VI—VII), другие (Гамильшер в *Zschr. f. rom. Philol.*) — не ранее чем к X в. Бэрбулеску доказывал, что контакт со славянами (болгарами) мог произойти только в X—XI вв. на территории Дакии, где румыны жили искони². Его аргумент — среднеболгарская фонетика заимствований, против чего возражал уже Сандфельд³. Кульминацию славянского влияния И. Богдан относил к XI в.⁴, Капидан — к XII в.⁵ Главную массу заимствованных слов составляют болгарские; остальные славянские языки представлены значительно слабее.

Начало заимствований и, следовательно, контакта относится к очень отдаленной поре, так как ряд заимствованных слов принадлежит к очень глубокому словарному слою и является общим для всех разновидностей балкано-романской речи, в которой они вытеснили соответствующие латинские элементы. Таковы, например, *babă* — «баба», устранившее латинское *anus* или *vetula* (сохранившееся как прилагательное *veche*), *coasă* (истро-румынское *cosa*) — «коса» вместо *falx* (румынское *falce* — 1,2 десятины земли); *colac*, *culac*, ср. русское *калач* вместо *колач*

¹ См. его «Молдавские этюды». «Труды МИФЛИ», т. V. М., 1939, стр. 189, 190.

² *Nașterea individualității limbii române și elementul slav.*

³ *Ling. balk.*, стр. 83.

⁴ *Dacoromania*, т. III, стр. 130.

⁵ Там же. т. IV. стр. 1256 и сл.

(от *коло*) — печенье круглой формы; глагол *darui* — «давать» (из *даровати* — *дарую*) вместо латинского *donare, nevastă* — (невеста) «жена»; *gol* — «нагой, пустой» вместо *nudus* или *vacuus*; *slab* «слабый», *rană* — «рана» и другие. Очень интересно переосмысление некоторых латинских слов; по типу славянского *играть* = *играть* и *плясать*, это последнее значение получил и латинский глагол *jocare, jocă, džocă, zocă*; по типу *цвет* — *floare* стало обозначать и цветок и цвет; по типу *свет* — латинское *lumen* > *lume* стало обозначать мир (и притом во всех диалектах); значение света осталось за ним только кое-где в дако-румынском, и притом лишь в выражении *lumea ochilor*.

Усваивая славянские слова, предки румын подчиняли их требованиям своей речи. Так, большой юс (носовое открытое о) был трактован наравне с латинскими *o + n*: *scump* — «скуп» как *munte, lung, cumpăr*. Такие же формы, как *mândru* — «мудр», отвечают более позднему среднеболгарскому произношению большого юса как *ѣн*, т. е. румынское *ân*, откуда затем *ân*¹. Все эти процессы должны были происходить до XI в., когда носовой в юсах перестал звучать.

На древность заимствований указывает и передача *ѣ* как *u*, например, в *sută*, или *ѣ* как дифтонга *ea* в *nevastă*, где *ea* > *a* перед следующим *a*.

Таким образом, древнейший слой заимствований можно датировать еще концом VII—VIII вв., до той поры, когда наметилось образование аромунской группы и начался отход ее на юг. Усвоение славянских слов обнимало известный период, так как некоторые из них, даже более давние, уже вошли в язык после того, как ряд старых фонетических процессов завершился. Так, в *rana* и *hrana* — «питание» *a* перед *n* сохранилось (латинское *lana* > *lână, manus, > mână*), а *n* не превратилось еще в *g*, т. е. ротацизм, который Росетти считает явлением поздним, наступил после распада балкано-романского языка на диалекты (Rhotacism., 53).

Славянское (болгарское) влияние значительно усилилось, особенно когда территория болгарского государства стала расширяться на запад и на север, с начала IX в. Важным событием явилось принятие болгарами христианства при Борисе I, в 864 г., что облегчило связи с бывшими язычниками, но особенно важным было подчинение романского населения греко-болгарской церкви при царе Симеоне (893—927).

¹ Но *ân* напоминает латинское *lână < lana, câmp < camp*. Может быть, двойное отражение параллельно и обусловлено заимствованием из разных источников: в одних областях юс давал *ѣ*, проявленное в *a*, в других — *o*. Бифуркацию определило исходное произношение, в котором были элементы *a* и *o* (*â*). Возможно, что были колебания и в пределах одного диалекта.

Ни в это время, ни раньше общение со славянами не привело к коренной перестройке языка. Вейганд говорит о румынском, как о языке славяно-романском. Позднее Денсушяну¹ утверждал, что «балкано-романский стал румынским... только со времени нашествия славян». И совсем недавно Мутафчиев заявлял, что считает возможным называть румынский язык румынским лишь на той ступени, когда он впитал в себя славянские элементы². Но ведь тогда и испанский следует называть испанским лишь после того, как он усвоил арабские элементы. Балкано-романскую группу отделяют от других романских языков не славянизмы, а те черты, которые развились в этом продолжателе общемперского койнэ после его отрыва от западной половины империи, черты его основного словарного фонда и грамматического строя. В английском языке французского элемента не меньше, чем славянского элемента в румынском, но это не сделало его языком франко-германским.

Большая часть заимствованных болгарских слов носит среднеболгарский характер, а, с другой стороны, уже в древнейших из них, общих всем разновидностям балкано-романского, имеются черты восточноболгарского наречия (например, рефлексy **ѣ** как **ea**, **ъ** как **o**). Черты эти могли быть усвоены в пору общения со вторым болгарским царством (конец XII — половина XIII в.). Но они могли быть усвоены и в Трансильвании, где славянские элементы осели давно, откуда они спускались затем к Дунаю и куда они также притекали позднее, когда за Дунаем организовалось первое болгарское царство. На далекий север славян привлекали месторождения соли в Марамуреше и Шарише. Венгерские источники говорят о том, что, когда мадьяры проникли в Трансильванию (X—XI вв.), они застали там славяно-романские воеводства со славянскими воеводами Менуморута (и др). Возможно, что язык болгар в Трансильвании принадлежал восточноболгарскому типу.

Только таким ранним контактом со славянами можно объяснить проникновение в романскую среду славянского богослужения и соответственной славянской терминологии, вытеснившей старую латинскую. Не тем же ли путем проникали еще в X в. в мадьярский язык слова вроде *kereszt* — «крест», *szombat* — «суббота» и т. п.³.

Вопросом о времени, к которому можно отнести наличие романского и мадьярского населения на север от Дуная и Савы, много занимался Н. Дрэгану. Им тщательно исследована

¹ Histoire de la langue roumaine, т. 1, стр. 240.

² P. Mutaŋŋiev. Bulgares et Roumains dans l'histoire des pays danubiens, стр. 78, 293.

³ N. Drăganu. Români în veacurile IX—XIV..., стр. 592.

ономастика и топонимика этих областей славянского характера¹. По мнению автора, большая часть их носит древнеболгарский отпечаток, хотя среди них имеются и среднеболгарские (поздние) формы. Материал грамот, касающихся Трансильвании до 1200 г., дает очень мало. Дрэгану полагает, что мадьяры проникли в эту «область за большим лесом», Erdoelü (позднейшее Erdély > румынское Ardeal), не ранее 1074 г.² Грамоты, упоминающие влахов, начинаются только с 1222 г. Но это отнюдь не мешает, конечно, допустить их более раннюю наличность в области. Во всяком случае именной материал свидетельствует о значительном количестве мест, занятых поселенцами-румынами. Показания историков очень немногочисленны и не всегда надежны. К последней категории относится анонимный автор «Деяний венгров», некий нотариус короля Белы IV (?), отведенный Резлером. Но каково бы ни было происхождение этой хроники, кое-что в ней находит поддержку в открытой позднее «Descriptio Europae Orientalis» 1308 г., отражающей, однако, в отдельных местах традицию, восходящую к XII в.³ И «Описание» упоминает о «пастбищах румын» в эпоху появления мадьяр. С этим связано и известное показание «Начальной летописи» об уграх, проследовавших мимо Киева на запад (в 898 г.). Автор и говорит, что угры, пришедшие с востока, задержавшись недолго на Руси, двинулись через высокие горы (Карпаты) и здесь столкнулись с волохами и словенами, которых подчинили себе волохи. Угры изгнали волохов, отобрали у них землю, которую и заселили вместе со словенами. Термин «волохове» не вполне ясен. Шахматов видел в них румын. Но они упоминаются рядом с франками, немцами, каролингами и т. д., и вполне возможно, что «Летопись» и ее источник имели в виду франков, т. е. население части бывшей римской империи, и что речь идет о северной Венгрии, куда мадьяры спустились с гор, положив начало своему государству. Для такой ранней поры трудно предположить, чтобы волохи держали в подчинении славян, в то время как об обратном свидетельствуют данные о славяно-романских восшествиях в Трансильванию. Но показания «Летописи» совпадают с двумя другими, приведенными выше, и свидетельствуют о наличии в северной Венгрии славянского населения, оставшегося там и после прихода мадьяр.

В качестве не хозяев, а простых насельников подлинные волохи, т. е. предки румын «северного потока или ветви» Филиппиде, могли, однако, в некотором количестве (вероятно, и мадьяры-то направились в эту сторону, потому что она была

¹ Români în veacurile IX—XIV..., стр. 592.

² Там же, стр. 32, 422.

³ См. работы J. Deer'a в Mitt. d. österr. Instit. f. Geschichtsforschung. t. XLV. Вена, 1931. Там же пересмотр вопроса об анониме Белы.

мало населена) находится здесь совместно со славянами. Э. Петрович полагает, что этими славянами были предки словаков, так как палатализация зубных, характерная для запада и северо-запада дако-румынской области (*frache* вместо *frate*, *gincolo* вместо *dincolo*), из всех славян известна только словакам¹. Правда, в румынском явление это засвидетельствовано только с XV в., но оно, по мнению Петровича, несомненно старше, что готовы принять и мы. Однако мы встретили его и в восточноболгарском (*гъень* вместо *день*, *къебе* вместо *тебе* и т. п.). Если видеть в нем очень старую черту, то этому не противоречило бы наше предположение, что славянский элемент в Трансильвании, который застали там пришедшие с юга романцы, был болгарским, в котором развивались черты, нашедшие себе затем более полное выражение в восточноболгарском.

Распространение первой балкано-транскарпатской ветви Филиппиде на север привело к контакту с восточными славянами. Миклошич и Калужняцкий определили кульминацию проникновения румын в северные Карпаты XV и XVI вв.² Материалы, собранные Н. Дрэгану³, говорят о продвижении румын в этом направлении не только в конце XII — начале XIII в., но уже в XI в. Были ли это одиночки или более или менее незначительные группы — сказать трудно. Среди множества местных румынских названий, собранных И. Иорданом⁴ и G. Kirsch'ем⁵, имеется немало украинских, указывающих на движение населения: *Ciorneiul* (окрестности Романа), *Dubrova*, *Dubrovița*, *Dubrovățul* (Васлуй) и т. п. указывают на то, что в ряде мест мы имеем дело с названиями, данными более старыми насельниками; на эти названия легли затем новые, сохраняющие иногда южнославянскую форму: так, Солотина и Слатина, Сторожа, Сторожинец (Буковина) и Стража. В молдавском имеется ряд украинских лексических заимствований, но нередко встречаются и обратные явления⁶. 14-я карта у Пушкарю дает наглядное представление о широком распространении на романской территории такого украинского слова, как *голубь*. В форме *hulub* оно охватывает всю Буковину и Молдавию; латинские слова для обозначения голубя распределяются между Валахией (*porumbel*) и Трансильванией (*porumb*); Банат, Истрия и Меглен имеют старославянское *golumb*. Романские элементы проникли не только в Покутье

¹ Журн. «Transilvania», вып. 73, стр. 149—155.

² Miklosich. Ueber die Wanderung d. Rumunen. Denkschriften Венской Академии Наук, истор.-филол. отд., т. XXX, 1879; E. Kaluzniaski. Historische Notiz, напечатана там же, стр. 7, 40 и сл.

³ Românii în veacurile IX—XIV..., стр. 223, 403.

⁴ Rumänische Toponomastik, т. I—II, 1924—1926.

⁵ Siebenbürgen im Lichte der Sprache, 1926.

⁶ Примеры у Пушкарю. Die rum. Spr., стр. 391 и сл.

(центр Коломыя), но и в Подолию. Здесь они были ассимилированы, и только еще местные названия свидетельствуют о старом их населении.

В галицийских грамотах румыны упоминаются только с 1334 г. Но письменные документы, как всегда, опаздывают. Самое раннее письменное свидетельство о валахах на рубеже Галиции принадлежит византийскому историку Никите Хониату и относится к 1164 г.

Аналогичный процесс продвижения, денационализации и оставления памяти о себе в топонимике и словаре имел место и на польской территории, равно как и полонизмы в румынском¹. Вопросу о румынах в Польше посвящена работа Вендкевича²; о влахах в Покутье в статье Нистора³ и частью в его «Истории Бессарабии». Переходы в Галицию предпринимались, очевидно, в ту пору, когда происходило движение в Буковину и Молдавию, и в связи с той же причиной, нажимом венгров, осваивавших северные части Трансильвании. Исследование Вендкевича вскрыло связь заимствований в польском из трансильванских наречий (ротацизм).

V

Приведенные выше данные позволяют установить довольно раннее присутствие в северной Трансильвании романского населения, хотя мы и лишены возможности более точного определения времени его появления здесь. Если мы застаем его в Галиции в XII в., и это уже факт экспансии, если мы знаем, что с конца XI в. мадьяры уже стали распространяться в Трансильвании, то именно с усилением этого процесса приходится ставить в связь передвижение романского и романо-славянского населения на новые места. Осуществление этих передвижений облегчалось наличием организаций, связывавших отдельные части передвигающихся так называемых воеводств, которые застали здесь мадьяры. Предания об основании молдавского и валашского государств воспроизводят в основе своей

¹ Им посвящена работа Н. В р ü s k e. Die russischen u. polnischen Elemente im Rumänischen. «Jahresberichte», тт. XXVI—XXIX. Лейпциг, стр. 1—69, где сделана попытка и хронологизации материала. Дополнения и замечания у Д. Ш е л у д ь к о. Balkan Archiv, т. I, стр. 153—172.

² W e n d k i e w i c z. Zur Charakteristik d. rum. Lehnwörter im West-slavischen in Mitteilungen d. rum. Inst. Bena, т. I, 1914, стр. 262 и сл. Как в XVII в. в старой Руси, волохи служили наемниками в войсках (Другош под 1352 г.); позже обосновавшиеся в качестве земледельцев селились в отдельных деревнях, пользовавшихся «волошским правом».

³ I. N i s t o r. Die moldauischen Ansprüche auf Pokutien. Журн. «Arch. f. Oesterr. Gesch.», т. III, 1911.

действительные факты. Продвижение северной ветви балканских романцев, предполагаемое Филиппиде, вполне приемлемо как исторически, так и при учете лингвистических связей Молдавии и Буковины с северной Трансильванией. Нам кажется, что и второй поток Филиппиде проник сперва в область южных Карпат и оттуда уже спустился в будущую Валахию.

Основная причина — усилившийся нажим мадьяр — стала ощущаться, повидимому, сильнее в XIII в., когда Венгрия, как форпост католического правоверия и западноевропейских интересов, занялась особенно укреплением своих северных и восточных рубежей, на которых она соприкасалась со славянским миром. Предания об основании молдавского княжества и его основателе Драгоше относят эти события как раз к концу XIII — началу XIV в. и связывают их со стремлением венгров подчинить себе Марамуреш, который занимали романские и славянские поселенцы. Едва ли не таково же и происхождение княжества Валахии, основателем которого предание делает Раду Негру (1290—1310), имевшего, повидимому, некоторых предшественников, имена которых не вполне достоверны. Процесс образования княжеств выразился в постепенном объединении мелких феодальных ячеек-воеводств, о которых говорят и венгерские и византийские историки¹. В XIV в. и в Молдавии и в Валахии начинают выделяться отчетливее фигуры отдельных правителей, положивших начало более прочной организации княжеств и их государственной территории. В Молдавии это был Богдан (1343—1365), в Валахии — Бесарабы. К концу XIV в. Валахия занимала уже почти все земли по течению рек Жиу, Алюты, Арджеша, Дымбовицы и Яломицы (только земли на восток от Алюты и ближе к Дунаю долго оставались «диким лесом», Телеорман, а Бараганская степь была освоена лишь в XIX в.). Молдавия, продвигаясь с севера на юг, как об этом свидетельствует перемещение ее центров (Сучава, лежащая еще на краю Буковины, Роман, Яссы), овладела постепенно верхним и средним течением рек Серета и Прута; нижнее их течение в конце XIV в. еще не входило в ее состав. Рубежом долгое время были Фокшаны. Этническим субстратом в Буковине и Молдавии являлись восточные славяне, как о том свидетельствуют данные топонимики. На старые местные названия вроде *Солотина*, *Сторожа*, *Сторожинец* и т. п. легли южнославянские, принесенные из Трансильвании, как *Слатина*, *Стража* и т. п. Лежащий неподалеку от Фокшан город Рымник назывался первоначально *Слам-Рымник*,

¹ Мы упоминали выше воеводу Менуморута в северо-западной Трансильвании; таким же воеводой был Гелу в Марамуреше; в северной части Олтенции упоминается Сенеслав и он же на востоке от Алюты до Серета; между нижним Серетом и Днестром находилось воеводство Бырлад.

т. е. собственно *Слан-Рымник*, и это *Слан (солон)* было лишь впоследствии заменено румынской формой с тем же значением: *Sarat* (т. е. *salatas* — «соленый»). Мы уже не говорим о заселенной главным образом из Буковины Бессарабии, топонимике которой М. В. Сергиевский посвятил специальное исследование¹.

Концентрация мелких феодальных владений в крупные государственные объединения создала условия и для развития в обеих ветвях дако-романского языка новых фонетических черт и для появления в них ряда новых элементов в словаре, отчасти как результат контакта с новыми соседями: за Дунаем — с болгарами и сербами, на севере — с украинцами и поляками, на востоке (позднее) — с русскими. Трансильвания очутилась под властью Венгрии, которая укрепила эту свою восточную окраину колонистами-мадьярами (особенно секлерами) и немцами-саксами. В XV в. здесь образуется «княжество трех наций» (1437), в составе которого романское население не принимается в расчет и превращается в угнетаемое меньшинство.

С превращением Молдавии и Валахии в самостоятельные княжества происходит постепенная ликвидация двуязычия, которое, по мнению некоторых исследователей, продолжало держаться даже за пределами XV в. (П. Скок), но которое в широких кругах населения исчезло, несомненно, гораздо раньше. К. Иречек предполагал, что болгарский сохранялся в княжествах искусственно благодаря писцам канцелярии, но язык грамот, писанных в Молдавии и Валахии, его некорректность, нелитературность, замена романской топонимике болгарской говорят о другом. Во всяком случае болгарским владели и пользовались довольно долго верхние слои общества, двор, знать, представители административного руководства. Некоторые особенности этих грамот XIII и следующих веков могут отражать черты этого живого языка, как допускали Милетич и еще раньше Венелин. Среднеболгарские особенности могли проявиться в живой речи ранее, чем в языке этих грамот, не говоря уже о памятниках литературных².

Поскольку памятники народной речи отсутствуют в эту раннюю пору (до XVI в.), изучение славянских грамот представляет интерес не только для слависта, но и для романиста, так как в них попадаются иногда, к сожалению, немногочисленные

¹ М. В. Сергиевский. Топонимия Бессарабии и ее свидетельство о процессе заселения территории. «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», т. V. 1946, стр. 333—350.

² См. P. Muta f e i e v. *Bulgares et Roumains...*, стр. 304; С. Б. Бернштейн. Разыскания в области болгарской исторической диалектологии. т. I. Москва, 1948.

черточки местного романского языка, формы тем более драгоценные, что они могут быть древнее XIV—XV вв.

Славянскую письменность насаждала прежде всего, конечно, церковь. Епископские центры и монастыри явились главными очагами распространения литературы на славянском языке. Монастырские школы готовили кадры для канцелярий и для клира. Среди учеников преобладали сперва славяне, но скоро среди них стали попадаться и румынские имена. В этих условиях наряду с церковной литературой начинает появляться и светская на славянском языке, в первую очередь — летописи и хроники. Так возникла летопись в молдавском монастыре в Бистрице, основанном Александром Добрым (1400 — 1432), покровительствовавшим литературе¹. За Бистрицкой последовала летопись Путнянского монастыря (одна редакция излагает события с 1359 по 1525 г., другая — с 1359 по 1552 г.). В начале XVI в. летописи сменяются хрониками: Макария, игумена Нямецкого монастыря, Евфимия, епископа Радауцкого. Только в XVII в. появляются исторические работы на романском языке (Хроника Григория Уреке, *1590—*1646). Интересно, что все перечисленные выше памятники связаны с Молдавией. В период между XIV и XVI вв. она играет ведущую роль. Влияние ее школ распространяется и на смежную Трансильванию, с которой у нее были, как мы знаем, давние связи.

Народный язык как в княжествах, так и за Дунаем долго оставался исключительно орудием устного общения и если и был применяем в письменности, то в редких случаях, в переписке или деловых записях, как об этом позволяют догадываться дошедшие до нас данные. Все они относятся к XV в. Таковы вступительные строки письма боярина Драгомира Удриште к жителям города Брашова в южной Трансильвании (между 1482 и 1492 гг.). Письмо написано по-славянски, но его вступительная формула включает уже румынские слова (*бунилоръ и честитемъ*); это — невольный ляпсус под пером боярина, человека, уже привыкшего говорить по-романски, но писать по-славянски. Другой факт — счетные записи города Сибиу, в которых под 30 ноября 1495 г. помечена уплата одному священнику-романцу некоторой суммы за написание писем по-романски. Все эти случаи использования народной речи связаны с городом и городской буржуазией.

Первые попытки пользоваться романским языком в письменности с и с т е м а т и ч е с к и встречаются в XVI в.: документы эти относятся к области деловых отношений. Они были

¹ О ранних исторических работах см. I. Bogdan. *Vechile cronice moldovenești până la Urechia*. Бухарест, 1891.

извлечены Росетти из бистрицкого архива в Трансильвании, опубликованы им и изучены¹. Эти письма, охватывающие значительный период, с 1590 г. до конца XVIII в., представляют собой ценные материалы для характеристики торговых и частных-правовых отношений Трансильвании, роста ее городов и хозяйственных связей их с монастырями и деревней, объединяющих северные области Молдавии и Трансильвании. Но они являются и важными памятниками языка этих областей, вскрывающими его характерные особенности, общие им в значительной мере издавна, и притом в период для истории румынского языка очень ранний. Однако они представляют собой не только памятники ж и в о й местной речи, но и важные показатели того, какую она принимала форму, когда ею пользовались в своего рода «литературных» целях. Рассматривая эти письма, ходатайства, справки и т. п. с этой последней точки зрения, нельзя не отметить в них наличия чувства некоторой нормы, продиктованного потребностью поднять язык выше обиходной его формы, желанием «сублимировать» его ввиду серьезности задачи, которую он призван разрешить. Отсюда исключение из него некоторых сугубо местных черт и сближение с речью других областей Трансильвании, в частности ее южной половины, уже связанной в ту пору с Мунтенией, т. е. территорией, на которой во второй половине XVI столетия появились первые печатные книги на романском языке.

Таким образом, становится понятным, почему написание документов бистрицкого архива не отражает некоторых особенностей местной фонетики, которые воспринимались, очевидно, как слишком местные и шли наперекор «сублимации». Сюда относится характерная палатализация губных, явление более древнее (до XVI в). Орфография, не отмечающая этой черты, позволяла придать языку видимость известного единства, отвечавшего уже нарождавшейся где-то в глубине сознания идее единства говорящего на нем романского народа. Это совпадает с началом подъема городской буржуазии. Потребность в повышении и укреплении экономических связей между областями, в расширении рынка для обмена товарами была материальной базой, которая направляла мысль тех, кто был в ней заинтересован прежде всего.

Характерные же местные особенности, допущенные в тексте документов, сводятся к следующим².

1. Ротацизм (интервокальное $n > r$): *буну-буру*. Он неизвестен аромунам и мегленитам, но известен истро-румынам,

¹ Lettres roumaines de la fin du XVI-e et du début du XVII-e siècle tirées des archives de Bistritza. Бухапер, 1926—1927.

² См. A. Rosetti. Recherches sur la phonétique du roumain au XVI siècle. Париж, 1926.

албанскому. До XVI в. его область — северная Трансильвания, Буковина и северная Молдавия; но он был знаком ранее того и центральной области Трансильвании (Торда). Вопрос о ротацизме не может считаться разрешенным.

2. Аффриката **dz** (из латинского **d + i**, **dj +** гласный, греческое **ξ**, албанское **z**): *дзык* (*dico*), как в Палее, изданной в Орэштие (Банат, 1582), в ряде трансильванских рукописей и молдавских текстов; славянские написания **в** (*зло*). Аффриката **dz** (как и **ts**) была очень распространена у дакийцев и фракийцев. Она живет и теперь в народном языке Молдавии и Баната. В валашском произносят **з**.

3. Аффрикатам **ч** и **дж** (**џ**) отвечают в молдавском языке мягкие ффрикативные **ш^в** и **ж^в**: *жъанэ* < *гѣпа* — «ресница», *фаши* (*facit*) — «делает». В написании **ч** и **ц** сохраняются.

4. Смягчение **f** перед **i** и йотом в **x**: *a xi* = *a фи*.

5. Безударные **e > i**: *динти* (*dente*) — «зуб», как в албанском, болгарском и отчасти новогреческом.

6. Произношение дифтонга **ea** под ударением в конце слова как **e**: *сте* — «звезда» (румынское литературное *stea*) или в 3-м л. ед. ч. и 1-м л. мн. ч. имперфекта *ундже*, *ундем*.

7. В молдавском **ă** звучало уже как звук, средний между **ă** (глухим, сбозначавшимся в славянском написании **ѣ**, **ь** и, в конце слов, **х**) и **i** (писавшимся **ы**, **ѣ** и **ь**: *кѣтъ*, *кѣтъ*, *кѣтъ*). То же в конце слова. Протоническое **a** (**ə**) звучало в молдавском как **a** перед следующим тоническим **á**: *царán* — «крестьянин» вместо *цэрán*, но и перед другими тоническими гласными: *градínэ* — «сад», *факút* — «сделанный», в последнем случае рядом с *грэдínэ* и *фэкút*. Предположение, что это **a** есть сохранившееся старое латинское (высказанное М. В. Сергиевским), мало вероятно ввиду наличия параллельных форм и того факта, что в словах вроде *барбát* вполне допустимо влияние последующего тонического **a** на предыдущее атонное.

VI

Таковы были первые этапы письменного развития восточно-романского языка; как мы видели, они связаны с городом.

Официальные акты на романском языке появляются в княжествах только с начала XVII в.

Покорение южнославянских государств турками в конце XIV в. (Косовская битва 1389 г.) сыграло немалую роль в прекращении южнославянского влияния за Дунаем.

На смену ему пришло влияние западного славянства, чехов и словаков (последнее, словацкое, сказалось в языке уже и ранее, как утверждает Э. Петрович), в форме влияния гуситства, течения не только религиозного, но и социального.

Во второй половине XV в. гуситское движение пришло в упадок у себя на родине и в Венгрии, которой принадлежала Трансильвания. Венгерский король Матвей Корвин (1458—1490) под давлением Рима вел с гуситством упорную борьбу (1467—1471) и в Чехии и в Венгрии. Спасаясь от преследований правительства, гуситы переходили в соседнюю Молдавию, где продолжали свою проповедь, но здесь их деятельность по переводу церковной литературы на местный язык встретила сопротивление церковных властей, противников идеи перевода (как на другом полюсе католики), и успеха не имела. Успех пришел позже, когда политическая конъюнктура в Трансильвании изменилась. Тем не менее нельзя отрицать, что оригиналы некоторых переводов, сохранившихся в позднейших списках, изданных в XVI в., восходят к этой поре. Ротацизм и наличие в них некоторых мадьярских слов, имевших ограниченное распространение, указывают на северные районы Трансильвании, на область Марамуреша, но они вполне возможны и в северной части Молдавии. Однако эта переводная литература, первые шаги «вульгарного» языка, имела характер разрозненных попыток, только подготовивших, как и гуситы, путь более широкому и упорному движению XVI в., каким явилась реформация.

В эту пору в Трансильвании нашли себе отклик оба течения реформы — лютеранство и кальвинизм. В распространении их большую роль играл национальный состав страны. Саксы, немецкие колонисты, осевшие здесь в XIII в., оказались сторонниками лютеранства (проповедь И. Гонтера в 40-х годах XVI в.); среди венгров распространилось учение Кальвина. Если католичество являлось для венгров верой эксплуататоров, то лютеранизм являлся для них верой немецкой. В стороне оставались православные румыны, которые составляли большинство и которые, подготовленные к восприятию новых идей гуситством, не тяготели к вере «венгерской», т. е. вере угнетавших их дворян-помещиков, власть и влияние которых усилились особенно в правление Людовика II (1516—1527) под руководством Иоанна Заполья. Крестьянское восстание 1514 г., явившееся ответом на притеснения и вымогательства помещиков, оставалось у всех в памяти, тем более что за жестоким подавлением его последовали не менее жестокие систематические меры против крестьянства. Таким образом, с венграми и их верой румынам было не по пути. Немецкая городская буржуазия, саксы, экономическое влияние которых и планы росли, использовали это положение и развернули широкую пропаганду реформы среди румын, и в первую очередь среди городского населения. Государство в конце концов должно было принять реформационные тенденции и даже поощрять их, взяв над ними

руководство, чтобы не подать повода румынам пойти на сближение с их единоплеменниками и единоверцами в княжествах. На сейме в Сибиу (1566) было провозглашено введение у румын реформации; им был дан свой епископ, который на Синоде 1567 г. отменил славянский язык в богослужении и церкви вообще. Тем самым были официально дозволены переводы священного писания и богослужебных книг на романский язык. Для городской буржуазии это было крупной победой, первым важным шагом на долгом и трудном пути национального объединения. Реформа оказалась, правда, преходящей; но приобретение языком серьезных прав на литературу и типографский станок уже нельзя было отменить, и все дальнейшие попытки ущемить это право, откуда бы они ни исходили, терпели неизбежное поражение.

Печатный станок для распространения славянской литературы был поставлен в Валахии около XVI в. сербским иноком Макарием. Новый станок был водружен на юге Трансильвании, в Брашове, полвека спустя (1557), учеником сербского печатника (Дмитрия Любавича) дяконом из Валахии (Тырговиште) Кореси и его сотрудником Опря Логофетом, за счет брашовского горожанина-немца И. Бенкнера.

Первыми печатными книгами явились, естественно, «Катехизис» (лютеранский, 1559 г.; более раннее издание, вышедшее в Сибиу в 1544 г., пропало), «Четвероевангелие» (1561 г., основная книга верующего) и «Псалтырь» (1570, во всей протестантской Европе популярнейшее библейское произведение).

Совершенно естественно, что Кореси использовал для своих изданий уже имевшиеся готовые более ранние переводы — иначе не объяснить выпуск им в свет значительного количества книг за относительно небольшое время (он работал с 1559 по 1581 г.). Переводы эти, сделанные со славянского, воспроизводились иногда даже наряду с оригиналом (таковы, например, отрывки «Четвероевангелия», хранящиеся в Ленинграде). Язык оригиналов носит следы места их происхождения, как о том свидетельствуют ротацизмы вроде *tere* вместо *mine* и т. п.

Первым литературным языком был язык северной Трансильвании. Но печатный станок рассчитывал на распространение своей продукции далеко за пределами того места, где он стоял. Он преследовал цели пропаганды и в то же время был предприятием коммерческим. Поэтому совершенно естественны изменения, внесенные Кореси в язык изданных им книг. К тому же он был валахом из Тырговиште, а некоторые из его сотрудников — уроженцами области Брашова. Помимо личных удобств, ориентация на язык Тырговиште — Брашов делала текст понятным на более широкой территории. Закрепленный рядом памятников язык типографии Кореси получил признание и

стал той новой формой литературного языка, на которую приходилось ориентироваться как на авторитет.

Однако в условиях раздельного политического существования княжеств и Трансильвании о полном объединении языка, о норме пока не могло быть и речи. Поэтому язык печатных произведений XVI и XVII вв. носит на себе в каждом отдельном случае следы местопроисхождения памятника. Известная «Палая», изданная в Орэште (1582), вышла из Баната, «Новый завет», изданный в Болграде (Алба Юлия) (1648), содержит трансильванизмы, «Казания» (проповеди) Варлаама (1643) — молдаванизмы (Варлаам был сыном крестьянина из Путны), которые встречаются позднее и у митрополита Досифея в его стихотворных переводах псалмов (1673), являющихся первым поэтическим опытом на народном языке.

По наблюдениям Гастера, местные черты гораздо заметнее в рукописных, нежели в печатных текстах¹. При перепечатке молдавской книги в нее вносили исправления, между прочим устраняли молдаванизмы. Так случилось, например, с проповедями Варлаама, изданными сперва в Яссах и почти непосредственно в Дяле (в Валахии). Валашское наречие на этом этапе стало, очевидно, преобладать, хотя молдавские хронисты XVII в., с одной стороны, продолжают держаться архаики старых церковных писаний, с другой — близки живой речи своей родины. Появление полного перевода «Библии», изданного в 1688 г. в Бухаресте и сделанного на основе валашского наречия, имело огромное значение для укрепления авторитета последнего уже в силу характера самого памятника.

Приведенное выше замечание Гастера свидетельствует лишь раз о том, что всякое литературное использование языка требует от пишущего на нем придания ему особой формы, которая уводила бы его от повседневности, заставляет отбрасывать все слишком местное, препятствующее написанному стать достоянием более широких кругов. Митрополит Трансильвании Симеон Штефан выразил эту мысль в своем предисловии к переводу «Нового завета», изданному в 1648 г. Он сравнил слово с монетой, которая хороша, когда она способна обращаться повсюду; также «хороши только те слова, — пишет он, — которые понимают все».

Таким образом, представители молдавской письменности, игравшей почти ведущую роль в XVII в.², включились в работу над созданием единого в своей основе литературного языка, который стал впоследствии и единым национальным языком румын. Сложная работа над шлифовкой и обогащением этого

¹ Chrest. roum., т. I, стр. CVIII—CIX.

² P a s c u. Istoria literaturii române din secolul XVII. Яссы, 1922.

языка наполняет деятельность представителей литературы с конца XVII и до начала XIX в. Очень много сделано было в этом направлении Дм. Кантемиром (1673—1723), отцом нашего сатирика, для усовершенствования языка научной прозы; но его произведения имели до начала XIX столетия гораздо меньшее влияние, чем они того заслуживали, по крайней мере в принципиальном отношении. Увлечение идеей романизма румынского языка на рубеже между XVIII и XIX вв. придало особое значение выступлениям и работам так называемой трансильванской школы, давшей много положительного для «защиты и иллюстрации» румынского языка, но оставившей после себя и зародыши будущих нездоровых, чрезмерных увлечений всем, что только связывало язык с его романскими собратьями: латино-галло- и итальяноманией, последствия которых ощущаются донныне.

В процессе объединения молдавский язык отказался от ряда своих особенностей. Областью, в которой он наиболее отличается от румынского, является область лексики¹. Ею занимались, пожалуй, недостаточно, хотя такая работа могла бы принести большую пользу и общелитературному языку, перед которым открылся бы, таким образом, важный и интересный источник словарного обогащения. В этом отношении интересна работа И. Иордана², вскрывающая не только новые слова или их формы, но и новые значения их. И в то же время Иордан показывает необходимость различать в Молдавии две зоны — северную и южную, которая носит на себе следы своего промежуточного положения³. В отношении словаря Молдавия располагает весьма значительным количеством слов, не известных Валахии, часть же общих слов распространена главным образом в южной Молдавии. Пользуясь известным словарем Тиктина, М. В. Сергиевский дополнил список Иордана⁴, но должен был в то же время констатировать, что весьма многие «молдавские» слова (по Тиктину) вошли и в румынский словарный фонд, причем почти невозможно (на данном этапе) установить время их включения в последний. Большое значение для истории словаря имело бы соответствующее исследование молдавских памятников XVII в. и старых словарей. Но это дело пока еще не привлекло к себе в достаточной мере внимание исследователей⁵.

¹ И по признанию М. В. Сергиевского; см. его «Молдавские этюды». «Труды МИФЛИ», т. V. М., 1939, стр. 201.

² *Lexicul graiului din sudul Moldovei*. «Arhiva», 1921, стр. 186—202.

³ Там же, стр. 87.

⁴ *Lexicul graiului din sudul Moldovei*, стр. 206 и сл.

⁵ М. В. Сергиевский. К истории создания литературного языка в Румынии. «Ученые записки МИФЛИ», т. III. М., 1928; А. Т. Борщ. Молдавская лексикография. Кишинев, 1949.

VII

Работа над созданием единого литературного языка, над усовершенствованием его выразительных средств и его обогащением дала за XVII и XVIII вв. значительные результаты. В поисках единства основные румынские диалекты вносили каждый что-нибудь свое, но в основе продолжал лежать язык Валахии. Молдавский сохранялся в живом обиходе, окрашивал, в той или иной мере, в устах тех, для кого он был родным, произношение литературной речи, ее лексику, но, как это бывало повсюду, в чистом своем виде расценивался как народный диалект, противопоставляемый литературному стандарту. Закрепление фонетической формы последнего орфографией, а его строя — грамматикой было предметом работы грамматиков уже в конце XVIII в. Но споры о языке, в особенности об источниках обогащения его лексики, продолжались и в XIX в., когда рост литературы, науки и техники придал им особую актуальность. Объединение княжеств и образование единого румынского национального государства выдвинуло и вопрос о придании языку национального характера. В противовес сторонникам широких заимствований, продолжавших линию Элиаде Рэдулеску (1802—1872), выступили сторонники широкого использования наследия старины, и в особенности богатейшей сокровищницы народного языка. К. Негруцци (1808—1867) высмеивал в своем «Письме» приверженцев латинизмов, галлицизмов и итальянизмов, позднее А. Одобеску (1834—1895) и М. Эминеску (1850—1889) опирались на народную речь и широко применяли неологизмы. Эти принципы, наряду с обращением к живой, разговорной речи, даже к диалекту, нашли мощную поддержку среди писателей-реалистов, пользующихся в настоящее время, время строительства демократической Румынии, наибольшим авторитетом и влиянием.

В разгар работы над созданием общего литературного языка Бессарабия отошла по Парижскому миру 1812 г. к России, и тем самым история ее и ее языка потекла по новому руслу. Ускорились темпы формирования молдавской нации и молдавского национального языка. Бессарабия превратилась сначала, согласно статуту 1818 г., в область, за которой сохранялись ее обычаи и язык, последний — настолько, что закон предусматривал ряд мер для поднятия среди молдаван образования и, между прочим, — открытие школ для народа с родным языком. Молдавским языком разрешалось пользоваться при составлении заявлений, прошений и других официальных документов. В 20-х годах XIX в. был действительно открыт ряд школ в различных пунктах области, между прочим в Кишиневе. В 1822 г. был издан молдавский букварь, переиздававшийся

и позднее. Но политика эта продолжалась недолго. При Николае I область превратилась в обычную губернию, началась ее руссификация. Пользованию родным языком в официальных документах был положен предел в 1842 г.; молдавский язык постепенно выводился из школ как начальных, так и средних. В открытом в 1835 г. в Кишиневе семиклассном лицее местный язык преподавался факультативно, и это продолжалось до 1872 г. То же самое положение существовало и в учрежденном в 1835 г. Дворянском пансионе. Общественная библиотека в Кишиневе, основанная в 1832 г., не обзаводилась книгами на молдавском языке¹. Даже податливое и угодливое дворянство сочло необходимым обратить внимание на такое пренебрежительное отношение к естественным и справедливым национальным нуждам, и предводитель его — В. Стурдза остановился на этой теме в адресе, поданном губернатору в 1841 г., особо. Но руссификация продолжала делать свое дело попрежнему, ломая права и потребности не только дворянства и буржуазии, с относительно легким сердцем мирившихся с новыми порядками, но и буржуазной интеллигенции, вынужденной капитулировать, так как для нее не оставалось в условиях того времени иного пути². В 1865 г. И. Донич (или Дончев, как он себя называл) сетовал в своем «Начальном курсе румынского языка» (используя латинский алфавит) на то, что желающих изучать его почти не находится, а через два года после издания этой книги молдавский язык был изъят из школ всех типов и заменен русским, между тем как за немцами, болгарам и греками право изучать свой родной язык сохранялось.

Но и в эти трудные годы, и в этих тяжелых условиях находились все же, как прежде, люди, поддерживавшие среди своих земляков интерес и любовь к родной речи и родной литературе, люди вроде педагога-гуманиста А. Хаждау, одно время руководившего кишиневским лицеем. В первое время после присоединения Бессарабии работать в этом направлении было легче. После 1812 г. Прут не был рубежом, пресекавшим связи с Молдавией. Русские войска оставались в ней в связи с турецкой войной и несколько позже — с 1828 по 1834 г. Много просвещенных молдаван спасалось на территории Бессарабии от

¹ Их не оказалось в ней и в 1899 г., когда библиотека насчитывала до 20 тысяч названий.

² Учреждение в 1848 г. в Петербургском университете кафедры румынского языка преследовало исключительно практические цели: подготовку лиц, способных разбираться в документах. Кафедра просуществовала 10 лет. Балкано-романские штудии были восстановлены в университете только в конце XIX в. проф. П. А. Сырку, молдаванином по происхождению, славистом по специальности.

турецких порядков, выжидая лучших времен. Среди них были и политические деятели, и писатели, как, например, К. Негруцци, который познакомился в Кишиневе с сосланным туда Пушкиным и явился затем одним из первых пропагандистов русской литературы у себя на родине вместе с бессарабцем И. Доничем. Из-за рубежа проникли тогда в Бессарабию книги и журналы, что поддерживало старые связи с литературным языком и литературными традициями. Но поддерживать их становилось все труднее. С 1878 г. Прут закрылся как путь сообщения, и царский режим привел к тому, что те, кто мог поддерживать и продолжать в Бессарабии молдавскую традицию и культивировать литературный язык, стали уходить за рубеж. Хранителем национальных начал и традиций остался народ.

Было бы, однако, исторической ошибкой не указать на те положительные стороны, какие имели для Бессарабии связи с Россией. Купленные, правда, дорогой ценой, они окупились сторицей, если учесть их конечные результаты. Отрыв Бессарабии от Молдавии имел своим последствием на первых же порах отрыв от тех отсталых восточных традиций, которые тормозили развитие Молдавии, как и других стран на Балканах, где Россия играла объективно прогрессивную роль. Наконец, в царской же России развились, невзирая на гнет и мракобесие царизма, та прогрессивная мысль и революционное движение, к которым приобщилась постепенно и Бессарабия. Старые национальные идеалы привели Бессарабию к порабощению буржуазно-помещичьей Румынией. Не будь 1812 года, она только теперь смогла бы заняться залечиванием ран боярско-капиталистического режима, притом в худшей его форме, как об этом позволяют судить годы румынской оккупации. Сейчас она объединилась с прилегающей к ней и этнически родственной ей полосой на левом берегу Днестра и является уже давно полноправным членом великого Советского Союза, обеспечившего защиту ее рубежей и помощь в построении новой жизни и новой культуры. Ленинско-сталинская национальная политика обусловила гармоническое развитие социалистической по содержанию и национальной по форме культуры в Молдавской ССР.

Новое положение сообщило Молдавии новые права, но возложило на нее и новые обязанности, к числу которых принадлежит разработка и совершенствование национального языка как орудия литературы, науки и других видов идеологической и культурной работы.

Всюду, где возникала эта задача, она требовала значительной затраты сил и времени. Понятно, что процесс ее разрешения протекает нелегко и в Советской Молдавии. К тому же здесь имеются свои трудности. С одной стороны, задача облегчается

тем, что строить приходится не на пустом месте; с другой — именно это последнее обстоятельство явилось затруднением, так как за время более чем векового существования языка в ином языковом и культурном окружении, когда сфера его применения была ограничена использованием его главным образом для практических целей, естественный ход его развития и совершенствования был нарушен. Язык требует внимания и работы над ним. Между тем «Краткий курс румынского языка» (как его называет автор) Йона Донича (Дончева), вышедший в 1865 г., был последним грамматическим пособием по его изучению. Следующая грамматика появилась только в 1918 г. (Ст. Чобану). Не многим лучше обстояло дело и в области литературы. Для времени Пупкина можно отметить молдаванина К. Негруцци, бессарабцев А. Донича и Костакки Стамáти («лебедя Бессарабии», как его называли). Греческое восстание 1821 г. вынудило ряд запрутских молдаван искать убежища в Бессарабии. Таковы, например, прозаик А. Бельдиман, поэты К. Коцаки и А. Хрисоверги. К 50—60-м годам относится деятельность Йона Сырбу, историка и отчасти поэта А. Наку.

Литература в Молдавии стала развиваться по-настоящему только в советское время, и сейчас она насчитывает уже значительное число представителей.

Только в советскую эпоху было организовано преподавание и научное изучение языка и литературы в специальном институте Молдавского филиала Академии Наук СССР.

Более чем полувековой пробел в жизни литературного языка и литературы не мог, конечно, пройти бесследно. Традиция, и без того не очень сильная, была нарушена. Вначале пробел хотели заполнить с помощью румынского языка, что было по существу не языковой реформой и противоречило советской национальной политике. Но, не говоря уже о политической стороне этого акта, и в языковом отношении такое решение вопроса было неправильным, так как использование румынского языка было некритическим и населению прививались не только часто чуждые ему словесные формы, но и непонятные иностранные заимствования из романских и нероманских языков, с которыми у него не было никакой связи. Ему прививались элементы, которые и в зарубежном румынском засоряли язык, придавая ему излишне пестрый характер и уродуя его коренной облик.

Эти более чем неудачные эксперименты были, наконец, ликвидированы, и в республике принялись за нормализацию и кодификацию своего литературного языка. Исходя из упрощенно понятой демократизации, его стали максимально приближать к крестьянской диалектной речи. Но этим литературный язык увлекали на неверный путь, ибо даже народные

песни серьезного (например, балладного жанра) не пользуются чистым диалектом, оставляя на долю последнего песни типа частушек и т. п. И. Крянге удалось дать в своих сказках замечательный образец художественной обработки крестьянской речи своего родного молдавского села Хумулешть, но подобный язык возможен только в пределах определенного литературного жанра. Он не может, конечно, претендовать на его применение как литературного языка вообще, хотя последний и может извлечь из него для себя много полезного. Так поступает, например, и Мих. Садовяну, для которого молдавская народная речь — один из источников обогащения стиля.

Единственно правильный путь — это использование того, что уже было достигнуто в прошлом писателями, авторитет которых в языке не вызывает сомнений, как например, К. Негруцци, А. Донич, К. Стамати и другие. Это и воспринято многими советскими писателями, такими, как Буков, Лупан, Истру, Деляну, Канна и другими. Эти писатели, как и их предшественники, конечно, ни на минуту не сомневаются в том, что они молдаване, что понятны своим землякам, для которых они пишут, хотя и не считают нормой *аму* или *аяста*, *кятрэ* или *гине*.

Упреки сторонников взгляда о насильственной «румынизации» языка не имеют никакого основания. Мы уже отмечали выше, что история развития литературного языка в Молдавии и Валахии характеризуется сотрудничеством писателей обоих княжеств, стремлением создать известную норму, которая была бы общепринята, т. е. обслуживала бы максимально широкие круги читателей, не обращая художественные произведения в узкопровинциальные писания. Мы видели, что даже язык бистрицких документов XVI в. не может считаться памятником чистого диалекта. Если бы Гр. Уреке, Варлаам, М. Костин, Досифей, Д. Кантемир или И. Некулче — молдаване — стремились писать по-молдавски, то их хроники, проповеди, псалтыри, исторические и литературные произведения оказались бы памятниками областной литературы и едва ли бы получили тот резонанс, который они имели. Языковые тенденции этих писателей не мешали им, однако, чувствовать себя при всем том молдаванами. Когда итальянцы в течение чуть ли не двух веков отрицали тосканизм литературного языка и уверяли, что пишут каждый на своем родном языке, то это значило только то, что тосканский стал общетальянским, т. е. в основе своей их родным, и что небольшим естественным отклонениям в сторону диалекта они приписывали незаслуженно большое значение.

Молдавским могли считать свой язык и молдавские писатели, поскольку они обращались иногда к молдавской лексике.

Молдавским могли считать свой язык Гр. Уреке, Досифей или И. Некулче, потому что их собственный текст звучал в их произношении с некоторыми естественными молдавскими оттенками¹. Но существа дела это не меняло. Сталинское определение специфики языка не оставляет места сомнениям. Даже такой сторонник самобытности молдавского языка, каким был М. В. Сергиевский, говоря об образовании литературного языка в Молдавии, так заканчивает свои наблюдения: «Таким образом складывается молдавская письменность, в основном, на базе той, которая уже сложилась в областях Валахии и южной Трансильвании, с некоторыми отклонениями диалектального порядка»². И далее он отмечает лексические расхождения, в которых, конечно, никто не сомневается.

Как существуют в общем языке молдаванизмы, так могут существовать и мунтенизмы; например, некоторые фонетические особенности: в морфологии — употребление простого перфекта (аориста), в лексике — употребление особых слов или общих слов в особых значениях. Данте был прав, когда говорил, что его *volgare illustre* — литературный язык, это язык, который существует везде и не имеет «своего гнезда» нигде («De vulgari eloquentia»).

Язык Советской Молдавии должен, следовательно, опираться прежде всего на народную традицию, на завоевания прошлого, исходить из них. И это безотносительно к тому, в условиях какого строя язык создавался.

«Ни для кого не составляет тайну тот факт, — говорит И. В. Сталин, — что русский язык так же хорошо обслуживал русский капитализм и русскую буржуазную культуру до Октябрьского переворота, как он обслуживает ныне социалистический строй и социалистическую культуру русского общества.

То же самое нужно сказать об украинском, белорусском, узбекском, казахском, грузинском, армянском, эстонском, латвийском, литовском, молдавском, татарском, азербайджанском, башкирском, туркменском и других языках советских наций, которые так же хорошо обслуживали старый, буржуазный строй этих наций, как обслуживают они новый, социалистический строй»³.

Эта традиция не есть, конечно, только традиция летописцев

¹ У Варлаама и Мирона Костина еще можно встретить формы *сэ хие*, *ва хи*, *хире*, но уже рядом с *фие*, а Григорий Уреке избегает их. Варлаам даст *ашешь*, которой нет у М. Костина и Г. Уреке. Упорно держится только написание *гыче*, *гыз*, *гы*, *гызд* и т. п., привычное для Варлаама, Г. Уреке, М. Костина, И. Некулче и для молдавского перевода «Описания Молдавии» Дм. Кантемира, сделанного в 1825 г.

² «Труды МИФЛИ», т. V, стр. 201.

³ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 8.

и других писателей XVII в., как бы ни был ценен их язык. Эту традицию развивали писатели XVIII и XIX вв., ее должна развивать и молдавская современность. Но, как всегда и во всем, прошлое следует использовать критически, учитывая нужды настоящего и перспективы будущего. В прошлом есть много такого, что может быть взято буквально, когда это нужно. Пушкин обращался к архаике, когда этого требовала художественная форма. То же делал Негруцци, делает и Садовяну.

Но прошлое ценно и тем, что в нем есть просветы в будущее, тем, что в нем есть живого, прогрессивного, применимого к современности. Есть, например, связь с живой народной речью, к которой обращались и Негруцци, и Донич, и Эминеску, обращается и Садовяну. Есть и разумный, естественный контакт с зарубежными языками, от крайностей которого предостерегающим примером может служить Э. Рэдулеску. Язык развивается не только из своих внутренних ресурсов, как бы они ни были важны, но и путем заимствований. Когда это было необходимо в старину, дако-романский использовал языки славянские, греческий, турецкий, французский и немецкий. В настоящее время, благодаря своей ведущей политической и культурной роли, огромное значение приобрел русский язык не только в жизни языков народов Советского Союза, связанных общими интересами и задачей построения новой жизни, но и в жизни языков стран народной демократии и даже стран капитализма.

Взаимоотношения между языками социалистических наций должны теперь строиться, как это показал И. В. Сталин в своем прогнозе о языке будущего¹, иначе, чем они строились в эпоху наций буржуазных. Одним из этапов на этом пути явится сближение языков братских народов, круг которых будет все больше и больше расширяться. Но максимальное развитие языка в национальном плане этим не отменяется, а напротив, так как именно в целях будущего языкового синтеза важно, чтобы языки сотрудничающих наций предельно развернули каждый свои возможности в соревновании с языками-товарищами, а тем более родственными. Эти замечательные положения должны определить и отношения молдавского языка к современному русскому языку. Общаясь систематически с русским языком, молдавский остается языком романского склада и поэтому у него имеются свои законы внутреннего развития. Если удобно говорить *арифметикэ* или даже *арифметика*, то какое основание заставляет отвергать *аритметикэ*?

В связи с превращением Румынии в страну народной демократии и проведением в ней реформ, подготовляющих ее

¹ См. И. В. Сталин. Соч., т. 11, стр. 335 и сл., 341 и сл.

переход к социализму, ввиду развития и укрепления в Румынии учения Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина и появления соответствующей литературы, следовало бы пересмотреть и отношение к ее языку. Старое отношение оправдывала господствовавшая в ней ранее буржуазно-боярская идеология. Сейчас нет оснований не использовать то положительное, что дает, например, ее художественная литература и язык в тех его частях, которые не засорены иностранными элементами. Но отношение к нему должно быть критическим.

Работа по развитию и совершенствованию языка в Молдавии — дело культурных кругов самого молдавского народа и в первую очередь его писателей как хранителей его наследия и проводников нового. При этом они должны прежде всего руководствоваться чувством родной речи, чувством языка народа в его основах, а не мелких отклонениях, «жаргонах». Только при таких условиях не страшны никакие заимствования или контакты, только таким путем будет найдена мера использования повседневной речи, местного говора, которые могут послужить материалом для развития литературного языка. Примером того, как можно и нужно работать в этом направлении, может служить Пушкин, сумевший найти тип речи максимально гибкой, выразительной, применимой к самым разнообразным требованиям мысли и в то же время максимально простой и общепонятной. В современной румынской литературе большим мастером слова является такой представитель реалистической школы, как Михаил Садовяну, который умелым использованием родного диалекта расширил круг выразительных возможностей румынского языка.

Своими исследованиями языка прошлого и живой народной речи в различных ее местных, социальных и профессиональных проявлениях, а равно и ценных достижений родственного румынского языка, осуществленных в условиях идейного и социального перелома, молдавские языковеды могут оказать ценную помощь писателям Молдавии в их трудном, но благородном деле — работе над совершенствованием языка молодой социалистической молдавской нации.

Р. А. Будагов

МОЛДАВСКИЙ ЯЗЫК СРЕДИ РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

(К постановке вопроса)

Работы И. В. Сталина по вопросам языкознания дали четкое и глубокое решение основных теоретических проблем лингвистической науки и не только создали все необходимые условия для дальнейшего развития теории языка, но и определили огромный подъем исследовательской работы над конкретным языковым материалом. Разработка теории и истории молдавского языка до 20 июня 1950 г. была затруднена, так как многие языковеды-молдависты затрачивали почти все свои усилия на то, чтобы решать проблемы, подсказанные им не жизнью, а ложными марровскими положениями о всеобщем скрещивании языков: так возникали никому не нужные, ненаучные рассуждения о смешанном характере молдавского языка, о том, что молдавский язык не принадлежит к романским языкам и что он будто бы не должен изучаться в сравнительно-историческом направлении. Все подобные рассуждения нанесли большой ущерб молдавскому языкознанию и завели его в тупик. Сейчас перед советским молдавским языкознанием, как и перед всем советским языкознанием в целом, встают совершенно новые теоретические и практические задачи. Молдавский язык следует безоговорочно отнести к романским языкам, так как и грамматический строй молдавского языка и его основной словарный фонд являются в основном романскими. Вместе с тем, как и всякий национальный язык, современный молдавский язык имеет и целый ряд специфических особенностей в своей лексике и в своем грамматическом строе, сложившихся в процессе развития молдавского языка в определенном лингвистическом окружении. Для понимания этих особенностей молдавского языка мы должны исходить из указания И. В. Сталина, что «...каждая нация, — всё равно — большая или малая, имеет свои качественные особенности, свою специфику, которая принадлежит только ей и которой нет у других наций. Эти особенности являются тем вкладом, который вносит каждая нация в общую сокровищницу мировой культуры и дополняет её, обогащает её. В этом смысле все нации — и малые, и большие, —

находятся в одинаковом положении, и каждая нация равнозначна любой другой нации»¹.

Соответственно каждый национальный язык, будучи принципиально равноправным по отношению к другим национальным языкам, имеет свои особенности, свойственные только ему. При изучении молдавского языка в сравнительно-историческом плане достаточно отчетливо вырисовывается как то, что связывает молдавский язык как язык романский с другими романскими языками, и в особенности с румынским, так и то, что отличает его от этих языков. Между тем, если рассматривать молдавский язык изолированно, вне связи с другими романскими языками, то нельзя понять, что составляет специфику молдавского языка и что следует отнести к общим особенностям романских языков. Вот почему для лингвиста-молдависта общие вопросы романского языкознания получают важное значение. Наряду с этим большое значение приобретает и знакомство со специфически балканским языковым материалом, а также с материалом различных славянских языков, и прежде всего русского, с которым молдавский язык тесно связан как в своем прошлом развитии, так, в особенности, в настоящее время.

Нужно решительно заявить, что плодотворная научно-теоретическая разработка молдавского языка невозможна без привлечения сравнительно-исторического метода, без изучения языкового окружения. И это вполне понятно. Сравнительно-исторический метод в языкознании при правильном его применении предполагает установление не только того, что сближает между собой родственные языки — это необходимо, но этого недостаточно, — но и того, что отличает один родственный язык от другого или других родственных языков. Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии», критикуя мелкобуржуазного анархиста Штирнера, писали: «Но он (Штирнер. — Р. Б.), конечно, совершенно не знаком с науками, которые достигли больших успехов лишь благодаря сравнению и установлению различий в сфере сравнения и в которых сравнение приобретает общезначимый характер, — с такими науками, как сравнительная анатомия, ботаника, языковедение и т. д.»² Здесь не только прямо указывается, что языкознание сделало большие успехи именно благодаря сравнению, но что сравнение предполагает и установление различий в сфере сравниваемых языков, в сфере самого сравнения.

Все эти положения имеют исключительно большое значение для изучения любой родственной группы языков и, в частности, для изучения родственных между собой романских языков.

¹ «Большевик», 1948, № 7, стр. 2.

² К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. IV, стр. 429.

Известно, что источник всех романских языков — латынь — это не теоретически реконструируемый язык-основа, но реальный, хорошо документированный и тщательно изученный язык, от которого берут свое начало все известные нам сейчас романские языки. Вот почему как сама проблема сравнения между собой родственных языков, так и вопрос о различии, о специфике каждого из сравниваемых между собой языков (различие в сфере сравнения) приобретает особый интерес и особо важное значение именно при изучении романских языков.

Родство романских языков — в грамматическом строе и основном словарном фонде — твердо и точно установлено в науке. Но если грамматический и фонетический строй романских языков в сравнительно-историческом плане неоднократно привлекал к себе внимание исследователей, то основной словарный фонд этих языков все еще недостаточно изучен, хотя самый факт родства твердо установлен и в этой области¹. Уже в 1875 г. Дип в приложении к своей сравнительно-исторической грамматике романских языков указал на основные тематические пласты слов, общие в своей основе во всех романских языках. Среди этих тематических пластов слов, принадлежащих к основному словарному фонду, мы находим слова, относящиеся к вселенной, временам года, названиям дней недели, к человеку, его телу и одежде, к понятиям родства, к животному и растительному миру, к различным наименованиям ремесел, к различным видам человеческой деятельности (земледелие, мореплавание, деревенское и городское хозяйство и т. д.). Именно это родство в основном словарном фонде романских языков и позволило впоследствии развернуть интенсивную работу по составлению сравнительно-исторических словарей романских языков.

Единство основного словарного фонда всех романских языков, определившееся общностью их происхождения, не только не исключает своеобразия словаря каждого из романских языков, но было бы и немислимо без этого своеобразия. При этом важно подчеркнуть, что своеобразие словаря каждого романского языка выражается в самых разнообразных отношениях, как в распределении основного словарного фонда по разным романским языкам, так и в особенностях его дальнейшего развития в том или ином романском языке.

Латинское слово *mundus* — «мир», «вселенная» сохраняется в большей части романских языков (итальянское *mondo*, испанское и португальское *mundo*, провансальское *mon*, французское *monde*). Но вот в румынском и молдавском языках в этом

¹ Об этом подробно см. Р. А. Будагов. Основной словарный фонд романских языков и задачи его изучения. «Вопросы языкознания», № 2, 1953, стр. 28—46.

значении сохраняется не латинское слово *mundus*, а другое латинское слово *lumen* — «свет», которое под влиянием славянского слова *свѣтъ* приобрело два значения — «мир» (латинское *mundus*) и «источник света» (латинское *lux* и *lumen*). В результате в румынском и молдавском языках *lume* (луме) получает два разных значения, характерных в данном случае для славянских языков, но не характерных для романских, в которых понятия «мир» и «источник света» обычно выражаются этимологически разными словами (ср. французское *monde* — «мир», но *lumière* — «свет», итальянское *mondo* — «мир», но *luce* — «свет», испанское *mundo* — «мир», но *luz* — «свет» и т. д.)¹. Можно ли в этом случае сказать, что современное румынское и молдавское слово *луме* не имеет никакого отношения к соответствующим словам других романских языков? Нет, нельзя. Даже тогда, когда слово как бы откалывается от соответствующих слов в других родственных языках (латинском и романских), оно сохраняет известную связь с ними: во-первых, слово *луме*, как и слово *mundus*, — латинского происхождения, во-вторых, для того чтобы понять своеобразие его развития в румынском и молдавском языках, очень важно учитывать аналогичные слова как в романских, так и в славянских языках. Зная, что в других романских языках значения «мир» (вселенная) и «свет» (источник света) разделены, а в славянских языках, в частности в русском, сближены, легко понять и то, что составляет в данном случае о с о б е н н о с т ь этих слов в румынском и молдавском языках: латинская этимология этого слова с одновременным специфическим характером его семантического развития (сближение понятий «мир» и «свет»).

Изучая основной словарный фонд романских языков, мы все время должны учитывать своеобразную позицию каждого романского языка в отношении использования и дальнейшего развития этого фонда. Укажем здесь на своеобразное развитие латинского словарного фонда в румынском и молдавском языках.

Сначала рассмотрим румынский и молдавский языки в их единстве, а затем укажем и на специфические особенности каждого из этих языков, в частности — на различия в системе словообразования.

Латинское слово *anima* — «душа» сохраняет свое значение во всех западных романских языках, тогда как в румынском и молдавском языках оно получает значение «сердце» (молдавское *инимэ*). Понятие «душа» передается в этих языках другим

¹ См. А. Я ц и м и н с к и й. Из славяно-румынских семасиологических наблюдений. СПб, 1904, стр. 21.

латинским словом, производным от глагола *sufflare* — румынское *suflet*, молдавское *суфлет* (букв. «дуновение», затем «душа»). Иначе определилось соотношение в истории латинского слова *bucca* — «щека» в романских языках. Здесь как раз в древних памятниках румынского и молдавского языков сохраняется старинное значение этого слова «щека», тогда как в западнороманских языках оно получает значение «рот» (французское *bouche*, испанское *boca*). В свою очередь для значения «рта» в восточнороманских языках употреблялось другое латинское слово *rostrum*, а затем *gula* (молдавское *гулэ* — «рот»). В современном молдавском языке, как и в румынском, в значении «щека» выступает уже славянское слово *образ* (молдавское *обра̀з* — «щека»). В свою очередь славянское слово *образ*, прежде чем получить значение «щека» в румынском и молдавском языках, претерпевает процесс сужения значения, несколько напоминающий процесс перемещения значения в латинском слове *bucca* в западнороманских языках. В этом последнем случае движение наметилось от значения «щека» к значению «рот». В первом же случае развитие шло от более общего значения «образ» (вид, изображение, лицо) к ряду более специальных осмыслений (румынское и молдавское *образ* — «щека»). Несомненно, что значение «щека» непосредственно соприкасается со значением «лицо» (*образ* — *лицо*), подобно тому, как и значение *bucca* — «щека» соприкасается со значением «рот»¹.

Следовательно, не говоря уже о тех случаях, когда восточнороманские языки непосредственно развивают общелатинский и общероманский словарный фонд, но даже и в тех случаях, когда они существенно от него отклоняются, общелатинский и общероманский словарный фонд имеет огромное значение для понимания своеобразия лексики молдавского и румынского языков. Даже в тех случаях, когда основной словарный фонд этих языков под сильным влиянием славянских языков и так называемого балканского языкового окружения (албанского и греческого языков) отклоняется от западнороманских языков, мы лишь с помощью сравнительно-исторического метода можем понять как то, что составляет общие особен-

¹ Любопытно отметить, что связь между словами «лицо» и «щека» существует не только в восточнороманских языках, где эта связь определена славянским воздействием, но и в некоторых западнороманских языках, уже независимо от данного воздействия. В португальском языке, например, *face* обозначает и «лицо», и «щеку», тогда как специальное слово *bochecha* передает не столько понятие «щеки», сколько понятие «толстой щеки», «опухшей щеки». Соприкосновение «щеки» и «лица», быть может, определяется тем, что «щека» не имеет «точных границ» и как бы «переходит» в лицо. О названиях частей тела человека в романских языках см. E. T a p p o l e t. Von den Ursachen des Wortreichtums in den romanischen Sprachen. Журн. «Germanisch-romanische Monatsschrift», т. XIV. 1926, 295 и сл.

ности всех романских языков, так и то, что относится к отдельным особенностям отдельных групп или даже отдельных языков в этой общей большой группе родственных языков. Мы не только сравниваем, но, сравнивая, познаем, устанавливаем различия в сфере сравнения.

Но если румынский и молдавский языки образуют более близкую общность внутри более обширной романской группы языков (подобно тому, как французский и провансальский образуют галло-романскую подгруппу, а испанский, каталанский, португальский и галисийский — иберо-романскую подгруппу), то это еще не означает, что каждый из этих языков не имеет своих индивидуальных особенностей. Следует, однако, подчеркнуть, что характер чисто языковых различий в разных подгруппах романских языков и в разные исторические периоды бывает различным. К этому вопросу следует подходить строго исторически. Испанский язык, например, уже с древнейших времен существенно отличался от португальского, тогда как этот последний до середины XIV столетия еще очень незначительно отличался от другого романского языка, входящего в эту же иберо-романскую подгруппу романских языков — от языка галисийского. Впоследствии, на протяжении веков, португальский и галисийский языки разошлись, образовав самостоятельные, хотя и очень тесно связанные между собой, языки. Вопрос о том, почему галисийский некогда больше напоминал португальский, чем он напоминает его в настоящее время, — это вопрос исторический и лингвистический, тесно связанный с историей соответствующих народов — носителей этих языков.

Иначе сложилось, как известно, отношение между французским и провансальским языками: в средние века различие между ними было достаточно заметным как в фонетике, так и в грамматике (отчасти и в основном словарном фонде). Впоследствии, однако, уже в условиях буржуазной Франции провансальский язык потерял свое значение и перешел на положение своеобразного патуа. Вопрос о том, почему на протяжении длительного исторического периода менялись отношения между языком северной части Франции и языком ее южных обитателей, может быть опять-таки правильно понят лишь в связи с историей самих этих областей, в связи с историей формирования французской нации в ее взаимоотношениях с другими народами, жившими или еще живущими на ее территории.

По-иному сложились отношения между Молдавией и Румынией, поскольку Молдавия уже очень рано стала самостоятельным государством, а молдавский язык приобрел ряд своих специфических особенностей, сохраняя при этом основные черты романского грамматического строя и общероманского словарного фонда.

Вопрос о том, как своеобразно использует молдавский язык общероманский основной словарный фонд, к сожалению, все еще не изучен в науке, и задача советских лингвистов-молдавистов заключается в том, чтобы, исследуя глубокие связи молдавского языка с другими романскими языками, и прежде всего с румынским, а также с языками славянскими и албанским, вместе с тем показать своеобразие молдавского языка как в использовании общероманского словарного фонда, так и в его отношении к русскому языку.

Современный румынский лингвист Иоргу Иордан¹ и советский исследователь М. В. Сергиевский² уже показали ряд отличий молдавского языка от румынского в области словарного состава. Среди приведенных ими слов отметим лишь некоторые:

м о л д а в с к и й	р у м ы н с к и й	п е р е в о д
<i>бортэ</i>	<i>găură</i>	дыра
<i>чобóтэ</i>	<i>cizmă</i>	башмак
<i>коромыслэ</i>	<i>cóbilișă</i>	коромысло
<i>чолán</i>	<i>os</i>	кость
<i>хулýб</i>	<i>porumb</i>	голубь
<i>иармарóк</i>	<i>bâlcu</i>	ярмарка
<i>мýцэ</i>	<i>pisică</i>	кошка
<i>огрáдэ</i>	<i>curte</i>	двор, загон
<i>плешýв (плешкáт)</i>	<i>chel</i>	лысый
<i>простýре</i>	<i>ceărșáf</i>	простыня
<i>пержэ</i>	<i>prun</i>	слива
<i>скрипкэ</i>	<i>vioară</i>	скрипка
<i>скроб</i>	<i>jumări</i>	яичница
<i>омáт</i>	<i>zăpădă</i>	снег
<i>геб</i>	<i>cocoășă</i>	горб

Список слов, различных в молдавском и румынском языках, можно было бы легко увеличить. Но дело не только в отдельных словах. Важен характер этих слов. Уже Ф. Энгельс в письме к румынскому социалисту Надежде отмечал своеобразный характер румынского языка, в котором наряду с латинскими этимологиями имеются и этимологии славянские³. Но если в румынском языке удельный вес славянских элементов значителен⁴, то он еще более значителен в языке молдавском. М. В. Сергиевский был прав, когда утверждал, что широкое

¹ «Arhiva», Яссы, 1921, стр. 87.

² М. В. Сергиевский. Молдавские этюды. «Труды МИФЛИ», т. V. М., 1939, стр. 203. См. также А. Т. Б о р щ. Молдавская лексикография. Кишинев, 1949.

³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVIII, стр. 3.

⁴ I. Iordan. Influențe rusești asupra limbii române. Analele Acad. Rep. Popul. Române, Seria C, t. 1, memoriul 4, 1949 p.

проникновение славянских, особенно русских, слов в молдавский язык составляет одну из важных особенностей самого молдавского языка¹. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что влияние русского языка на молдавский принадлежит к тому языковому влиянию, которое не только не ослабило, а, напротив, только обогатило и усилило молдавский язык. Грамматический строй молдавского языка и его основной словарный фонд остаются при этом романскими.

Воздействие русского языка на современный молдавский язык можно обнаружить не только в простом проникновении русских слов в молдавский язык, хотя случаи такого воздействия очень часты: *округ, отношение, правление, пошта* — «почта»; *район, старшина, полк, поход, болницэ, пирог, парад, клуб, кино, поликлиника*, не говоря уже о таких словах, как *колхоз, совхоз, стахановец, совет* и другие, которые широко известны не только молдавскому языку, но и другим национальным языкам Советского Союза.

Не менее важно и другое — типичные кальки с русского языка, проникшие и проникающие в словообразовательную систему молдавского языка. Когда мы говорим о чисто смысловом и лексическом влиянии русского языка на другие национальные языки Советского Союза, то в этом случае все языки находятся в более или менее одинаковом положении — украинский и грузинский, молдавский и узбекский, армянский и мордовский, независимо от того, к какой группе родственных языков принадлежит тот или иной язык. И это вполне понятно, потому что в словарный состав любого языка Советского Союза, как, впрочем, и в языки за пределами Советского Союза, легко входят такие нужные и важные слова-понятия, как *совет, колхоз, совхоз, стахановец, пятилетка* и другие. Но когда мы говорим не только о чисто лексическом влиянии, о проникновении известных лексических образований русского языка в другие национальные языки, но и о большем, например о влиянии русской словообразовательной системы на словообразовательную систему других национальных языков, тогда вопрос о родстве языков приобретает огромное значение. Очевидно, что в этом плане такие славянские языки, как, например, украинский и белорусский, окажутся гораздо ближе к русскому языку, чем такие языки, как, например, узбекский или армянский. Своеобразную позицию между этими двумя полюсами займет язык молдавский — отчетливо романский по своему грамматическому строю и основному словарному фонду, но уже с давних времен подвергшийся очень сильному воздей-

¹ См. М. В. Сергиевский. Проблема происхождения молдавского языка. «Ученые записки Института истории, языка и литературы Молдавской научно-исслед. базы АН СССР», т. I. Кишинев, 1948, стр. 51.

ствию со стороны русского языка. Вот почему в современном молдавском языке воздействие русского языка обнаруживается не только в чисто лексическом отношении, но, в известной степени, и в некоторых особенностях молдавского словообразования, молдавской грамматики.

Показать особенности молдавского словообразования, романского в своей основе, но вместе с тем очень своеобразного, с заметным влиянием словообразования русского — одна из важных задач советского молдавского языкознания. Отметим здесь лишь некоторые моменты в этой большой проблеме. Сложные образования с романским *tot* — «всякий», «весь», «целый» в современном румынском языке мало продуктивны (*atotputernic* — «всемогущий»; в наречных образованиях типа *totdeauna* — «всегда» или *totdeauna* — «одновременно» произошел процесс опрощения слова: эти слова со сложным морфологическим строением стали восприниматься как слова простые, уже морфологически неразложимые). В современном молдавском языке, напротив того, сложные образования с *tot* под влиянием русского языка оказываются продуктивными. В Молдавии говорят и пишут *тотнородник* — «всемирный», *тотунионал* — «всесоюзный» (например, *експозиция агриколэ тотунионалэ*¹ — «Всесоюзная сельскохозяйственная выставка»). Следовательно, определенный тип русских образований, как *всемирный*, *всесоюзный*, *всеобщий*, калькируется в молдавском языке, что закономерно расширяет его словообразовательные возможности, несколько не нарушая самой специфики молдавского словообразования.

Ряд общероманских суффиксов получает в молдавском языке своеобразное применение. Так, например, латинские суффиксы *-antia* и *-entia* известны почти всем романским языкам. Они служат для оформления известной части абстрактных существительных от глагольной основы. Сами суффиксы *-antia* и *-entia* происходят, как известно, от латинских причастий настоящего времени (*ans, antis; ens, entis*) и форманта *ia*. Степень распространения этих суффиксов в разных романских языках различна. Если в испанском языке эти суффиксы в принципе могут оформлять все типы глагольных окончаний (глаголы на *ar, er* и *ir*), то в румынском и молдавском языках суффиксы *-antia* и *-entia* выступают в именах, образованных по преимуществу от глаголов первого и четвертого спряжений. В ру-

¹ Журн. «Октомбри», 1949, № IV, стр. 5. Ср. выполненную под моим руководством работу Л. И. Лухт. Роль русского языка в развитии словарного состава современного молдавского языка. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Институт языкознания АН СССР, 1952.

мынском: *datorință* — «долг» (нравственный) от *a datorá* — «быть должным»; *voință* — «воля», «желание» от *a voi* — «хотеть»; *biruință* — «победа» от *a birui* — «побеждать» и т. д. В современном молдавском языке суффикс **-ицца** получает, повидимому, более широкое распространение, чем в румынском языке, хотя он тоже выступает в отглагольных именах существительных абстрактного значения и тоже ограничен определенными морфологическими типами глаголов. Импульс к распространению суффикса **-ицца** (**-енца**) исходит от соответствующих русских суффиксов, оформляющих имена, образованные от глаголов, причастий и качественных прилагательных, в частности от суффиксов **-ость** и **-нность**, например: *веселость*, *бодрость*, *готовность*, *чувствительность*, *уязвимость*, *устремленность* и т. д.¹ Интересно сравнить параллельно русское *неосторожность* — молдавское *несокотѣицца*, русское *видимость* — молдавское *путѣицца де ведѣре*, русское *посещаемость* — молдавское *фреквеницца*, русское *готовность* — молдавское *гѣтиицца*.

В современном молдавском языке очень любопытны в этом плане неологизмы типа *гѣтиицца*. Глагол *a gâti* — «готовить» Шайняну отмечает в своем «Толковом словаре румынского языка» как молдавское слово в румынском². От этого молдавского слова в румынском языке существуют и производные образования типа *gâtít* — «готовый», «разукрашенный». Однако в молдавском языке это слово дает большее количество производных образований, чем в румынском.

Так, в частности, создается *гѣтиицца* под явным воздействием русского слова *готовность*, например: *пентру а контролă пе лок гѣтиицца оштирилор* — «чтобы на месте проверить готовность войск»³.

Конечно, русский суффикс **-ость** вовсе не всегда соответствует молдавскому суффиксу **-ицца** (**-енца**). Русское «успеваемость» передается в молдавском словом *реушѣтă*, «решительность» — *хотăрыре*, «сухость» — *ускăчѣне*. Но все же в ряде случаев есть бесспорное соответствие между русским суффиксом **-ость** и молдавским суффиксом **-ицца**. Следовательно, латинский по своему происхождению, сохраняющийся в большей части романских языков, книжный суффикс **-ицца** в молдавском языке получает вместе с тем как бы новые толчки к своему распространению под влиянием определенных типов словообразования в русском языке.

¹ Об этих суффиксах в русском языке см.: В. В. В и н о г р а д о в. Русский язык. М., 1947, стр. 127—128.

² L. Şaieanu. Dictionar universal al limbii române. Бухарест, 1924, стр. 268.

³ Журн. «Октомврие», 1950, № 1, стр. 26.

Так возникает важная проблема перед советским молдавским языкознанием: следует показать своеобразие молдавского словообразования, романского в своей основе, но имеющего ряд специфических особенностей, определившихся самими условиями развития молдавского языка в прошлом и настоящем.

Даже в тех случаях, когда известные славянские элементы обнаруживаются не только в молдавском, но и в румынском словообразовании, важно проследить особенности первого по сравнению со вторым. Известно, например, что в современном румынском языке употребляются следующие префиксы со значением отрицания или противоположности: *des*, *in* и *ne*. Первые два — латинского происхождения, третий — славянского. И. Иордан в своей большой грамматике румынского языка отмечает близость значений всех этих трех префиксов и «полную синонимичность» латинского префикса *in* и славянского *ne*¹. Префикс *in* (его варианты *im*, *i*) не сразу получил значение отрицания. Но в современном румынском языке все больше и больше выдвигается на первый план значение отрицания, передаваемое этим префиксом: *comod* — «удобный», *incomod* — «неудобный»; *mobil* — «подвижный», *imobil* — «неподвижный». То же значение отрицания передает и славянский по своему происхождению префикс *ne*. Вот почему в современном румынском языке происходит известное размежевание между этими двумя префиксами. Префикс *ne* оформляет имена, образованные по преимуществу от глаголов, куда относятся и причастия типа *neaşteptât* — «неожиданный», *negreşit* — «несомненный» и глагольные прилагательные типа *nesimţitor* — «нечувствительный». Сюда же примыкают и некоторые отдельные слова: прилагательное *nebûn* — «сумасшедший» и существительное *nesocotinţă* — «безрассудность», «легкомыслие».

Эти же префиксы *in* и *ne* имеются также и в молдавском языке, однако соотношение между ними оказывается уже несколько иным, чем в языке румынском. Префикс *ne* получает в молдавском языке большее распространение, чем в румынском. Он уже не связывается в такой степени определенными морфологическими типами образований, как в языке румынском.

Можно провести такое любопытное сравнение. Если сопоставить все русские слова, начинающиеся с отрицания *не* и приводимые в русско-молдавском словаре 1949 г. под редакцией И. Д. Чебана, со всеми русскими словами, начинающимися с того же отрицания *не* в русско-румынском словаре под редакцией М. В. Сергиевского, то перевод этих слов на соответствующие молдавский и румынский языки окажется очень показательным.

¹ I. Iordan. Limbă română actuală, O gramatică a greşelilor. Яссы, 1943, стр. 197. Ср. также Н. Tiktin. Rumänisches Elementarbuch. Гейдельберг, 1905, стр. 115.

Общее правило таково: в молдавском языке не сохраняется значительно чаще, чем в языке румынском, в котором оно нередко передается при помощи других, чисто романских (латинских) префиксов *in* (*im*, *i*), *des* или описательно. Например, *невидимый* по-молдавски *невэзут*, по-румынски *invizibil* (корни слов одинаковы, префиксы различны); *невыразимый* по-молдавски *неспѹс*, *де неекспримат*, по-румынски *inexprimabil*; *неосуществимый* по-молдавски *де неынфэптуйт*, *де неымплинит*, по-румынски *irealizabil*. Иногда бывает и так, что в молдавском и румынском языках существуют параллельные формы и с префиксом *не* и с префиксом *in* или *des* (например, молдавские слова *неинкэлцат* и *дискулц* в одинаковом значении *необутый*), однако, как правило, эти параллельные формы чаще встречаются в румынском языке, чем в молдавском, который в большей степени тяготеет в данных случаях к префиксу *не*.

И это вполне понятно в свете тех общих замечаний о характере молдавского языка, которые были сделаны выше. Воздействие русского языка, как и некоторых других славянских языков, на молдавский было до последнего времени более заметным, чем это же воздействие на язык румынский. Более широкое употребление в системе словообразования, в частности префикса *не* в молдавском языке по сравнению с румынским, отнюдь не случайно. Румынский язык, заимствуя славянское *vesél* — «веселый», для выражения противоположного значения прибегает к латинскому слову *trist* — «невеселый», «печальный». Молдавский же язык в этих случаях оказывается последовательнее и создает не только *вѣсэл*, но и *невѣсэл*.

Противоположные случаи, когда префикс *не* наличествует в том или ином слове румынского языка и отсутствует в молдавском, исключительно редки. Проведенное сравнение всех слов с префиксом *не* в обоих языках убеждает нас в этом.

Приведенные материалы вовсе не свидетельствуют в пользу глубоко ошибочной точки зрения, согласно которой молдавский язык будто бы является смешанным¹. Мы уже подчеркивали, что структура молдавского языка отчетливо романская. Проанализированные примеры показывают, что в системе молдавского словообразования заимствованными оказываются обычно наиболее подвижные, собственно лексические элементы, тогда как с а м ы й т и п с л о ж н ы х с л о в продолжает оставаться романским. Даже такие случаи, как *вѣсэл* — *невѣсэл*, не опровергают этого положения, так как подобные примеры должны рассматриваться на широком фоне общих принципов молдавского

¹ В работе 1947 года автор этих строк переоценивал влияние «балканских языков» на румынский язык. См. Р. А. Будагов. Славянское влияние на румынский язык. «Вестник ЛГУ», № 12, 1947, стр. 80—94.

словообразования с его отчетливо романским характером (преобладание аналитического словосложения над словосложением флективным, описательные конструкции и т. д.).

Молдавское словообразование, как и молдавский язык, своеобразны. Каждому языку, в том числе и молдавскому, присущи свои специфические национальные особенности. Специфические особенности молдавского языка обнаруживаются прежде всего в том, как этот язык, будучи языком романским, своеобразно развивает грамматический строй и основной словарный фонд, свойственный и другим романским языкам, как он использует слова и грамматические форманты, присущие в той или иной степени и другим романским языкам, как он создает свои слова и свои особенности в системе словообразования. Эти особенности молдавского языка обуславливаются также и тем, что язык этот на протяжении веков развивался в славянском окружении и всегда подвергался мощному и плодотворному воздействию со стороны русского языка. Это плодотворное воздействие русского языка неизмеримо возросло после Великой Октябрьской социалистической революции.

Вместе с тем история молдавского языка как языка романского была на протяжении веков тесно связана с историей его ближайшего сородича — румынского языка. Советские исследователи-молдависты должны глубоко понимать как то, что связывало на протяжении веков молдавский язык с румынским (эти связи существуют и поныне), так и то, что образует отличия между ними, что составляет специфику каждого из них. Мы указали здесь лишь на некоторые различия, которые наличествуют между этими языками, и на некоторые моменты, которые сближают их между собой, стремясь проиллюстрировать всю важность общего тезиса: молдавский язык как язык романский должен изучаться в системе романских языков, к нему необходимо подходить с позиций сравнительно-исторического языкознания. Но сравнительно-историческое изучение молдавского языка обнаруживает также и его своеобразие, обнаруживает не только то, что связывает его со всеми романскими языками, но и то, что отличает молдавский язык от всех других романских языков, в том числе, в известной мере, и от языка румынского¹.

Задачи, стоящие сейчас перед советскими лингвистами-молдавистами, очень велики и почетны. В ближайшие годы необходимо создать подробную научную грамматику молдав-

¹ О различиях между молдавским и румынским языками в области фонетики см.: М. В. С е р г и е в с к и й. Материалы для изучения живых молдавских говоров. «Ученые записки РАНИОН», т. I. М., 1927, стр. 73—97.

ского языка, молдавско-русский словарь, книгу по истории молдавского языка. Необходимо научно организовать работу по описанию и классификации молдавских диалектов. Вместе с тем необходимо начать и монографическую разработку отдельных вопросов словаря, грамматики и фонетики молдавского языка, без чего создание труда по истории молдавского языка будет невозможным. Советские лингвисты, работающие в области молдавского языкознания, должны справиться с этими важными задачами.

Р. Г. Пиотровский

СЛАВЯНО-МОЛДАВСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКИ МОЛДАВСКОГО ЯЗЫКА

ВВЕДЕНИЕ

Труд И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» поставил на твердую методологическую базу проблему взаимодействия языков. Особое внимание при этом следует обратить на характеристику сущности скрепления, не дающего третьего языка, сохраняющего один из языков с его грамматическим строем и основным словарным фондом, и дающего возможность ему развиваться по его внутренним законам, а также на необходимость изучения языка и законов его развития в связи с историей народа, носителя этого языка.

Проблема взаимодействия молдавского языка со славянскими языками, как в прошлом, так и в настоящее время, может быть решена только на основе этих сталинских положений.

Общая проблема взаимоотношения молдавского языка со славянскими языками включает два вопроса.

Во-первых, взаимодействие молдавского и румынского языков с южнославянскими языками (главным образом со старо- и среднеболгарским, отчасти с сербским) в эпоху средневековья (в основном до XV — XVI вв.).

Вопрос этот не только лингвистический, он не в меньшей степени представляет интерес и для историков молдавского народа. Причины этого совершенно ясны: вплоть до XIV в. история Молдавии строится почти исключительно на догадках и туманных легендах, поскольку историки располагают лишь несколькими проверенными документами, относящимися к раннему средневековью. В связи с этим исключительную важность для историков приобретают данные языка.

Во-вторых, мощное влияние на молдавский язык русского языка (в меньшей степени украинского и лишь в незначительной мере польского). Взаимодействие молдавского языка с русским и украинским языками начинается примерно с XV в., т. е. с момента непосредственной встречи молдаван с восточными славянами в Молдове, Буковине, Бессарабии и в бассейне

Днестра. Это влияние значительно возрастает в XVIII и XIX вв. Наконец, после Великой Октябрьской социалистической революции оно приобретает исключительно широкий размах и качественно новый характер. Многовековое влияние старо- и среднеболгарского, а также русского языков явилось одним из компонентов национальной специфики молдавского языка.

В настоящем докладе рассматриваются некоторые проблемы славянского влияния на лексику молдавского языка, причем в историческом плане. Вопросы словообразования, грамматического строя и фонетики затрагиваются лишь попутно.

ПЕРВЫЙ ЭТАП СЛАВЯНО-МОЛДАВСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Вплоть до XIII—XIV вв. вряд ли можно различать молдавский и румынский языки — по существу это лишь два диалектных разветвления единого дако-романского языка. Одни и те же пласты славянских слов в обоих языках подтверждают это как нельзя лучше.

Необходимо помнить, что тесные славяно-молдавские взаимоотношения выросли, во-первых, на базе интенсивных экономических сношений: дако-романцы были превосходными скотоводами, славяне же занимались в основном земледелием. Это, разумеется, создавало благоприятные предпосылки для постоянного товарообмена. Другим, еще более важным фактором была многовековая борьба обоих народов против общих внешних врагов. Эта борьба шла вначале на южных рубежах против Византии, а на северных — против различных кочевых племен (туранцев, гуннов), позднее славяне и дако-романцы отбивали нашествия венгерских феодалов и, наконец, в течение многих веков сообща боролись против турецких захватчиков. Не случайно поэтому на Балканах в разные века возникли славяно-романские государства. Вполне достоверным является факт существования в IX в. на левом берегу Дуная государственных образований со смешанным романо-славянским населением (Меноморут, Глад, Желу).

Дальнейшее развитие славяно-романского синтеза относится к IX—XIV вв., т. е. к периоду существования на Балканах первой (конец IX — начало XI в.) и второй (1185—1389) Влахо-болгарских империй (*regnum Bulgarorum et Blacorum*), которые были населены *populis Bulgarorum et Blacorum*.

В образовании Молдавского и Валашского княжеств (XIII—XIV вв.) славяне сыграли также немаловажную роль.

Если турецкая языковая ассимиляция не смогла поколебать устойчивость строя румынского языка, то что же помогло

проникновению некоторых славянских элементов в структуру молдавского языка? Совершенно очевидно, что в редких для прошлых эпох случаях мирного содружества народов, когда национальная обособленность и взаимное недоверие несколько ослаблялись, эффект языкового скрепления был гораздо значительнее, чем при насильственной ассимиляции или при ее попытках. Поэтому славянское влияние на молдавский язык еще раз говорит о том, что многовековые связи предков молдаван со славянами носили дружественный характер. Эти дружественные отношения развивались на основе тесных экономических связей и совместной борьбы против общих врагов. Они закреплялись в течение нескольких веков общей государственностью. Анализ славянских пластов в лексике дако-романского языка помогает нам восстановить некоторые черты этих взаимоотношений.

Только теснейшими дружественными бытовыми связями славян и дако-романцев, которые подкреплялись тем, что те и другие жили вместе, в одних селах и часто находились в родственных отношениях, можно объяснить то, что в молдавском и румынском языках имеются целые группы славянских слов, обозначающих понятия родства: *бабэ, невестэ, нене* и другие; названия частей тела и организма: *косицэ, гребэн, обрав, труп* и другие; названия одежды: *кожсок, поалэ, шубэ, суман* и другие; продуктов питания: *смынтына, колак, дрождие, икре* и другие; предметов домашнего обихода: *бае, пернэ, рогожинэ, сание, стеклэ* и другие.

Отражением этих теснейших бытовых связей являются также славянизмы: *весел, виноват, гроазэ, жале, лаком, прост, слаб*.

Хотя румынская буржуазная наука не отрицала многовекового контакта между славянами, с одной стороны, и румынами и молдаванами — с другой, тем не менее националистически настроенные румынские ученые всячески искажали характер этих отношений; так, румынские историки изображали славян варварами, разрушающими якобы высокую культуру романского населения придунайских областей. В то же время, по мнению этих историков, славяне, несмотря на свое военное превосходство, не смогли устоять перед культурным влиянием романцев и были постепенно поглощены последними.

Исследования славяно-молдавских языковых связей начисто опровергают эти вздорные, дышащие ненавистью к славянским народам утверждения.

В эпоху раннего средневековья дако-романцы, очевидно, занимались исключительно скотоводством. Об этом говорит латинское происхождение почти всех основных животноводческих терминов: *кал* < латинского *caballum*, *вакэ* < ла-

тинского *vassat*, *бербек* < латинского *berbecet*, *оае* < латинского *ovet*, *ланте* < латинского *lactem*, *лынэ* < латинского *lanam*.

Переходом к оседлому образу жизни и к возделыванию земли молдаване обязаны славянам, которые приобщили дако-романцев к этой более высокой по уровню развития и производительной области хозяйства. Свидетельством этому служит почти целиком славянский земледельческий словарь в молдавском и румынском языках: *бороанэ*, *браздэ*, *коасэ*, *овэс*, *плуг*, *сноп*, *греблэ* и другие.

Одновременно с переходом к оседлому образу жизни дако-романцы знакомятся через живущих бок о бок с ними (часто, вероятно, в одном селе) славян с огородничеством, ср. молдавские и румынские термины огородничества: *рэсадэ*, *боабэ*, *морков*, *сфeklэ*, *хрян*; птицеводством: *гэнска*, *гэскэ*, *гэнсак*, *гэсак*, староболгарское *гЖсак*, *гЖска* — «гусак», «гусыня», *кокош*, староболгарское *кокош* — «петух». Славяне превосходили романцев и в области ремесел. Об этом свидетельствуют славянские названия простейших орудий в молдавском и румынском языках: *чокан* (болгарское *чокан* — «молоток»), *клеште*, *топор*, *никовалэ*, *пилэ*, *теслэ*. На это указывают и такие слова, как *столар*, *кожочкар*. Молдавский и румынский народы главнейшие процессы человеческой деятельности обозначают славянскими словами: *а мунчи* (из староболгарского *мЖка* — «работа»), *а тэрзуи*, *а се храни* (из староболгарского *храна* — «пища»).

Эти славянские лексические пласты, не известные другим романским языкам, представляют одну из характерных черт лексики молдавского и румынского языков. Это тем более справедливо, что некоторые из этих слов не только входят в их основной словарный фонд, но становятся настоящими корневыми словами, дающими с помощью романских словообразовательных средств большое количество производных. Ср. от слова *плуг* образованы — *плугар*, *плугушор*, *плугэрие*, *а плугэри*; от слова *прост* — *простесь*, *простие*, *а прости*, *ымпростит*; от слова *тырг* — *тырговец*, *а тыргуи*, *тыргушор*, *тыргуире*.

В средневековых придунайских государствах славяне занимали господствующее положение в военно-административном аппарате. На Западе в период формирования романских народностей эту роль играли германцы. Поэтому, если в остальных романских языках военно-феодалная терминология германского происхождения, то в восточнороманских языках соответствующие понятия обозначаются обычно славянскими словами. Ср. французское *guerre*, испанское, итальянское *guerra* < готского *werra*, молдавское, румынское *рэзбой*, староболгарское *разбой*; французское *garde*, испанское, итальянское *guardia* < готского *wardja*, молдавское, румынское *стражэ*,

староболгарское *стража*; французское *riche*, испанское *rico*, итальянское *ricco* < готского *riki*, молдавское, румынское *богат*, староболгарское *богат*.

Из староболгарского молдавский язык заимствовал в средние века и такие слова, как *край* (сербское *краль*), *вода* (староболгарское *вода*), *рэскоалэ* (староболгарское *расколь*), *роб* (староболгарское *робь*), *слугэ* (староболгарское *слуга*), *пушкэ* (староболгарское *поушка*), *сабие* (староболгарское *сабля*), *витяз* (староболгарское *витазь*) и другие.

Однако славяне не только приобщали романское население придунайских районов к землепашеству, овощеводству, различным видам ремесел, но и сыграли активную роль в военно-политической жизни славяно-романских государств.

Они внесли также значительный вклад в развитие молдавской культуры.

Поэтому влияние старо- и среднеболгарского языка на молдавский шло не только по пути бытового языкового общения предков молдаван и славян, но также и по линии книжного влияния славянской культуры на формирующуюся молдавскую культуру.

Известно, что в эпоху раннего средневековья развитие культуры связано с деятельностью церкви.

Историки-националисты утверждают, что христианство утвердилось у дако-романцев задолго до появления славян. Принятие около X в. восточного обряда, по мнению этих историков, не имело серьезного значения для культурной жизни румын и молдаван, всегда тяготевших к римской церкви. Однако это тенденциозное утверждение опровергается характером самих же латинских религиозных терминов, обозначающих в молдавском и румынском языках лишь простейшие понятия примитивного ритуала раннего христианства. Ср. *круче* < латинское *crucet*; *крештин* < латинское *christianum* — «христианин»; *а се руга* < латинское (*se*) *rogare*. Дальнейшее развитие церковного обряда и иерархии произошло на славянской почве, ср. молдавскую религиозную терминологию: *духовник*, *мученик*, *скимник*, *владыкэ*, *а благослави*, *а се каи*, *икоанэ*, *молитвэ*, *пост*, *празник*, *престол*, *тайнэ*, *тройцэ* и другие.

Распространение православия в Молдавии сыграло в свое время известную роль в развитии молдавской культуры. В области языка это проявляется в славянском происхождении таких простейших, связанных с религиозной литературой средних веков и письменностью терминов, как *чернялэ*, *а чити*, *повестуре*, *повесте*; ср. молдавское *предословие*, старомолдавское *словэ*.

Таким образом, в течение многих веков старо- и среднеболгарский язык служил источником обогащения дако-романских языков терминами средневековой науки и религии,

словами, обозначающими отвлеченные понятия. На Западе эту роль выполнял, как известно, латинский язык. В связи с этим лексика молдавского и румынского языков характеризуется отсутствием средневековых латинизмов, часто являющихся в западной Романии так называемыми учеными дублетами народно-романских слов. Ср., например, французское *chose* : *cause*, испанское, итальянское *cosa* : *causa* < латинского *causa* при соответствующих молдавских и румынских словах *лукру* < латинского *lucrum* и *причинэ* < староболгарского *причина*¹. Ср. также французские пары *chétif* : *captif* < латинского *captivum* и молдаво-румынские соответствия *veșted* < латинского *vescidus* и *пленик* < староболгарского *пленникъ*.

Ряд славянских культурных заимствований прочно вошел в основной словарный фонд молдавского и румынского языков, оттеснив романские слова. Ср. слова *време* (о его судьбе в румынском языке см. ниже), *труп*, *а чити* и другие.

Проникая в словарный состав и отчасти в основной словарный фонд восточнороманских языков, славянизмы повсюду подчинялись словообразовательным, грамматическим и фонетическим закономерностям этих языков. Таким образом, раннее славянское влияние несколько не разрушило романской структуры молдавского и румынского языков.

РУССКО-МОЛДАВСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Распадение на рубеже XIII и XIV вв. дако-романской народности на две ветви, образовавшие затем два государства, а впоследствии различные исторические судьбы Молдавии и Валахии обусловили постепенное расслоение дако-романской «речи» и образование двух различных языков — молдавского и румынского. Характерной чертой исторического развития молдавского народа являются тесные этногенетические и культурно-политические связи с восточными славянами. Эти исторические связи наложили свой отпечаток и на развитие молдавского языка, в первую очередь его словарного состава. Мощное влияние русского языка во многом определяет своеобразие лексики молдавского языка, отличая его не только от западнороманских (в том числе и итальянского) языков, но также и от его ближайшего родственника — румынского языка.

Влияние восточнославянских языков на молдавский язык отчасти напоминает воздействие южнославянских языков на

¹ Слово *cauza* и его производные проникли в румынский язык очевидно через посредство итальянского языка, гораздо позже, в период так называемой латинизации (конец XVIII—XIX в.).

молдавский и румынский языки, продолжавшееся еще несколько веков после распада дако-романской народности. Оно также проходило по линии устного бытового общения, а также за счет книжных культурных влияний. Однако сходство это чисто внешнее. Влияние русского языка в средние века, в XIX и в начале XX в. значительно отличается от воздействия на молдавский язык южнославянских языков. Что же касается периода после Великой Октябрьской социалистической революции, то новые исторические условия в корне изменили характер русско-молдавских языковых отношений.

Языковые связи с восточными славянами по линии бытового общения устанавливаются очень рано, вероятно с XIV—XV вв., т. е. в период расселения молдаван по Буковине и Молдове, а затем и по Бессарабии. Об этом говорят древние топонимы с восточнославянским полногласием: *воронец*, *сторожинец*, *солонец*, *сорочень*, *сорока* и другие. Ср. соответственно валашские и трансильванские географические названия с южнославянской фонетикой: *Вранча*, *Стража* и другие. Более значительных размеров они достигают в конце XVI, в XVII—XVIII вв. и в начале XIX в. благодаря значительному развитию экономических связей Молдавии с Украиной и Россией, совместной вооруженной борьбой против турецких и татарских захватчиков и польских панов и, наконец, в связи с молдаво-украинским этническим смешением в Буковине и северном Приднестровье. В разные периоды в молдавский язык попало за это время значительное количество русских и украинских слов бытового значения, часто встречающихся в произведениях классиков молдавской литературы. Старомолдавское *хорилкэ* (еще в Бендерском письме 1597 г.), современное молдавское *холеркэ* (*с'а опукат де килит ла цуйкэ ши холеркэ*. Й. Крянгэ); *дявольна* (*слэнинэ ши фэинэ ын под есте дявольна*. Й. Крянгэ); *ковриг*, *коврига* (*не-ам ынковригат ымпрежурул фокулуй*. Й. Крянгэ); *коробкэ* (старомолдавское *короанкэ*, современное диалектное *коронкэ*); *медурэ* (ср. у И. Пекулче: *вэrsa медуриле ши винуриле*); *пожизжие* (*каса бэтрэняскэ ку тоатэ пожизжия ей*. Й. Крянгэ); *огиял*. Со всей очевидностью можно утверждать, что это слово происходит от русского *одеяло*, а не от румыно-молдавского *обялэ*, как это думает Л. Шайняну (см. его «*Dictionary universal*»). Во-первых, не оправдано семантическое развитие слова *обялэ* — «портянка» > *огиял* — «одеяло». Во-вторых, не поддается объяснению утеря конечного э и появление вставного и (*обялэ* должно было дать *огялэ*). В то же время развитие д перед и в г в словах, заимствованных из русского языка, наблюдается повсеместно. Ср. разговорные формы: *гявол* < *дявол* (встречается у Крянги), *агьотант* < *адьютант*, *гилэ* < *дело*, *огел* < *отдел* и другие. Доказательством сравнительно

раннего заимствования этих слов (по крайней мере, до 1812 г.) является тот факт, что все они известны не только в МССР, но и в Запрутской Молдавии, а некоторые из них — *дявольна, ковриг, козорок* — бытуют в валашских и трансильванских говорах, а также и в румынском литературном языке. Вообще необходимо отметить, что многие руссизмы вошли в румынский язык через посредство молдавского языка.

После присоединения Бессарабии к России в 1812 г. приток русской лексики в молдавский язык через устное общение значительно усилился. Как известно, начиная с конца XVIII в. и особенно в течение всего XIX в. в Молдавию (Поднепровье и Бессарабия) постоянно движется поток переселенцев с Украины и из центральных черноземных областей России. Часть этих переселенцев была ассимилирована молдавским населением, другая часть образовала русско-украинские этнические островки на молдавской территории. Все это создавало почву для двуязычия, благоприятствовавшую значительному обогащению молдавской речи руссизмами.

В этот период заимствуются административные термины типа: *волосте, дворянин, налог, начальство*. Ср. также руссизмы: *откуп* (*жэрць, че с'а дат вынзаря лор ын откуп*. В. Александри); *откупчик* (*откупчикул шпаканилор*. В. Александри); *поштэ*; *подорожна* чиновник (*чиновникул вине ку подорожна ын кэруца де поштэ*. В. Александри).

Из русского языка в молдавский проникают также религиозные термины: *причестание, поход* и другие.

Наконец, наряду с такими бытовыми словами, как *потрок* (*ну плэтитць ничь де ын потрок*. В. Александри); *трактир* (*куртя унуй трактир*. К. Негруцци); *харбуз* (*фурынэ ноаптя харбузъ ши зэмошь де прин харбузэрий*. В. Александри) и другие, в молдавский язык в XIX в. проникает группа русских слов, обозначающих предметы домашнего обихода: *гардероб, клейонкэ, лампэ, сэрник, стрелкэ, табуретэ, транбовка, чоткэ, чоботэ* и их производные и другие.

Число этих заимствований еще более значительно в молдавских местных говорах. Ср. *духувае, перина* (г. Хотин), *кошолкэ, покривал, курник, сундук, штыкатуркэ, занавест* (Каушанский р-н), *табуреткэ* (Белгород-Днестровский р-н), *кладовкэ, духовкэ* (Сусленский р-н).

Это еще раз свидетельствует о том, какое положительное значение имело укрепление молдавско-русских связей для развития культуры молдавского народа.

Большинство бытовых руссизмов, заимствованных после 1812 г., обнаруживается только в молдавском языке, а румынский литературный язык и говоры Запрутской Молдавии их не знают. Культурные связи России и Молдавии восходят

к раннему периоду существования молдавского государства. В XIV в. эти связи носят уже довольно регулярный характер: в начале XVI в. списки молдавских летописей попадают в Москву, а в Бендерском письме 1597 г. уже упоминается, что молдавские бояре читают русские книги и пишут по-русски письма. В произведениях Гр. Уреке можно обнаружить много примеров влияния русского языка. Начиная с середины XVII в. и в XVIII в. книжное влияние русского языка возрастает еще более значительно.

Из русского языка заимствуется ряд интернациональных научных терминов. Ср. у Н. Спафария Милеску в «Кэлэторие ын Китай»: *Дакэ аць студият философия, математика ши тригонометрия*. Из русского языка попадает в молдавский язык термин *география*, ср. «География молдовеняскэ», 1795 г., и вместе с ним некоторые географические и этнографические названия и термины, сохраняющиеся и до сих пор в народно-разговорной речи: ср. у М. Костина: *Бельгия, Крым, Рым, Италия, Македония*; у Н. Костина: *Шведия, швед, Саксония, Литва, Курляндия*; у Н. Спафария Милеску: *Китай, хан, мандарин* и т. п.

Через исторические трактаты молдавских авторов в молдавский язык проникают такие русские (и интернациональные в русском оформлении) административные термины, как *генерал, галион, указ* в значении *приказ* (И. Некулче), *армия, баталион, гвардия, женерал-майор, женерал-лейтенант, комисар, неприетин* (калька от русского *неприятель*), *полк* (вместо старомолдавского *пэлк* из староболгарского *плъкъ*), *солдат, шпага* (Н. Костин).

Присоединение Бессарабии к России в 1812 г. было прогрессивным актом в истории молдавского народа. «...Господство России играет цивилизирующую роль для Черного и Каспийского морей...»¹, — указывал свое время Ф. Энгельс в письме к К. Марксу. Действительно, войдя в состав Российской империи и освободившись от многовекового феодально-турецкого гнета, Бессарабия получила возможность приобщиться к русской культуре. Одновременно присоединение Бессарабии к России сохранило молдавский язык и помешало поглощению его румынским языком, как это произошло в Запрутской Молдавии.

В связи с этим в XIX в., несмотря на ослабление молдавской литературной традиции, сохраняющейся лишь в Бессарабии, продолжает широко обогащаться терминология молдавского языка за счет заимствований из русского языка интернациональных, а отчасти и чисто русских терминов: *предмет* (арх.), *делэ* (арх. и диал.), *семинар, комитет, стипендия, резиденция, дистанция, конкуренция* (К. Стамати). Молдавские писатели XIX в. пользуются и руссизмами типа *республиканец, новатор, академический, демократический, философический, политический*,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXI, стр. 211.

тиранический. Валашские же авторы, наоборот, употребляют параллельные галлицизмы *academic, democratic, filozofic, republican* и другие.

Этот отличный от румынского языка путь обогащения лексики молдавского языка был подмечен еще А. С. Пушкиным, который указывал, что молдавские писатели не поступают так, «как это делают Запрутские (т. е. валашские писатели.— Р. П.), вводя латинские и французские слова и вытесняя из языка славянские»¹.

Это своеобразное развитие молдавской научной терминологии накладывает свой отпечаток и на молдавское словообразование.

Широкое использование в молдавском языке суффикса абстрактного значения, несомненно, представляет собой трансформацию русского суффикса *-ция*. Наоборот, румынский язык использует суффикс *-tiune* того же значения, происходящий от французского суффикса *-tion* или итальянского *-zione*. Ср. *конституции* (впервые встречается у А. Русо и К. Негруцци) вместо румынского *constituțiune*, французского *constitution* или итальянского *costituzione*.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции и ленинско-сталинская национальная политика коммунистической партии создали условия для настоящего расцвета социалистической экономики и социалистической по содержанию и национальной по форме культуры молдавского народа. Уничтожены все трудности на пути развития молдавского языка, ликвидирована возможность поглощения его другим каким-либо языком. Вместе с тем созданы еще более благоприятные условия для влияния русского языка на молдавский. Это влияние протекает в принципиально новых условиях. Оно происходит не в порядке борьбы за господство в Молдавии одного из языков, а носит характер дружественного сотрудничества. Под мощным воздействием русского языка обогащается общественно-политическая и научно-техническая терминология. Следует отметить, что обогащение лексики молдавского языка русскими словами осуществляется, во-первых, путем прямых заимствований, органически входящих в молдавский язык и подчиняющихся его грамматическим и фонетическим нормам. Это, с одной стороны, интернациональные слова, попадающие в молдавский язык через посредство русского языка: *революция, бригады, трактор*, и другие, а с другой — исконно русские слова: *звено, совет, возмате, дежурне, присидатил* и сложно-составные слова типа *совхоз, пятилетка* и другие; во-вторых —

¹ Сб. «Пушкин в воспоминаниях и рассказах современников» под ред. С. Я. Гессена. Гослитиздат, Л., 1936, стр. 269.

путем калькирования русских выражений: *каса де културэ, тудозы, ынтречеря социалистэ, ынвентарул ындеобшитит, колективизаря делаолтэ, зы де ходинэ*.

В результате того, что молдавский народ на двадцать пять лет раньше, чем румынский, вступил на путь строительства социализма, молдавский язык, значительно пополнивший свой политический словарь, опередил румынский язык, который лишь сейчас приступает к созданию терминологии социалистической культуры и социалистических общественно-политических отношений. Близость грамматического строя и значительная общность в лексике обоих языков является причиной того, что в целом ряде случаев румынский язык, обогащая свой словарь новой терминологией, следует за молдавским языком. Примером могут служить такие общие для обоих языков руссизмы, как *колхоз, колхозник, совхоз, яровизаря* и другие, или такие интернациональные слова, заимствованные из русского языка, как *бригадэ, бригадир, комбайн, совет*, а также калькированные выражения типа *газета де перете, ацыцитор де рэзбой, ынтречеря социалистэ, мижлокаш* и другие.

Вместе с тем в румынском языке конкретные задачи создания таких терминов часто решаются иначе, чем в молдавском языке. Во-первых, молдавский язык стремится использовать для создания новых политических терминов искони молдавскую, романскую или славянскую по происхождению лексику, румынский язык, наоборот, предпочитает интернациональные слова, заимствованные из западноевропейских языков. Ср. молдавское *орындуяла колхозникэ* (слово *орындуялэ* раньше обозначало только «порядок», «правило», сейчас политически сублимировано и значит также «строй») и румынское *construcția (regon, sistem) colhoznică*; или молдавское *зыдиря сочиализмулуй* и румынское *construirea socialismului*, молдавское *бируинца деплинэ* и румынское *victoria definitivă*, молдавское *жертфуре де сине* и румынское *abnegație* и другие.

Необходимо при этом отметить, что перечисленные молдавские дублеты знакомы и румынскому языку, однако там они имеют то архаический (*jertfire, biruință*), то диалектно-просторечный оттенок (*orânduială, deplină*), в молдавском же языке они сублимированы и выступают как научные и политические термины. Таким образом, своеобразие молдавского языка по отношению к румынскому имеет здесь семантико-стилистический характер.

Во-вторых, различие может заключаться в том, что там, где молдавский язык использует русский термин, румынский язык пользуется словом, заимствованным из западноевропейских языков (в основном из французского). Ср., например:

молдавские

противник

завод

шпион

рейд

авиобаза

штраф

стрэхуиря де мунчиторилор

контора

норма де платэ

румынские

adversar

usină

spion

raid

bază aeronautică

amendă

asigurarea muncitorilor

burou

tarif

и т. д.

Мощному влиянию русского языка на современный молдавский язык в значительной степени способствует тот факт, что русские заимствования вступают в определенные взаимоотношения с древними славянскими элементами в молдавском языке.

Эта проблема соотношения русских заимствований с родственными им славянизмами в молдавском языке имеет, в частности, большое значение для терминологической работы и заслуживает поэтому пристального внимания. Остановимся на нескольких типах подобного взаимодействия.

Первый тип. Под влиянием соответствующих русских дублетов сохраняются в основном словарном фонде молдавского языка такие слова, как *народ*, *време*, *чинсте*, *вэздух*, которые в румынском языке оттеснены словами романского происхождения.

В румынском языке, например, форма *norod* — редкое архаическое слово, в молдавском — это единственное фондовое слово для выражения понятия «народ», форма *попор* в нем не употребляется. То же можно сказать и о других словах.

Второй тип. Под влиянием русского слова изменяется значение соответствующего славянизма в сторону приближения его семантики к значению данного русского слова.

Процесс этот прослеживается уже на материале ранних памятников молдавской письменности и особенно в документах XVII—XVIII вв.

Так, несомненно под влиянием русского языка молдавское слово *пушкэ*, болгарское *поушка* — «ружье» употребляется в XVII—XVIII вв. в значении «пушка» (молдавское *тун*). Ср. у Гр. Уреке: *Аша перзынд пуштилие, лэсынд стягуриле... С'ау рэшкирит прин пэдурь* (Летописцул); или *...л-ау слобозит пушчиле, ле-ау добындит ши пушчиле... ши ла тот пылкул а дат кыте о пушкэ; ера ши 80 де пушть хушнице* и т. д. (там же). В связи с изменением значения слова *пушкэ* в этот период заимствуется и русский термин *пушкарь*. Ср. *се аузя ши де трэснетул пуштилор* (пушек, а не ружей. — Р. П.), *де ымбе пэрциле, кэ нич пушкарий ну маи штия ын чине дау* (там же).

Многочисленные примеры подобного осмысления слова *пушкэ* мы находим у Н. Костина и у И. Некулче¹. Последний в значении «ружье», употребляет германизм *флинтэ* (немецкое *Flinte*).

В значении «орудие» слово *пушкэ* употребляется в некоторых левобережных говорах, наиболее подверженных русскому влиянию. Ср., например, в записи рассказа бывшего фронтовика (с. Спя Тираспольского р-на): *батарея нострэ а авут скорострелни пуштий де шайзэч шэсе ди миллиметр*.

Точно так же под влиянием значения русского слова *простой* молдавское слово *прост* — «плохой» приняло свое первоначальное значение (*простой*). Ср. у Гр. Уреке: *...Ниште оамень неашезаць ши немерничь. Май мулт проить*; у И. Некулче: *дар ши апрозии атунчя ну ера ди оамень проить*. Ср. в современных молдавских говорах: *Ла ной ому — прост есте* — «человек простой» (г. Рыбница).

Третий тип. Под влиянием русского языка славянизмы не только изменяют свое значение и расширяют сферу своего распространения, но и получают новый стилистический оттенок. Так, болгаризмы *славэ, слэвит, а прослави* вплоть до 20-х — 30-х годов XX в. сохранялись в религиозном значении в молдавском языке. Под влиянием русских форм *слава, славный, славить* эти архаизмы были «воскрешены» и получили бытовое и политическое значение. Ср. *Каля лунэ ши слэвитэ а партидулуй комунист*. В румынском языке вместо них употребляются производные латинизмы: *gloriă, glorios* и т. д. Ср. *un drum lung si glorios al partidului comunist*.

В современном румынском языке староболгаризм *slujbă* оттеснен итальянизмом *serviciu*. В настоящее время слово *slujbă* употребляется там обычно лишь в значении «религиозная служба», фразеологическое сочетание *slujbă armatei* имеет архаическое звучание. Наоборот, в молдавском языке слово *службэ* благодаря поддержке русского дублета сохраняет свои семантические позиции, употребляясь в значении «всякая служба». Одновременно в молдавском языке широко используются слова того же корня *службаш, служитор, служиториме, служник, а служи*, которые или отсутствуют в румынском языке (*служиториме*) или воспринимаются как архаические формы (*a sluji, slujnic, slujitor*).

Находясь под мощным влиянием русского языка, молдавский язык сублимировал до уровня политических терминов такие бытовые староболгаризмы, как *сылэ: сэла революцией советиче*

¹ На это употребление в Молдавии слова *пушкэ* указывал и румынский историк Бэлческу: *tunuri ce Moldovenii numiau puști* (см. его «Istoria Românilor sub Michaiu—Vodă Viteazul»).

цел: ...мареле цел а зыдирий социализмулуй («Молдова социалистэ» от 6. XI 1951 г.), *платэ* и другие. В румынском языке соответственно употребляются слова *tăria*; ср. *tăria revoluției sovietice*, *întă*, *preț*.

Четвертый тип. Заимствованные руссизмы в молдавском языке «подстраиваются» к корневым и фондовым словам славянского происхождения. Возникающие таким образом словообразовательные связи способствуют быстрой ассимиляции вновь заимствованных руссизмов. Так, русское слово *больница*, будучи заимствовано, в молдавском языке соотносится со староболгаризмами *боалэ*, *болнав*. Прочность словообразовательной связи этих слов проверяется на материале молдавских территориальных говоров. Характерно, что говоры, перемещающие ударение в слове *болнав* на первый слог, дают произношение слова *больница* также с ударением на первом слоге.

Соотнесение русского заимствования с фондовым болгаризмом может сопровождаться семантико-стилистическими изменениями, описанными выше, а также приспособлением фонетической формы болгаризма к его русской параллели. Одним из самых ранних примеров этого процесса является судьба старомолдавского слова *пэлк* (староболгарское *плъкъ*), которое под влиянием русской формы *полк* превратилось в новомолдавское *полк*.

Если у Гр. Уреке мы находим еще форму *пэлк* (ср. *Ион Водэ ау ымпэрцит оастя са ын 30 де пэлкурь*), то у Н. Костина повсюду уже обнаруживаем форму *полк* (ср. *женерал-майор де Волкон ку щесе полкурь де драгонь, ши шесе полкурь де кавалерие...*, *ши ау тримишь ын урма неприетинулуй гвардия ши полкуриле Драгонешть*).

В свою очередь вокруг этой новой формы, сохраняющейся и в современном молдавском языке, группируются такие русские заимствования, как *полковник*, *полковническ*, *полковничие*.

В румынском языке, а также и в старомолдавском основное значение слова *пожар* — «огонь» было оттеснено на второй план новыми значениями: «поражение», «смятение» (ср. у Гр. Уреке: ...*скэпаць динтр ачел пожар*; у Александри: *пожарул meu де дор ши жалья мя адынкэ*). В румынском языке оно получает, кроме того, и чисто терминологическое значение — «корь». Влияние русской параллельной формы восстанавливает первоначальное значение молдавского слова *пожар*, оттесняя вторичные его значения (для обозначения детской болезни молдавский язык использует руссизм *корь*). В связи с этим становится возможным заимствование из русского языка производных слов *пожарник*, *пожарня*, которые на молдавской почве легко «подстраиваются» к своему словообразовательному центру — слову *пожар*; русское слово *пожарник*, например, почти

полностью вытесняет галлицизм *помпьер*, который в румынском языке продолжает бытовать и до сих пор.

Подводя итоги всему вышесказанному, следует отметить, что ни многовековое влияние южнославянских языков, ни мощное влияние русского языка не разрушили романскую структуру молдавского языка. Многочисленные болгаризмы, а затем руссизмы, обогащавшие молдавскую лексику, всегда усваивались языком, подчиняясь звуковым закономерностям и изменяясь согласно молдавским словообразовательным и морфологическим моделям. Сам вопрос ассимиляции славянских слов и особенно русских заимствований в советскую эпоху заслуживает тщательного исследования со стороны молдаванистов.

Не менее важной задачей является подробное исследование болгарского влияния на молдавский и румынский языки в эпоху раннего средневековья не только в области лексики, но также и в области грамматики и фонетики. Результаты этих исследований совершенно необходимы для построения курса истории молдавского языка. Вместе с тем разработка проблем славяно-молдавских языковых отношений в средние века даст историкам неоценимый материал.

И, наконец, очень важной в этом плане является проблема благотворного влияния русского языка на молдавский язык, влияния, которое стало одним из компонентов национальной специфики молдавского языка. Исследуя проникновение руссизмов в молдавский язык после Великой Октябрьской социалистической революции, необходимо учитывать не только его широкий размах, но и качественно новый характер.

С. Б. Бернштейн

СЛАВЯНСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В МОЛДАВСКОМ ЯЗЫКЕ

I

Одной из характерных особенностей молдавского и румынского языков является наличие в них элементов славянской речи. Влияние славянских языков обнаруживается в словарном составе, в словообразовании, а также в семантике многих слов латинского происхождения. Славянского происхождения в этих языках значительный процент слов основного словарного фонда, многие важнейшие суффиксы и префиксы. Однако, несмотря на значительность славянского пласта, молдавский язык по своему грамматическому строю и основному словарному фонду является языком романским. Все славянские элементы являются заимствованными. Происхождение и историю молдавского языка можно понять только в связи с изучением романских языков, прежде всего тех восточнороманских языков, которые возникли в связи с распространением народной латыни на Балканском п-ве, в Трансильвании и соседних областях.

Последователи Н. Я. Марра, занимавшиеся изучением молдавского языка, отрицали его романское происхождение, его генетические связи с другими романскими языками. Получила широкое хождение теория о том, что молдавский язык ближе к славянским, нежели к романским языкам. Эта теория явилась результатом нигилистического отношения к грамматическому строю, отрицания внутренних законов развития языка, переоценки значения лексики и семантики, отрицания генетического родства языков. «Новое учение» о языке толкало специалистов по молдавскому языку на путь извращения фактов. Многие из них переоценивали различные скрещивания, переживавшиеся молдавским языком, полагали, что молдавский язык подтверждает марровское учение о стадильности. Естественно, что все эти антинаучные взгляды завели молдавских лингвистов в тупик. На основе марровского учения изучать язык оказалось невозможным.

Товарищ Сталин указал, что дальнейшее успешное развитие советского языкознания возможно лишь при последовательной

и упорной борьбе с пережитками марризма. «Я думаю,— писал И. В. Сталин,— что чем скорее освободится наше языкознание от ошибок Н. Я. Марра, тем скорее можно вывести его из кризиса, который оно переживает теперь».¹

Последние полтора года показали, что некоторые лингвисты не могут творчески преодолеть свои старые марристские ошибки, ограничиваясь лишь их формальным признанием. Вот почему могут появляться работы, где развиваются прежние ошибочные положения, которые нередко прикрываются цитатами из сталинских работ.

Нужно прямо сказать, что в Молдавии не сделали всех необходимых выводов, не изучили глубоко основополагающих марксистских трудов по языкознанию, не вскрыли природы своих прежних заблуждений. Объясняется это тем, что в среде молдавских лингвистов нет подлинной критики и самокритики, отсутствуют творческие дискуссии. Полемика между отдельными лингвистами носит не принципиальный характер. Молдавские ученые пишут статьи и даже книги, в которых встречаемся с прежними заблуждениями, ошибками марровского толка. Именно так обстоит дело с вопросом славяно-молдавских языковых отношений.

Отрицание романского происхождения молдавского языка явилось результатом марристского подхода к решению важнейших лингвистических проблем. Давно доказано, что грамматический строй молдавского языка является романским. Б. А. Серебренников в своем докладе на огромном фактическом материале показал, что внутренние законы молдавского языка нельзя понять в отрыве от внутренних законов других романских языков. Источником молдавского языка является народная латынь. Но вот И. Д. Чебан в своей статье от 4 октября 1951 г. фактически выступает против этого бесспорного положения. Прочитывая одно место из статьи В. П. Коробана о том, что молдавский язык является романским языком и что этот вопрос очень важен, Чебан делает неожиданное заключение: «Этим самым Коробан хотел утвердить мысль о том, что молдавский язык должен обогащаться только за счет западно-европейских романских языков»². Странная логика! Неужели обогащение новой лексикой определяется происхождением языков, а не конкретной исторической обстановкой, в которой живут носители этих языков? Ясно, что здесь дело не в новой лексике, а в упорном нежелании И. Д. Чебана отказаться от своих старых заблуждений.

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1952, стр. 34.

² И. Д. Чебан. Некоторые вопросы развития молдавского языка в свете учения И. В. Сталина. «Советская Молдавия», 4 октября 1951 г.

До сих пор в Молдавии некоторые попрежнему продолжают утверждать, что основу специфики молдавского языка составляют его славянские элементы. «В молдавский язык вошло огромное количество славянских слов, придав ему отличительные черты от других романских языков»¹. В статье «Насущные вопросы молдавского языка в свете трудов И. В. Сталина» И. Д. Чебан видит особенность и характер молдавского языка прежде всего в его связи со славянскими языками. «Молдавский язык, имея свою специфику, приближается во многом к восточнославянским языкам. Он характеризуется относительно свободным порядком слов»². Аргументация не выдерживает никакой критики.

Славянские элементы являются характерным признаком молдавского языка. Их мы не найдем в западноевропейских романских языках. Но, конечно, не это составляет специфику молдавского языка, не это отличает его от других романских языков, не это заставляет нас признать его самостоятельным языком. Специфика молдавского языка — это его грамматический строй и основной словарный фонд. Романские слова и формы молдавского языка имеют свои отличия от соответствующих слов и форм других романских языков, так как каждый из романских языков имеет свои особенности и свои законы развития.

Нельзя пройти мимо и вышедшей из печати «Истории Молдавии», отдельные положения которой дают основания для ложной лингвистической теории. Вторая глава книги посвящена борьбе племенных союзов с рабовладельческими государствами. Авторы правильно указывают, что «римское влияние (в Дакии.—С. Б.) ограничивалось по существу городами. К тому же колонизация носила, в основном, военный характер... У нас нет точных сведений о романизации местного населения на территории будущей Молдавии»³. Все это справедливо и все это говорит о том, что романские элементы в Молдавии не восходят к эпохе римского завоевания. Второй раздел книги посвящен славянам на территории Молдавии, складыванию и развитию феодальных отношений, образованию молдавского государства и его истории до потери самостоятельности (т. е. периоду от VI до XV в.). Здесь говорится о славянских племенах на территории Молдавии, указывается, что в VI в. «граница между двумя ветвями славян,—склавиными и антами,—проходила

¹ Е. Н. Буков. За общенародный литературный молдавский язык. «Советская Молдавия», 24 ноября 1951 г.

² Сб. «Вопросы молдавского языка в свете трудов И. В. Сталина». Ученедгиз, Кишинев, 1951, стр. 16.

³ «История Молдавии», т. I. Кишинев, 1951, стр. 32.

по территории современной Молдавии»¹, сообщается о судьбах Карпато-Днестровских земель в составе Киевского государства и Галицко-Волынского княжества. Авторы справедливо указывают на славянский облик Карпато-Днестровского р-на. И вдруг, совершенно неожиданно речь начинает идти о молдавском народе, о народе, говорящем на романском языке. Откуда здесь вместо племен, говоривших на славянских племенных диалектах, появился романский народ? Ведь сами авторы пишут, что «письменные источники до XII века не содержат свидетельств о романизованном населении на территории Молдавии»². Вместо того, чтобы обстоятельно исследовать этот вопрос, авторы начинают гадать, вступая при этом в противоречие с тем, что они писали прежде. «Можно полагать, что романизованное население совместно со славянским населением обитало на территории между Днестром и Карпатами и в более раннее время, чем об этом свидетельствуют письменные источники. Основанием для такого предположения служат географические названия. На запад от Днестра, кроме больших рек Дуная, Днестра (так! — С. Б.), Прута, имеющих названия скифо-сарматского и фракийского происхождения, средние и малые реки имеют в большинстве случаев славянские или молдавские названия»³. Это было бы основанием для научных гипотез только в том случае, если бы романские названия молдавских рек были зафиксированы памятниками до XII в. Современные молдавские названия рек для решения данного вопроса не могут быть привлечены. Таким образом, нет никаких оснований для утверждения, что романские элементы на территории Молдавии старше XII в. Авторы «Истории Молдавии» не освободились до сих пор от марровского отношения к проблеме миграций, от марровских взглядов на язык [ср., например, следующее место: «антские славянские племена говорили на языках, которые в основе уже имели славянский строй» (стр. 47). Это положение марристское и целиком противоречит сталинскому учению о языке].

II

Центральной задачей молдавского языкознания является изучение грамматического строя молдавского языка, его основного словарного фонда, языка древних молдавских памятников, языка писателей XIX в., территориальных говоров. Большое внимание должно быть уделено изучению славянских элементов

¹ Там же, стр. 45.

² Там же, стр. 79.

³ Там же, стр. 80.

в молдавском языке. Это может быть самостоятельной научной проблемой, но может быть связано и с решением частных вопросов (основной словарный фонд, словообразование, семантика и другие).

Исследователь славяно-молдавских и славяно-румынских языковых отношений должен критически отнестись к сравнительно обширной литературе, посвященной этим вопросам. О марристских извращениях я уже говорил. Речь идет о старых работах, в массе принадлежащих зарубежным славянским и румынским ученым. В старых румынских работах мы сталкиваемся с открытым великорумынским национализмом, с антиславянской демагогией. Много в этих работах извращений, искажений, простой лжи (например, в многочисленных книгах пресловутого Николая Йорги). Среди румынских работ прежде всего нужно указать на исследования румынского слависта, профессора Ясского университета Барбулеску и его учеников. Я упоминаю особо Барбулеску по двум причинам. Этому ученому принадлежит большое число исследований, которые содержат значительный конкретный материал. В Кишиневе работают ученики Барбулеску, которые должны глубоко разобраться в методологических пороках «ясской школы».

Хорошо известны многочисленные исследования Барбулеску. Самым крупным и значительным среди них является *Individualitatea limbii române și elementele slave vechi* (Бухарест, 1929). Барбулеску был первым румынским ученым, который отдал много сил изучению влияния славянских языков. Однако труды эти требуют серьезной критики. Прежде всего очевиден национализм Барбулеску. Будучи по специальности славистом, он, однако, всеми доступными ему средствами стремился умалить значение славянского влияния, принизить роль славянской культуры в Валахии и Молдавии. Впервые серьезно поставив вопрос о периодизации славянских элементов, он не смог удовлетворительно его решить, так как подошел к решению его антиисторически, игнорируя данные славянских памятников письменности и главным образом говоров. Барбулеску плохо знал славянскую диалектологию (особенно болгарскую), и это самым отрицательным образом сказалось на его выводах. Исследователь славянских элементов в молдавском и румынском языках должен быть хорошим знатоком славянских языков. В противном случае ошибки неизбежны. Приведу один свежий пример, характерный для «ясской школы». В уже цитированной статье Е. Н. Букова «За общенародный литературный молдавский язык» мы читаем: «Молдавский язык взял существительное «свобода», придав ему форму «слобода»». Итак, автор убежден, что в молдавском языке начальное св изменилось в сл. Но почему тогда в других словах начальное св не изменилось в сл? Буков

не знает, что слово *свобода* в славянских языках имеет вариант *слобода*. Так в сербском языке *слоббда*, *слободан*, *слоббдити*, в болгарском диалектное *слободѣя*, в русском *слобода́*, диалектное *ослобонѣть* и т. д. Конечно, это славянское слово проникло в молдавский в варианте *слобода*, от него уже молдаванами было образовано много новых слов, продолжают образовываться и в настоящее время (ср. новейшее искусственное образование *слободгындитѳр* — «свободомыслящий»). Я специально остановился на частном примере, так как он очень наглядно характеризует один из основных пороков «ясской школы». Исследователь славяно-молдавских языковых проблем должен быть романистом и славистом. Это, конечно, трудно, но другого выхода нет. В противном случае исследователь будет делать много ошибок. Много ошибок уже иного характера находим в трудах славистов (у Миклошича, Цонева и других), которые не владели материалом румынского и молдавского языков.

III

Исследователь славяно-молдавских языковых отношений встречается с большими трудностями, нежели исследователь славяно-румынских проблем. Объясняется это тем, что на территории Молдавии жили племена, говорившие на южнославянских и восточнославянских племенных диалектах, тогда как на территории Валахии обитали только южнославянские племена. Широко распространен взгляд, что славянские элементы в румынском языке — южнославянского происхождения, в молдавском — восточнославянского. В отношении молдавского языка этот взгляд требует серьезных коррективов. Бесспорно, граница между южнославянскими и восточнославянскими племенами шла к востоку от Серета. Вот почему в народном молдавском языке мы встречаем много южнославянских элементов. Исследователь молдавского языка должен уделить большое внимание этому вопросу. Решение его даст много ценного историкам молдавского народа.

До сих пор имеет широкое хождение ошибочный взгляд, что славянские элементы проникли в молдавский и румынский языки только через славянскую письменность, через тот славянский язык, который в течение длительного времени был литературным языком в Молдавии и Валахии. «После этого дружба и культурная связь славян с румынами продолжалась в течение многих веков. В результате этого литературным языком в Румынии и Молдавии оставался вплоть до XVII века церковнославянский язык, главным образом в его болгарской форме. Поэтому в современном румынском языке около 50 процентов слов имеют славянское происхождение. Таковы, например, румынское *невеста*, — русское «жена», *народ* — «народ», *рѣсбою* — «война»,

обште — «община, коммуна» и т. д. Следовательно, румынский и молдавский языки, которые обычно относятся к романским, на деле являются наполовину славянскими»¹. Марристских теорий о славянской природе молдавского и румынского языков мы уже касались. Здесь обращаю внимание на то, что значительное количество славянских слов в молдавском и румынском языках объясняется лишь влиянием письменности, церковного языка. Это глубокое заблуждение. Славянские слова книжного происхождения составляют лишь незначительный процент среди славянских заимствований молдавского и румынского языков. Многие славянские заимствования связаны с крестьянским бытом и, естественно, через церковный язык проникнуть не могли.

Таким образом, исследователь славянских элементов в молдавском языке должен ясно себе представлять те пути, по которым шло заимствование. Ошибок здесь допускать нельзя. Нужно определить для каждого славянского слова его источник и способ, которым оно проникло в молдавский язык.

Исследовать славянские элементы в молдавском языке нельзя изолированно от всего словарного состава. Будучи славянскими по своему происхождению, они, однако, находятся в тесной связи с остальными лексическими элементами языка.

Исследователи часто оперируют механическими подсчетами славянских элементов в молдавском и румынском языках, сделанными по словарям (чаще всего по известному словарю Чихака). Все эти подсчеты ничего не стоят. Славянские элементы должны изучаться на основе сталинского учения об основном словарном фонде и словарном составе. Бесспорно, процент славянских заимствований в основном словарном фонде будет относительно ниже, нежели в словарном составе современного молдавского языка.

IV

Несмотря на длительную и сложную историю, на различные скрещивания, современный молдавский язык сохранил свой романский грамматический строй и основной словарный фонд. Объясняется это тем, что язык развивается по внутренним законам своего развития, которые являются условием сохранения самобытности языка². Лишь жаргоны не имеют своих внутренних законов развития и поэтому они быстро отмирают.

С этим тесно связано то, почему не во всех элементах языковой структуры мы обнаруживаем следы заимствований. Я уже

¹ В. К. Никольский, Н. Ф. Яковлев. Почему и как люди стали говорить. М., 1946, стр. 55 (под ред. И. И. Мещанинова).

² См. В. В. Виноградов. Труд И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» и развитие советской науки о языке, стр. 13.

говорил в начале своего доклада, что славянские элементы в молдавском языке обнаруживаются в словаре, в словообразовании и в значении некоторых романских слов. Это проникаемые элементы языка. Но имеются в языке элементы непроницаемые, куда заимствования из чужих языков не проникают. Это прежде всего система словоизменятельных флексий (именные, местоименные и глагольные флексии). Так обстоит дело и в молдавском языке. В нем отсутствуют словоизменятельные флексии славянского происхождения. Не противоречит этому положению звательная форма, славянское происхождение которой не может вызвать сомнений. Дело в том, что звательная форма не является фактически падежной формой.

Вопрос о проникаемости и непроницаемости молдавского языка совсем недавно был поставлен в статье И. К. Вартичана «К вопросу о грамматическом строе молдавского языка в свете учения И. В. Сталина о языке». В этой статье он пишет: «Судя по предварительным данным грамматического строя молдавского языка, мы придерживаемся иного взгляда. Устойчивость грамматического строя (морфологии) молдавского языка, не берем на себя смелость утверждать относительно всех языков, — не исключает внешнего влияния, то есть не предполагает его непроницаемость.

Так, например, в романскую систему молдавского глагола проникли черты славянского происхождения:

1) Глаголы во 2-м лице единственного числа оканчиваются на *ь*.

2) Возвратная форма построена по образцу славянских языков (*се теме, се плынже* и т. д.).

3) Условная форма (разговорная): *сэ айбэ* (имел бы):

а) категория числительных от 11 до 19 построена целиком по славянскому образцу;

б) аффиксация пестрит славянизмами: 1) префиксы: *пре* — *май пресус* (превыше); *по* — *понегри* (почернить); 2) суффиксы: *-иц* — *фетицэ, гурицэ* (девица); *-ник* — *даторник* (должник); *-ик* — *вэратик, томнатик, лунатик*; *-ак* — *фундак* (гусак);

в) отрицание *не*: *не ла лок* (не на месте), *небун* (нехороший) и т. д.

Ограничиваемся приведенными фактами, считая, что они убедительны¹. Я привел целиком все доказательства И. К. Вартичана, так как этот вопрос имеет непосредственное отношение к теме моего доклада. И. К. Вартичан полагает, что он дал убедительные факты, доказывающие, что молдавский язык не имеет непроницаемых сфер. Доказывается это на примере

¹ Сб. «Вопросы молдавского языка в свете трудов И. В. Сталина», стр. 49—50.

славянских элементов. Должен прямо сказать, что аргументация Вартичана очень слаба. Он, собственно, не приводит никаких доказательств. Неужели и испанские *se miró* — «посмотрелся», *se seca* — «сушится» возникли под славянским влиянием? Вартичан имел бы некоторое основание говорить о славянском влиянии на *се теме* только в том случае, если бы местоимение *се* употреблялось во всех лицах. Условное наклонение *сэ айбэ* не имеет никакого отношения к славянским элементам. В области словообразования числительных славянское влияние бесспорно. Много в молдавском языке славянских аффиксов. Это известно. Но какое отношение все это имеет к тому положению, с которым спорит Вартичан? Никакого. Область словообразования относится к проникаемым сферам языка. Вартичан не привел ни единого примера, который бы доказывал, что славянские элементы проникли в систему словоизменения молдавского языка. Вот о чем идет речь. И. К. Вартичан начал спорить, не уяснив себе хорошо сущности вопроса. Но это только одна сторона дела. Другая состоит в том, что Вартичан не видит связи между учением о проникаемых сторонах языковой структуры и учением о внутренних законах развития языка. Возникает вопрос: что даст силу языку в его борьбе с другими языками, почему языки оказывают упорное сопротивление ассимиляции? Почему жаргоны легко ассимилируются? Потому, что жаргоны полностью проникаемы, они не имеют своих внутренних законов развития. Другое дело языки, в частности молдавский язык, основы которого были заложены в глубокой древности и который, несмотря на сильное славянское влияние, сохранил свой грамматический строй. Нельзя успешно бороться с марровским учением о скрещивании языков, признавая полную проникаемость языка. Успешно исследовать вопрос о славянских элементах в молдавском языке можно только в том случае, если они будут изучаться в связи с изучением внутренних законов развития этого языка, его грамматического строя.

Перед молдавскими лингвистами в настоящее время стоит ответственная задача внедрения марксизма в языкознание на основе трудов товарища Сталина. В этом отношении наша сессия, посвященная вопросам молдавского языкознания, должна сыграть большую роль. Она призывает к углубленному изучению марксизма-ленинизма, к развитию критики и самокритики в среде молдавских лингвистов, к борьбе с пережитками марризма в изучении молдавского языка. На сессии было поставлено много важных проблем, над которыми должны работать молдавские лингвисты. Нужно обязательно укрепить связь между лингвистами Кишинева и теми московскими и ленинградскими языковедами, которые интересуются проблемами молдавского языкознания. Пока эта связь была очень слабой.

И. Д. Чебан

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ НАУЧНОЙ РАЗРАБОТКИ МОЛДАВСКОГО ЯЗЫКА И ЕГО ИСТОРИИ

Труды И. В. Сталина по вопросам языкознания направили науку о языке по материалистическому, подлинно научному пути, подняли советское языкознание на высшую ступень развития. Теперь нам, как и ученым других братских республик нашей страны, стали ясны недостатки и ошибки в исследовании, преподавании и решении вопросов языка и пути ликвидации этих недостатков и ошибок.

И. В. Сталин в своем труде «Марксизм и вопросы языкознания» затронул все основные вопросы истории языка и народа, грамматики и диалектологии, мышления и философии, он осветил путь всей советской науке в целом.

В Молдавии, как и в других братских республиках, после выступления товарища Сталина усилился интерес к самому глубокому изучению и усвоению богатств молдавского национального языка, как народно-разговорного, так и языка литературных деятелей прошлого. Общественность волнуют вопросы, насколько литературный современный молдавский язык соответствует сталинскому положению о том, что в основе языка нации лежит один из более развитых диалектов народно-разговорного языка, насколько литературный язык понятен народу. Проблемами языка интересуются не только лингвисты, но и писатели, литературоведы, журналисты, историки, этнографы, больше того: вопросами языка интересуются математики, биологи, виноградари, виноделы, фабрично-заводские рабочие, колхозники и др.

Молдавский национальный язык является языком молдавской социалистической нации, языком молдавского народа от Прута до левобережного Приднестровья.

Говоря об изменениях в русском языке за последние 30 лет, И. В. Сталин замечает: «Изменился в известной мере словарный состав русского языка, изменился в том смысле, что пополнился значительным количеством новых слов и выражений, возникших в связи с возникновением нового социалистического производства, появлением нового государства, новой

социалистической культуры, новой общественности, морали, наконец, в связи с ростом техники и науки; изменился смысл ряда слов и выражений, получивших новое смысловое значение; выпало из словаря некоторое количество устаревших слов. Что же касается основного словарного фонда и грамматического строя русского языка, составляющих основу языка, то они после ликвидации капиталистического базиса не только не были ликвидированы и заменены новым основным словарным фондом и новым грамматическим строем языка, а, наоборот, сохранились в целости и остались без каких-либо серьезных изменений, — сохранились именно как основа современного русского языка»¹.

Эти высказывания И. В. Сталина относятся полностью и к молдавскому языку.

Если язык одинаково обслуживает все классы, то «...люди, отдельные социальные группы, классы далеко не безразличны к языку, — говорит И. В. Сталин. — Они стараются использовать язык в своих интересах, навязать ему свой особый лексикон, свои особые термины, свои особые выражения»².

Еще в 20-х годах, когда советское молдавское языкознание делало первые робкие шаги, враги народа пытались извратить и затормозить развитие молдавского литературного языка и молдавской социалистической культуры, исходя из своих буржуазно-националистических интересов. Характерным для местных буржуазных националистов было отрицание всего того, что было создано молдавским народом в области национальной культуры в течение сотен лет. Они отбросили наследие национальной письменности, молдавской литературы, отказались от него и тем самым отдали молдавский язык на растерзание в руки румынских бояр и капиталистов. Они твердили, что все наше культурное наследие — псевдомолдавское, т. е. румынское, боярское и не нужное для социалистической эпохи.

Буржуазные националисты, пытаясь лишить молдавский народ национально-культурного богатства, утверждали, наподобие пролеткультовцев, что они создадут новую культуру, новый язык, совершенно отличный от языка прошлого³.

Вот что говорил по поводу словообразования один из «филологов-теоретиков» этого направления в предисловии к русско-молдавскому словарю 1930 г.: «Внимательное изучение и наблюдение над молдавским языком позволило автору... создать очень много новых слов, которые не имеют своего отражения в разговорном молдавском языке». Дальше он призывает: «...займемся

¹ И. С т а л и н. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1952, стр. 6—7.

² Там же, стр. 13.

³ См. Л. М а д а н. Грамматика молдавского языка. Молдгосиздат, Тирасполь, 1930, стр. XII.

смело и решительно образованием новых слов». Приведем несколько образцов «молдавских» слов, созданных на основании этих «идей»: *кырмозаводника* — «заводоуправление», *дрептумалуришийник* — «правобережный», а *дэдэори* — «повторить», *кумэтэцийник* — «качественный», *кытимник* — «количественный», *помынтолукраря колективникэ* — «коллективная землеобработка», *лимбоштиинцэ* — «языкознание», *кэпителнику* — «оглавление», *акрарю* — «кислород», *апарю* — «водород», *капотунтьошие* — «головотяпство», и другие.

В таком словотворчестве решающую роль играл суффикс *-ник*: *динтник*, *унонямник*, *доунямник*, *казутник*, *унофельник* и т. д. Это «словотворчество», в ущерб внутренним законам развития молдавского языка, отчуждало литературный язык от народа.

Новые слова, рожденные социализмом: *совет*, *ударник*, *колхоз*, *совхоз* и другие, старались заменить «молдавскими»: *сфат*, *ложитор*, *господкол*, *господсфат* и т. д. Орфография также фотогографировала слова и звуки. Некоторые иностранные слова произносились и писались искаженно: *физыкы*, *системы*, *лексэжон*, *цэнтру*, *соцыализм*, *сэминар*, *нацые* и другие.

В 1932 г. в МАССР был введен латинский алфавит со всеми правилами румынской орфографии. Отрицая народно-разговорную молдавскую речь, отрицая культурное и языковое наследие молдавского народа, молдавско-румынские буржуазные националисты отрицали тем самым самостоятельность молдавского национального языка.

Вот какими словами они хотели «революционизировать» трудящихся Бессарабии: *иневитабил*, *кончилиабил*, *палпабил*, *посибил*, *секол*, *орэ*, *евул*, *скузари*, *конклузие* и другими. В этот период в прессе встречались такого рода мунтенизмы: *сярэ*, *сяме*, *шасе*, а *сперие*, а *интра*, *цыйне*, *гэлбиу*, *мирязме*, *мустацэ*, *варзэ*, *кастравець*, *зэпадэ*, *чизмэ*, *кэчулэ*, *чорап*, *чарчаф*, *пуц*, *порумб* и много других.

Молдавско-румынские буржуазные националисты изгоняли из литературного языка молдавские слова русского и славянского происхождения, как то: *вак*, *време*, *улицэ*, *слободэ*, *надежде*, *службэ*, *платэ*, *народ*, *час* и другие; вместо этого они требовали употребления слов, происходивших только из латинского, французского, итальянского языков, — *секол*, *тимп*, *страдэ*, *либертате*, *сперанцэ*, *сервичь*, *салариу*, *попор*, *орэ* и другие.

Молдавско-румынские буржуазные националисты основывали свою «теорию» на реакционном идеологическом источнике, насчитывающем много лет. Еще в конце XVIII в. в Трансильвании образовалась школа, названная «латинской» и направленная по существу против России. Это и послужило методологической

базой для современных молдавско-румынских буржуазных националистов¹.

Жаргонные «новшества» румыно-боярских и местных буржуазных националистов затрагивали только словарный состав, который не является основой языка и который находится в состоянии почти непрерывного изменения. Главное — грамматический строй и основной словарный фонд языка — осталось неизбылемым.

Наряду с изучением молдавского языка в самой Молдавии, где уделялось большое внимание практической стороне дела, поскольку жизнь требовала этого, над изучением молдавского языка работали и русские ученые, среди которых первое место занимает ныне покойный проф. М. В. Сергиевский. Начиная с 1925 г., проф. М. В. Сергиевский систематически посещал Молдавию для диалектологического исследования молдавских говоров левого берега Днестра. Первая его предварительная статья «Материалы для изучения живых молдавских говоров на территории СССР» была опубликована в 1927 г. Результаты последующих его исследований в области диалектологии изложены им в книге «Молдавские этюды» (I выпуск — 1936 г.), в которых подробно описаны молдавские говоры восточных районов в сравнении с румынским языком. Во II выпуске своих «Молдавских этюдов» (1939) М. В. Сергиевский обращается к истории молдавского языка. Он высказал правильное мнение о романском происхождении молдавского языка. Буржуазные молдавско-румынские националисты шельмовали работы проф. Сергиевского, в которых он исследует вопросы народно-разговорного молдавского языка, находя на протяжении всей истории разницу между молдавским и румынским языками. Если в начале своих изысканий М. В. Сергиевский придерживается той точки зрения, что молдавские говоры существенно отличаются от литературного румынского языка², то уже в 1936 г., сравнивая исследования румынских ученых и свои, он говорит: «...Все это позволяет нам с известным основанием утверждать самостоятельное развитие молдавского языка, даже при тех условиях, что Молдавия в XVII в. примкнула к тому литературному языку, который сложился ранее в Валахии»³.

Вполне понятно, что после разгрома молдавско-румынских

¹ Н. В. Б е р е з н я к о в. Молдавская национальная партия — агента румынских захватчиков. «Ученые записки Института истории, языка и литературы». Кишинев, 1949, стр. 47.

² М. В. С е р г и е в с к и й. Материалы для изучения живых молдавских говоров на территории СССР. «Ученые записки Института истории, языка и литературы», т. I. РАНИОН, М., 1927, стр. 74.

³ М. В. С е р г и е в с к и й. Молдавские этюды. Изд-во АН СССР, М.—Л., 1936, стр. 65.

буржуазных националистов началом для дальнейшего исследования молдавского языка послужили труды М. В. Сергиевского.

В это время развернулась борьба за очищение молдавского литературного языка от ненужных западноевропейских и надуманных слов, уточнялись нормы молдавской орфографии, которые в связи с таким великим событием в истории молдавского народа, как освобождение Бессарабии от румыно-боярской оккупации и воссоединение ее с братскими республиками Советского Союза, пришлось пересмотреть и внести некоторые коррективы в молдавскую орфографию. К этому добавились новые факторы, с которыми нельзя было не считаться. Так как на протяжении всей румыно-боярской оккупации в Бессарабии молдавский язык был запрещен, а незначительная часть грамотного населения получала образование на румынском языке, то при установлении орфографии были учтены эти условия. Для лучшего обслуживания населения молдавские газеты, часть книг, брошюр до 1946 г. издавались половинным тиражом, печатаясь на латинском алфавите¹. Наличие двух орфографических систем приводило к серьезным затруднениям в культурном развитии молдавского народа.

Годы Великой Отечественной войны помешали разрешить вопрос об орфографии. Поэтому она была значительно уточнена и одобрена правительством МССР лишь в 1945 г.

Данная орфография выгодно отличается от всех предыдущих тем, что при ее составлении были учтены орфографические системы прошлого, современное народное произношение (хотя и недостаточно), а также опыт разработки орфографии языков других народов Советского Союза.

После Великой Отечественной войны в Молдавии началось некоторое оживление в исследовании вопросов как истории языка, так и народно-разговорной речи. Сотрудники Института истории и литературы Молдавского филиала АН СССР публикуют статьи об образовании молдавского литературного языка, о дореволюционной орфографии, о развитии молдавского языка в советскую эпоху² и т. д. Эти статьи теперь в значительной мере устарели, их нужно пересмотреть в свете учения И. В. Сталина о языке.

¹ Черновицкая молдавская обл. газ. «Буковина советикэ» печаталась на латинском алфавите вплоть до 1950 г.

² См. Ион Д. Ч о б а н у. Пажинь дин трекутул Молдовой (статья: Зориле лимбий литераре молдовенешть). Кишинев, 1946; Н. Г. К о р л э т я н у. Начало письменности на молдавском языке. «Ученые записки Института истории, языка и литературы», т. I. Кишинев, 1948; Ион Д. Ч о б а н у. Принчипиале де базэ але ортографией ши ортоепией молдовенешть (введение). Кишинев, 1945; Ион Ч о б а н у. Лимба молдаве литераре де аз. Журн. «Октомврие», 1945, № 2.

На основании собранного материала по языку и письменности прошлого и в особенности на основании диалектологических записей сотрудников Института истории, языка и литературы выдвигается мысль о том, что основой общенародного языка молдавской нации является язык населения центральной части МССР от Прута до левобережного Приднестровья, где находится наиболее компактная масса молдаван; этот район наиболее развит экономически и культурно, в нем находится столица Молдавии г. Кишинев.

Благодаря тому, что после освобождения Молдавии от румыно-боярской оккупации грамотность стала доступна всему трудовому народу (я имею в виду западные районы республики), появляется новая все увеличивающаяся количественно молдавская интеллигенция, вышедшая из рядов трудового народа.

Усиливается стремление к дальнейшему сближению молдавского литературного языка с народно-разговорной речью. Начиная с 1948 г. эта тенденция отражается и в печати. Институт истории, языка и литературы не мог пройти мимо этих справедливых стремлений общественности.

С 1947 г. активизируется работа по монографическому исследованию вопросов молдавского языка. Как бы продолжением диалектологических исследований М. В. Сергиевского является работа Ф. Н. Кожухарь «Карагашский говор» (кандидатская диссертация, защищенная ею в 1947 г.). В начале 1949 г. выходит из печати «Молдавская лексикография» А. Т. Борща, в этом же году защищена И. К. Вартичаном кандидатская диссертация «Казания луй Варлаам». Хотя эти работы содержат некоторые ошибки марровского толка и недостатки и требуют серьезного пересмотра, тем не менее в них положительным моментом нужно считать то, что они, вслед за трудами М. В. Сергиевского, на конкретном материале — письменных памятниках прошлого или по данным молдавской диалектологии — показывают самостоятельность молдавского языка, отличного от румынского.

Начиная с 1948 г. усиливается волна влияния марровского «нового учения» о языке как в центре нашей страны, так и на периферии, в частности в Молдавии. На публичных лекциях в то время раздаются слова: языковеды, которые утверждают, что нужно разговаривать так, как сто лет тому назад, «на языке дореволюционного села, на языке дедушки и бабушки», «плетутся в хвосте самого отсталого крестьянина-единоличника», что «нет вопроса о молдавском литературном языке, но есть вопрос о развитии советского молдавского литературного языка». Нас обвиняли, что «язык не рассматривался как социальное орудие»¹.

¹ Е. Н. Б у к о в. Молдавский литературный язык и текущая действительность (лекция по линии общества по распространению политических и научных знаний), 1948, стр. 13, 19 и др.

В это время лингвисты Молдавии, в том числе и автор этих строк, начинают ошибочно обращаться к учению Н. Я. Марра и его «учеников». В частности, марровцы пытались доказать скрещенный характер молдавского языка. Этому способствовали работы акад. Н. С. Державина, чл.-корр. А. Д. Удадьцова, проф. С. П. Толстова и других ученых. Молдавские лингвисты (И. Д. Чебан, Н. Г. Корлэтяну, И. К. Вартичан, А. Т. Борщ, Ф. И. Кожухарь и другие)¹ слепо восприняли выводы марровцев. Общий застой в языкознании характеризовал и молдавское языкознание; теоретические вопросы языкознания в Молдавии вовсе или почти не разрабатывались.

В 1950 г. 9 мая на страницах центрального органа нашей партии «Правды» началась свободная дискуссия по вопросам языкознания. 20 июня того же года И. В. Сталин разоблачил антимарксистскую, ненаучную сущность «нового учения» о языке Н. Я. Марра и начертал подлинно марксистский путь развития советского языкознания. И. В. Сталин в своем труде «Марксизм и вопросы языкознания» охарактеризовал молдавский язык как один из языков советских наций, как язык, который обслуживал и обслуживает молдавский народ на протяжении всей его истории, т. е. как язык самостоятельный, существующий отдельно от румынского².

Необходимо отметить, что часть молдавских языковедов не поняла или не смогла понять этого. В Кишиневе среди некоторых товарищей установилось мнение, что теперь уже не существует молдавского языка, а есть один язык — румынский. Характерно, что люди, придерживающиеся этой «теории», неофициально, завуалированно избрали «оригинальный» путь — представить, как единственно не марристскую, румынскую орфографию, грамматику и т. д. Они начали поносить все то, что было сделано в области молдавского языка: грамматику, орфографию, словари и т. д. Следует сказать, что определенная группа лиц, отрицающая самостоятельность молдавского языка, оформилась давно, тотчас же после Великой Отечественной войны, и пыталась протаскивать «теории» молдавско-румынских буржуазных националистов. Представители этой группы часто выступали на расширенных ученых советах у нас в Институте, начиная еще с 1946 г. и в последующие годы. Они утверждали, что всякая борьба против национализма есть будто бы мнимая борьба, — это только зажим критики и самокритики. Этим, дескать, и характерен отчасти аракчеевский режим в Молдавии.

¹ На ошибках лингвистов Молдавии я неоднократно останавливался и устно и печатно. См. «Молдова социалистэ», 3 марта 1951 г. и сб. «Вопросы молдавского языка в свете трудов И. В. Сталина». Учпедгиз, Кишинев, 1951 г.

² См. И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 8.

После опубликования трудов И. В. Сталина по языкознанию молдавские лингвисты отказались от марризма и все внимание направили на ликвидацию своих ошибок. Конечно, нельзя сказать, что полностью уже преодолены марровские ошибки; в виде пережитков они еще проявляются, с ними нужно вести неустанную борьбу. Молдавские лингвисты со всей энергией стали внедрять марксизм в языкознание. Это выразилось в ряде мероприятий, предпринятых Институтом истории, языка и литературы. Были переработаны тематические планы, в которых отражены главные вопросы языкознания: изучение внутренних законов развития молдавского языка, изучение его грамматического строя, основного словарного фонда и словарного состава. Институт провел ряд ученых советов, заседаний сектора, узких и расширенных, с целью раскрытия марровских ошибок в молдавском языкознании и перестройки работы в свете учения И. В. Сталина о языке. Сотрудниками Института было прочитано свыше 100 лекций и докладов по вопросам языкознания общественности города, учителям-языковедам республики и вообще населению Молдавии. За это время перестроили и перестраивают свои курсы преподаватели языковедческих дисциплин в вузах (Корлэтяну, Вартичан, Кожухарь), составлены и выпущены в свет программы по языку для вузов и средних школ (Корлэтяну, Руссев, Мельницкая). Сотрудники Института опубликовали в периодической республиканской печати ряд статей по молдавскому языку в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию. В этих статьях они выступили с критикой своих марровских ошибок, борясь за главное — внедрение марксизма в языкознание.

В середине 1951 г. вышла в свет «Грамматика молдавского языка для русских средних школ» (автор Ф. И. Кожухарь и другие). После нескольких обсуждений с участием учителей-специалистов, после заключения комиссии, созданной Министерством просвещения МССР, была переработана грамматика молдавского языка для средней школы в свете учения И. В. Сталина о языке (авторы: И. Д. Чебан, В. А. Комарницкий, С. Г. Мельницкая), которая вышла в свет. Были переработаны также учебники по языку для начальной и средней школы.

К первой годовщине опубликования труда товарища Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» Институт подготовил сборник «Вопросы молдавского языка в свете трудов И. В. Сталина», в котором приняли участие как языковеды Института, так и некоторые приглашенные. Сборник вышел в свет. Авторы попытались в нем поставить и объяснить ряд жизненно важных вопросов молдавского языкознания в свете учения товарища Сталина о языке, а именно: вопросы о внутренних законах развития молдавского языка, о преемственности от

традиционной письменности, о грамматическом строе, основном словарном фонде и словарном составе, об отношении общенародного языка к диалектам, об орфографии, о составлении учебников по языку, о нормализации современного молдавского литературного языка, о преподавании русского языка в молдавской школе и влиянии русского языка на молдавский язык, о борьбе с марризмом, а также с буржуазно-националистическим и космополитическим влиянием на молдавское языкознание и другие.

Кроме того, Институт организовал цикл лекций, включающих восемь тем по языку, истории и культуре Молдавии. Эти лекции были прочитаны в июне и июле 1951 г. В этом же году был переработан в свете учения И. В. Сталина о языке I том «Истории Молдавии», в котором участвовали также некоторые литературоведы и языковеды Института. Том вышел в свет.

Как известно, до лингвистической дискуссии у языковедов Молдавии существовали марристские взгляды на происхождение молдавского языка, после дискуссии они отстаивают романское происхождение молдавского языка (Чебан, Кожухарь, Корлэтяну, Вартичан). Перед дискуссией «учение» Н. Я. Марра пропагандировалось ими среди студентов, учителей и интеллигенции Молдавии, после опубликования работ И. В. Сталина по языкознанию молдавские лингвисты выступили с критикой марризма и с пропагандой учения И. В. Сталина о языке. Раньше, при господстве марризма и аракчеевском режиме, мы не могли в полной мере заниматься исследованием грамматического строя, основного словарного фонда и словарного состава молдавского языка, изучением его истории и диалектологии. Теперь эти проблемы разрабатываются в статьях молдавских лингвистов (Вартичана, Корлэтяну, Борща, Кожухарь, Чебана).

Но все это — только начало большой работы. Мы сделали еще очень мало. Академик В. В. Виноградов справедливо отметил, что «... молдавские лингвисты еще не обнаружили достаточной творческой инициативы в разрешении... важных и больших задач, поставленных перед нами трудами И. В. Сталина»¹. Наши лингвисты, в связи с неразработанностью вопросов молдавского языкознания, допускали новые ошибки. Взять хотя бы сборник «Вопросы молдавского языка в свете трудов И. В. Сталина». Это — хорошее начинание, но сборник не лишен ошибок. В нем можно найти смешение литературного языка с народно-разговорным, письменности с языком, не раскрыты внутренние законы развития молдавского языка, иногда ошибочно трактованы закономерности пополнения словарного

¹ В. В. Виноградов. Развитие советского языкознания в свете учения И. В. Сталина. «Вестник АН СССР», 1951 г., № 7, стр. 16.

состава молдавского языка, не раскрыты до конца марровские ошибки и буржуазно-националистические и космополитические тенденции, приведшие к застою молдавское языкознание, есть и неудачные и ошибочные формулировки и т. д. Страдают недостатками также учебник «Грамматика молдавского языка. (Морфология)», автором которого являюсь я. В нем многое недостаточно продумано, не уточнено и до конца не решено. Конечно, он не может полностью удовлетворить культурные запросы молдавского народа. Необходимо составить новый учебник, а также научную грамматику. Подобные претензии можно предъявить и к другим работам. Первые шаги всегда могут сопровождаться ошибками — эта участь постигла и молдавских ученых, как и ученых центра. По выражению акад. В. В. Виноградова, «...это были первые смелые, но не всегда достаточно глубокие и продуманные во всех деталях, попытки творчески осветить и развить некоторые положения сталинского учения о языке»¹. Тем более эти слова можно отнести к молодым молдавским ученым. Это является следствием того, что мы еще не усвоили глубоко и не смогли последовательно применить учение И. В. Сталина как в теории, так и в практике разработки вопросов молдавского языка.

Перед Институтом истории, языка и литературы и вообще перед лингвистами Молдавии стоит грандиозная задача. Изучением внутренних законов развития языка нам нужно заняться в первую очередь. С этим связано изучение основного словарного фонда и грамматического строя молдавского языка, его истории. Следует также поставить на крепкие научные основы проблему нормализации современного молдавского языка, взаимодействия литературного молдавского языка с говорами, обогащения его словарного состава за счет слов из русского языка, проблему исторических взаимоотношений со славянскими, а также и с романскими языками.

Для решения проблемы нормализации молдавского литературного языка необходимо: а) написать историю молдавского языка, с привлечением к работе над созданием этого коллективного труда всех молдаванистов; б) составить научную и нормативную грамматику; в) совершенствовать орфографию, учитывая народно-разговорный язык (центральные говоры МССР) и принимая во внимание влияние русского языка, а также других славянских и румынского языков; г) составить полноценные словари; д) решить вопросы терминологии.

В нашем тематическом плане теперь имеются такие темы, как: «Очерки по истории молдавского языка» (Борщ), «О грамматическом строе молдавского языка» (Вартичан), «Об основ-

¹ В. В. Виноградов. Развитие советского языкознания в свете учения И. В. Сталина, стр. 16.

ном словарном фонде и словарном составе» (Корлэтяну), «Центральные говоры Молдавской ССР» (Кожухарь). На разработку этих тем отводится несколько лет.

Следует отметить, что в секторе языка и литературы нашего Института не чувствуется еще активной, энергичной борьбы за выполнение плана, за правильное решение насущных вопросов молдавского языкознания. Заведующий сектором канд. филол. наук Н. Г. Корлэтяну почему-то не задает тона в работе сектора, все там идет самотеком. За последние месяцы перед настоящей сессией в центральной и республиканской периодической печати появился ряд статей, в которых поднимались жизненно важные вопросы молдавского языкознания. Заведующему сектором в первую очередь нужно было откликнуться на это, организовать обсуждение этих статей в секторе, развернуть дискуссию, высказать свое мнение, занимая твердую позицию. Но вместо этого последовало какое-то безразличие или боязнь всего. Больше того, в секторе работал Г. Ф. Богач и работает В. П. Коробан, которые в вопросах развития молдавского языка явно стоят на неправильных и даже опасных позициях. Неизвестно по каким причинам — то ли из-за неуверенности в своих позициях, или из-за желания заниматься только чисто научными вопросами, не касаясь так называемой языковой политики, но Корлэтяну никогда, нигде не высказал своего отношения к позиции указанных товарищей, никогда не призывал их к порядку и не критиковал их вредной линии. Мне думается, что пора покончить с этим гнилым принципом «непротивления злу». Ф. И. Кожухарь тоже пока занимает пассивную позицию в исследовании молдавского языка и в оценке его развития.

После опубликования трудов И. В. Сталина она почти не выступала перед общественностью с лекциями и докладами, хотя как ученый секретарь Института Кожухарь должна была больше других проявлять инициативу, не опубликовала ни одной статьи в периодической печати, где были бы отражены насущные вопросы молдавского языкознания. Не высказали своего мнения по спорным проблемам молдавского языка и некоторые другие члены сектора.

Кроме марризма, который нанес большой ущерб языкознанию, в Молдавии существуют и другие не менее серьезные факторы, тормозящие исследование молдавского языка. К раскрытию этого я и хочу сейчас перейти.

Начнем с молдавского алфавита. Как известно, в молдавском языке нет звука *х* глухого заднеязычного, как в русском языке. Этот звук встречается в нем только в поздних заимствованиях из русского языка: *колхоз*, *техника*, *стахановист* и другие. В настоящее время распространен гортанный звонкий

звук, который передается тем же *х*: *хыртие*, *пухэ*, *мохор* и произносится как украинское *г* в словах *год*, *говорити*. С помощью буквы *з* в молдавском языке передаются два звука: *з* в словах главным образом славянского происхождения: *заре*, *зыдире*, *разбат*, *образ*, *звену* и *дз* в словах главным образом с латинской основой: *зэмос*, *зэр*, *зэче*, *зык*. Это устанавливалось на протяжении веков и в настоящее время затруднения на письме почти не вызывает.

Аффриката *ч* почти не встречается в народно-разговорном молдавском языке. Даже слова славянского происхождения *час*, *коботы*, *печать* и другие, которые очень давно вошли в молдавский язык, произносятся как *шяс*, *шиботэ*, *пешятэ*. В северных говорах слышится *с*: *сяс*, *сиботы*, *писяты*. Только в более поздних заимствованиях имеется *ч*: *чай*, *чек*, *чиновник*, *чаикэ*. Буква *ч* встречается в памятниках нашей письменности прошлого. По данным диалектологии в Молдавии (центральная часть) на месте *ч* слышится *шь*¹.

В молдавском литературном языке есть группа губно-губных и губно-зубных согласных: *п*, *б*, *м*, *ф*, *в* (*пепт*, *бине*, *мик*, *фер*, *вин*), которые в живом молдавском языке (центральная Молдавия) перед *и*, *е* переходят в *к*, *г*, *н*, *ш*, *ж*; поэтому сохранение указанных губных согласных в письменной речи нарушает молдавскую самобытность языка.

Еще Д. Кантемир в труде «Описание Молдавии» в конце XVII в. говорит, что женщины-молдаванки произносят *гине*, *кятрэ*, *ник*, *хер*, *гие* и т. д.², при этом отмечает, что над мужчиной, произносящим так, смеются.

Составитель молдавской грамматики 1865 г., изданной в Кишиневе, И. Дончев (правда, он сам считает, что это грамматика нового румынского языка), сделавший первую попытку латинизации и направления молдавского языка по линии единого румынского языка, подметил разницу в написании и в произношении *п*, *б*, *м*, *ф*, *в*, *ч* и некоторых других согласных и гласных. Дончев пишет: «Противно правилам грамматическим и филологическим иные буквы, согласные и гласные, в живой румынской речи (в разговоре) многими употребляются одни буквы вместо других... чего бы не следовало, так как непомерно искажают слух и достоинство разговора такую какофонию (неблагозвучием)...»³.

¹ Ф. И. Кожухарь. Унеле деосэбирь спечиficie але граюрилор централе але РСС Молдовенешть. «Ученые записки Института истории, языка и литературы», т. III. 1950, стр. 147.

² D. C a n t e m i r. Descrierea Moldovei. Бухарест, 1923, стр. 181.

³ I. D o n c e v u. Cursul primitiv de limba rumînă. Gramatica rumînă. Кишинев, 1865, стр. 18—19.

Тут же приводятся и примеры такого несоответствия:

b : gh	<i>bine — ghine</i>
c : ș	<i>capă — șapa</i>
z : dz	<i>frunză — frundză</i>
e : i	<i>bate — bati</i>
f : ș	<i>farbe — șerbe</i>
m : n	<i>mie — nie</i>
p : ch	<i>pept — chept</i>
v : g	<i>vin — gin</i>

К подобным же выводам приходит и современный румынский ученый Ал. Росетти, отметивший, что палатализация губных **ф** и **п** происходила еще в XVI в., «порча» же остальных губных появляется в более поздних текстах¹. По свидетельству Д. Кантемира в конце XVII в. палатализация существовала в народно-разговорном молдавском языке. И. Дончев в середине XIX в. свидетельствует о существовании палатализации в народно-разговорном молдавском языке и указывает, что верхушечные слои имущих классов, так же как во времена Кантемира, осуждают ее, считая, будто бы она «непомерно искажает слух и достоинство разговора», и презрительно именуют ее «какофонией». М. В. Сергиевский также отмечал, что палатализация не отражена в памятниках прошлого в силу традиционной письменности и под влиянием речи господствующих классов². Нужно полагать, что палатализация как явление, возникшее под влиянием славянских языков³, не была отражена в документах в XVIII и XIX вв. еще и потому, что с появлением латинистов развернулась борьба против всего славянского. В народно-разговорном молдавском языке на протяжении последних 300—400 лет сохранялась эта характерная фонетическая черта. Здесь уместно вспомнить указания И. В. Сталина о том, что классы не безразличны к языку и стараются использовать его в своих интересах. Верхушечные слои аристократии и буржуазии вносят «некоторое количество выражений и оборотов речи, отличающихся изысканностью, галантностью и свободных от «грубых» выражений и оборотов национального языка»⁴. Сохранение указанных губно-губных звуков характерно для народно-разговорного (говора Мунтении) и литературного румынского

¹ Al. Rosetti. Istoria limbii române, т. IV. Бухарест, 1941, стр. 86.

² См. М. В. Сергиевский. Молдавские этюды. «Труды МИФЛИ», т. V, М., 1939, стр. 199.

³ Al. Rosetti. Istoria limbii române, стр. 101; Р. Г. П и о т р о в с к и й. Славянские элементы в румынском языке. «Вестник Ленинградского университета», 1951, № 1, стр. 145.

⁴ И. С т а л и н. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 14.

языка¹, где они являются народными формами. В молдавском языке губно-губные согласные сохраняются только в письменности; что же касается народно-разговорного языка, то они, по данным диалектологии², отсутствуют во всех говорах Молдавской ССР. Если даже губные были или являются специфической особенностью молдавского языка, то теперь их нецелесообразно употреблять, так как это явление весьма архаичное (XVI в.), оно создает разрыв между письменным языком и народно-разговорным. «Письменные (литературные) языки..., — пишет проф. Г. Д. Санжеев, — обслуживают общество в сфере лишь письменного общения и воспроизводят структуру народно-разговорных языков, с которыми они в общем совпадают, о чем, конечно, трудно говорить, если письменность оказывается архаической»³.

В настоящее время в разговоре почти всегда употребляют: *кишьор*, *врагие*, *ник*, *жин* и т. д. Следовательно, теперь исчезла практическая необходимость в сохранении архаичных форм этих слов (*пепт*, *бине*, *мик*, *вин* и т. д.).

Следующий случай, противоречащий истории письменности молдавского языка, его звуковому и грамматическому строю, народно-разговорному языку, — это употребление *э* вместо *ы* в конце слов. По ныне действующей орфографии в молдавском языке, как в румынском, пишется *э*: *масэ*, *мынэ*, *кынтэ*, *варэ*. Между тем уже в первой печатной книге на молдавском языке «Казания луй Варлаам», изданной в 1643 г., наблюдается написание *ы*⁴. Буква *ы* вместо *э* встречается повсеместно в писаниях митрополита Досифея, жившего в конце XVII в.⁵ Во всех последующих религиозных памятниках и особенно в светской литературе в подавляющем большинстве случаев фигурирует написание *ы* — *масы*, *мыны*, *кынты*, *вары*. А. Т. Борщ, анализируя дореволюционные русско-молдавские словари Бадескула и Чакира, убедительно показал, что для молдавской письменности предоктябрьского периода было специфичным написание *ы* в конце слов⁶. И. Дончев в своей грамматике говорит, что молдавское окончание — *ы*: румынское *арă*, молдавское *алы*, *сласă* (*клакы*), *chiață* (*кямы*)⁷. Данные диалектологических экспе-

¹ Micul atlas lingvistic român, т. I. Клуж, 1950.

² Ф. И. Кожухарь. Уселе деосэбирь спечиficie але граюрилор централе але РСС Молдовенешть, стр. 144—145.

³ Г. Д. Санжеев. Образование и развитие национальных языков в свете учения И. В. Сталина. «Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина». М., 1950, стр. 111.

⁴ M. Gaster. Chrestomafie română, т. I. Лейпциг — Бухарест, 1891, стр. 105.

⁵ Там же, стр. 251.

⁶ См. А. Т. Борщ. Молдавская лексикография. Кишинев, 1948, стр. 101—104.

⁷ I. Doncevu. Cursul primitiv de limba română, стр. 101—104.

дий в Молдавской ССР указывают на то, что в конце слов не слышится *э*, а слышится только *ы*.

«История народных говоров,—пишет В. В. Виноградов, — тесно связана с историей общенародного языка, а также с историей языка литературного»¹. В молдавском языке, к сожалению, этой тесной связи нет, так как между историей языка литературного и историей народных говоров до революции существовал разрыв, остатки которого с трудом изживаются в современной письменности.

Чем же объясняется этот разрыв между молдавским литературным языком и народными говорами? Ответ мы находим в трудах М. В. Сергиевского. Он говорит, что в XVII в., когда книгопечатание стало производиться на молдавском языке («Казания луй Варлаам», 1643), в основу молдавского литературного языка, главным образом его орфографии, лег существовавший уже сто лет до этого валашский язык с его нормами орфографии, связанной с именем валашского печатника Кореси (первая печатная книга Кореси вышла в 1561 г.)². И. К. Вартичан, специально изучивший язык «Казания луй Варлаам», пришел к тому же выводу, а именно: «Молдавский литературный язык сложился на базе живой речи широких масс молдавского народа... во взаимном влиянии с валашской литературной традицией»³.

Безусловно, «Казания» 1643 г. во многих отношениях отражает специфичность молдавского языка. Но молдавский литературный язык не мог освободиться от многих мунтенизмов, в силу этого и создается разрыв между литературным и народно-разговорным языком.

В свою очередь, начиная с XVII в., выдающиеся молдавские летописцы и писатели Г. Уреке, М. Костин, И. Некулче, и Крянгэ и другие внесли большую лепту в румынский литературный язык, обогатив его средствами молдавского языка. «Национальный язык румын,—пишет румынский академик Э. Петрович,—основывается на народном наречии центральной и северной Мунтении и южной Трансильвании»⁴, т. е. именно на том наречии, которое отражено в первопечатных книгах Кореси и которое оказало влияние на язык «Казания

¹ В. В. Виноградов. Содержание и задачи курсов по языковедческим дисциплинам в свете работ И. В. Сталина по языкознанию. «Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина». М., 1950, стр. 202.

² См. М. В. Сергиевский. Молдавские этюды, т. V, стр. 199—201.

³ И. К. Вартичан. Язык первой печатной молдавской книги. «Ученые записки Института истории, языка и литературы», т. III. Кишинев, 1950, стр. 234.

⁴ E. Petrovici. Învățătura lui I. V. Stalin cu privire la știința limbii și sarcinile lingviștilor din republica Română. Сб. «Problemele sociale». Бухарест, 1951, стр. 87.

луй Варлаам». Основой молдавской современной орфографии является в ряде случаев мунтянский диалект, легший в основу румынского литературного языка.

Меня спрашивают: «Зачем вы поднимаете эти вопросы языка? Разве литературный язык может совпадать точно с живой речью, с центральными говорами МССР?» Правильно, невозможно, чтобы тождество совпало. Но почему в настоящее время наш литературный язык совпадает с диалектом Мунтении, т. е. с румынским языком? Тогда мой собеседник задает другой вопрос: «В таком случае, вы против румынского языка? А ведь вы знаете, что Румыния теперь народно-демократическая страна, она строит социализм». Это правильно, товарищи. Но если Украина и Белоруссия строят коммунизм, а украинский и белорусский языки близки, может кто-либо сегодня думать, что настало время влить белорусский язык в украинский и заставить белорусов разговаривать, общаться при помощи украинского языка? Какой бы вредной была эта политика и какую вредную линию ведут в Молдавии те, которые думают подобным образом о молдавском и румынском языках. Я люблю румынский язык как родной язык румынского народа; но выдавать этот румынский язык за родной язык молдавского народа — значит неверно решать национальные вопросы. Но мой собеседник опять задает вопрос: «Почему вы вульгаризируете язык, спускаясь к *гине*, *кятрэ* и т. д. Почему не внедряете в народную речь «культурные» формы — *бине*, *пятрэ*?» Я тоже такого мнения, что нужно народ поднять к культуре, но, к сожалению, такое поднятие народа к «культурным» формам языка лишило бы молдавский язык самостоятельного развития.

Я обязан отметить, что в своей статье «На заре молдавского литературного языка»¹, возражая М. В. Сергиевскому, я поспешил с утверждением, что первый молдавский печатник Варлаам взял за основу не столько валахский язык Кореси, сколько язык «Воронецкого кодекса». Однако, как показали дальнейшие исследования, нельзя считать, что в отношении языка «Воронецкий кодекс» — подлинно молдавский документ. Не продумана до конца мысль и в статье «Современный молдавский литературный язык»², где я утверждаю, что будто бы незачем больше поднимать вопрос о румынской специфике сохранения в молдавском литературном языке губных *п*, *б*, *м*, *ф*, *в* и других особенностей.

Перейдем к произношению и правописанию заимствованных слов. В словах, заимствованных из русского языка, упо-

¹ Ион Д. Ч о б а н у. Пажинь дин трекутул Молдовей. Кишинев, 1946, стр. 46—51.

² Журн. «Октомврие», 1945, № 2, стр. 102.

требуется правописание, вытекающее из внутренних законов развития молдавского языка. Например: *революционар*, а не *революционер* (подобно тому, как пишутся молдавские слова *кожоскар*, *чоботар*, *петрар* и другие); *старосте*, *дежурне*, *вожате*, *звену*, а не *староста*, *дежурный*, *вожатый*, *звено* (в соответствии с орфографией молдавских слов *фрате*, *пэ-рете*, *боу*); *вак*, *народ*, *болнав*, *силэ*, а не *век*, *народ*, *больной*, *сила* и т. д.

Но существует множество слов и терминов, которые не имеют специфически молдавского правописания. На территории Бессарабии исторически выработалось русское произношение и правописание слов, заимствованных из русского языка. Во время румыно-боярской оккупации Бессарабии там укоренилась французская орфография, пришедшая через румынский язык, которую находим и поныне в молдавском языке.

Какой же из этих двух принципов ближе к молдавскому языку — французский или русский, с которым молдавский язык имел исконную связь, через общение с которым он все время обогащался и продолжает обогащаться особенно теперь? Нужно ли доказывать, что единственно правильным языковым принципом будет русский?

История молдавской письменности указывает на то, что русское правописание полностью отвечает практическим задачам молдавского народа. Следовательно, только такая орфография может быть общенародной и научно правильной.

У нас есть группа товарищей, которые ошибочно считают, что французская орфография наиболее приемлема для молдавского языка. Эти люди исходят из своего субъективного побуждения. Русское правописание они называют «руссификацией».

Во всех памятниках молдавской письменности, начиная от произведений летописцев XVII в. (Г. Уреке, М. Костин) и XVIII в. (И. Некулче) и тем более это относится к XIX в. и началу XX в. (Балдескул, Чакир), географические собственные имена произносились и писались по-русски: *Китай*, *Варшава*, *Дания*, *Крым*, *Испания*, *Париж*, *Литва*, *Рим*, *Швеция*, *Франция* и другие. Так произносятся эти слова и в настоящее время, так они и пишутся, согласно ныне действующей орфографии. Тем не менее, такое написание подвергается несправедливым нападкам со стороны отдельных лиц, которые заявляют, что этим мы, мол, игнорируем нормы молдавского языка, нарушаем его специфику, «руссифицируем» язык.

Высказывания такого рода «критиков» вызывают справедливое возмущение общественности Молдавии. Почему мы должны игнорировать тот исторический факт, что молдавский народ все время жил и живет среди славянских народов — русских и украинцев, в их окружении, что молдавский народ на протя-

жении всей своей истории тяготеет к ним, более того, он с ними органически связан. Правописание географических названий пришло к нам из русского языка с незапамятных времен, оно носит исторический характер и поэтому сохраняется в молдавском языке.

Следующий важный вопрос молдавского языкознания — пути обогащения лексики языка вообще и терминологии в частности. Критически усваивая язык писателей прошлого, следует обогащать молдавскую лексику в первую очередь за счет своих языковых возможностей, своего основного словарного фонда, за счет живого народно-разговорного языка, пословиц, идиоматических выражений, с помощью префиксов и суффиксов. Следовательно, нам нечего игнорировать такие народные молдавские слова и формы, как *аист*, *аму*, *аяста*, *аишта*, *ямуш*, *ой адуче*, *ор фаче*, *кушмэ*, *а кити*, *а журуи*, *а се инжи*, *а пробози*, *мынештергурэ*, *а тэмэдуи* и сотни других слов, которые употребляются в Молдавии повсеместно и являются частью основного словарного фонда молдавского языка. Они обширно используются молдавскими писателями XIX в., в особенности Крянгой, а также современными писателями Канной, Лупаном и другими. Тем не менее, в Молдавии находятся еще люди, которые называют эти формы и выражения нелитературными. Нужно полагать — либо потому, что их в румынском языке нет, либо потому, что эти люди о них не слышали.

Характерно, что когда раньше издавали Крянгэ в Румынии, то в конце тома прилагали словарь «непонятных» слов, т. е. молдавских слов. Они, действительно, непонятны для румынского народа. Буржуазные румынские литературоведы находили, что язык Крянгэ простонароден и примитивен, поэтому зачастую они не считали Крянгэ писателем. Некоторые наши «поборники» «литературного» языка скатываются на позиции буржуазной критики, игнорируя молдавский язык, которым пользуется классик Крянгэ.

При обогащении литературного языка народно-разговорной лексикой мы должны бороться против засорения его словесной шелухой, узко местными словами, как то: *тэт*, *фуман*, *кумпэративэ*, *пентру*, *цэрэнь*, *муаре*, *гарнизация*, *мыцылэй* и другими.

Обогащение языка идет также путем расширения значения слов. Например, до Октябрьской революции слово *интребаре* имело только значение «вопрос», теперь же оно обозначает также «проблема», «задача». Слово *мряжэ* обозначало только «сеть» (для ловли рыбы), теперь же, путем добавления к нему новых понятий, оно обозначает: *мряже де телефоане* «телефонная сеть»; слово *ынтречере* имело узкое значение — «состязание», теперь оно приобрело новое значение: *ынтречеря сочиалиста* — «социалистическое соревнование» и т. п.

Научную терминологию (по ботанике, зоологии, агротехнике и т. п.) тоже можно найти в народной разговорной речи. Но у нас почему-то отказываются от этого пути и берут терминологию из французского арсенала.

Все, чего не хватает молдавскому языку, мы должны заимствовать из русского языка, который служит образцом не только для всех народов СССР, но и для всего прогрессивного человечества. Русский язык является вторым родным языком народов СССР.

А. Мординов и Г. Санжеев справедливо считают, что если средствами родного языка обойтись нельзя, то в «таких случаях необходимо смело вводить термины, принятые в русском языке, как языке наиболее богатом, ставшем межнациональным языком народов СССР»¹. Далее они утверждают: «Обогащение словарного состава языков народов СССР за счет заимствования из русского языка — явление естественное, закономерное и необходимое»².

Заимствование из русского языка идет по двум линиям. Во-первых, путем калькирования: *мижлокъши* — «середняк»; *тотунионал* — «всесоюзный», *тотдеобшта* — «всеобщий», и т. д. Конечно, при этом следует действовать осмотрительно, не нарушать законы молдавского языка и не засорять язык искусственными словообразованиями. Во-вторых, путем прямого заимствования из русского языка не только интернациональных слов и терминов, но и «русской общественно-политической лексики» (Виноградов) и терминологии. Такой процесс у нас частично осуществляется. В нашу литературу вошли слова: *пропуск*, *броневик*, *забойщик*, *прицепщик*, *звено*, *забастовка*, *путь-овкэ*, *утренник*, *подшипник*, *паровик* и другие. Таким образом, заимствования из русского языка вполне приемлемы и оправданы исторически и практически.

И все же до сих пор у незначительной части работников культурного фронта Молдавии проявляется тенденция игнорировать заимствование слов и терминов из русского языка, отдавая предпочтение заимствованиям из западных языков. Кое-кто также возражает против употребления молдавских калькированных слов *ынрыурире*, *ынтинэрире*, *ынвоалэ* и других, голословно заявляя, что эти слова надуманы, и предлагает французские, не понятные нашему народу слова *инфлуенцэ*, *импресие*, *кондицие* и другие. Совершенно ясно, что даже при условии отказа от молдавских калькированных слов, следует оставить русские слова *влияние*, *впечатление*, *условие* и другие, а не французские, так как такие русские слова подчиняются

¹ А. Мординов, Г. Санжеев. Некоторые вопросы развития младописьменных языков народов СССР. «Большевик», 1951, № 8, стр. 40.

² Там же, стр. 41.

законам молдавского языка, как и корневые слова *вие, ние, салчие*. Я лично — за молдавские калькированные слова.

Или, например, к чему употреблять: *шомаж, дефиниция, тентакул, альянцэ, челулэ, премизэ, ордин, сентинца, интерогаториу* и другие западноевропейские слова, которые в молдавском языке действительно отсутствуют, тогда как ближе и понятнее слова, заимствованные из русского языка: *безработица, определение, щупальце, союз, клетка, предпосылка, приговор, вопрос, приказ* и другие? Характерно, что французские слова не прививаются в разговорной речи молдавского народа. Вводя их, мы насилуем язык, усложняем его.

Приведенные примеры я не выдаю за нечто святое, не подлежащее изменению. Я допускаю их замену и более подходящими эквивалентами, если это удастся.

Конечно, нельзя ограничить обогащение молдавского языка только русскими словами. Мы всегда допускали пополнение нашего языка и за счет других языков через румынский. Но, к сожалению, практика показала, что это послужило удобной лазейкой для тех, кто стремится засорить молдавский язык чуждыми нам западноевропейскими варваризмами. Поэтому надо весьма осторожно относиться к пополнению лексики молдавского языка за счет слов из западных языков.

Борьбу с иностранщиной в молдавском языке все время вели представители молдавской культуры. В то же время они отмечали плодотворное влияние русской культуры на молдавскую, на развитие молдавского языка. Так, молдавский поэт-бессарабец Ал. Матвеевич в 1910 г. заявил: «Присоединение Бессарабии к России было актом спасения... для молдавского языка...»

Следует отметить, что в современной Румынии теперь также ставят вопрос о замене юридической, административной и научной терминологии французского и латинского происхождения, «введенной в румынский язык буржуазно-помещичьей верхушкой, непонятной и сегодня широким массам народа»¹, и о приближении ее к языку широких народных масс.

Из сказанного выше вытекает, что у нас существуют два исключаяющих друг друга взгляда на вопросы развития молдавского языка. Сторонники первого взгляда признают самобытность молдавского языка, критически осваивают языковое наследие прошлого, исходя из народно-разговорного, живого молдавского языка, ориентируются (только не в ущерб структуре молдавского языка) в отдельных вопросах фонетики, орфографии, синтаксиса, лексики и терминологии на русский межнациональный язык народов СССР. Что касается сторонников

¹ E. Petrovici. *Invățătura lui I. V. Stalin cu privire la știința limbii...*, стр. 86.

второго взгляда, то они ратуют за архаичность некоторых форм молдавского языка, за официально-канцелярский язык прошлого. Они игнорируют молдавскую народно-разговорную речь, утверждая, что это диалект, с которым не следует считаться, шельмуют практику ориентации на межнациональный русский язык, ориентируются на западную культуру, заимствуя без надобности французские, латинские, итальянские слова, игнорируя тем самым внутренние законы развития молдавского языка.

В нашем Институте бывший сотрудник Г. Ф. Богач при активной поддержке В. П. Коробана, взгляды которого были предметом критики на III съезде КП(б) Молдавии и на страницах газеты «Правда», вел нигилистическую и космополитическую, зачастую скрытую линию отрицания самобытности молдавского языка, его истории, его связи с русским языком, линию преклонения перед западной культурой.

Г. Ф. Богач, например, выступая на Ученом совете 15—16 декабря 1950 г. против заимствований из русского языка, утверждал, что «первая причина путаницы — умышленное стремление отождествлять (?) структуру и основной словарный фонд молдавского языка с русским языком»¹. Это — вредная «тенденция ограничить заимствование слов из русского языка под предлогом борьбы за чистоту»² молдавского языка.

Конечно, против искусственного внесения французских слов в молдавский язык Богач не выступает, его это вовсе не беспокоит.

«Вторая путаница, — заявляет Богач, — это ориентация литературного языка на диалект, отказ от литературного языка», «стремление к просторечию»³. Сложившийся веками молдавский язык Г. Ф. Богач считает диалектом. Но Богач не оригинален: буржуазные молдавско-румынские националисты в прошлом тоже считали молдавский язык диалектом, а румынский язык выдавали за подлинно молдавский литературный язык. Если «новое учение» о языке «культивировало нигилистическое, ликвидаторское отношение к национальным языкам»⁴, то что же это, если не марризм?

Эти измышления Богача поддерживал научный сотрудник Института Коробан, который выступал с ложной теорией

¹ Стенограмма заседания Ученого совета Института истории, языка и литературы Молдавского филиала АН СССР от 15—16. XII 1950 г. Протокол № 12, стр. 90.

² А. Мординов, Г. Санжеев. Некоторые вопросы развития младописьменных языков..., стр. 41.

³ Стенограмма заседания Ученого совета Института истории, языка и литературы Молдавского филиала АН СССР от 15—16. XII 1950 г. Протокол № 12, стр. 90.

⁴ А. Мординов, Г. Санжеев. Некоторые вопросы развития младописьменных языков..., стр. 39.

разделения молдавского языка на диалекты — правобережный и левобережный. Этим путем он пытался углубить разногласия между интеллигенцией восточных и западных районов МССР¹. Низводя молдавский язык до уровня диалекта, Коробан утверждал, что еще нужно доказать существование молдавского самостоятельного языка². На упомянутом заседании Ученого совета Коробан заявил: «...для нас самое главное это вопрос: является ли молдавский язык романским? Конечно, очень важно, каким будет язык, потому что отсюда исходит словообразование»³, т. е. в этом случае выходит, что молдавский язык должен обогащаться только за счет западноевропейских романских языков, а проникновению русских слов надо закрыть доступ.

Этой опасной и вредной позиции в отношении развития молдавского языка еще придерживаются некоторые писатели и журналисты Молдавии.

Буржуазный национализм в вопросах развития молдавского языка проявляется: в отходе от народно-разговорного языка, в идеализации архаических, давно отживших форм языка, в отказе от заимствования из русского языка, в ориентации на зарубежные западноевропейские языки, в отрицании молдавского национального языка, низведенного до положения диалекта.

Две тенденции — восточная и западная — во всех вопросах политики, культуры и языка существуют и борются в Молдавии еще с незапамятных времен. В отношении языка западная тенденция начала усиливаться с XVIII в., в связи с появлением школы латинистов-пуристов. Борьба между этими тенденциями разгорелась в XIX в. и особенно в XX в. Она, приняв другие формы, продолжается и по сей день.

Мы встречаем большие трудности в решении вопросов молдавского языкознания. Нельзя сказать, что статья Д. Е. Михальчи, помещенная в журнале «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка» (т. X, вып. 3), не принесла хоть какую-либо пользу. Но она принесла бы гораздо больше пользы, если бы автор, который до лингвистической дискуссии давал наставления молдавским лингвистам с позиций марровского «учения» о языке, а после дискуссии обвиняет их чуть ли не как основателей марризма, выступил в ней самокритично. Создается впечатление, что автор задался целью причесать, сгладить остроту вопросов, а не показать или оценить позиции борющихся сторон

¹ Заседание Ученого совета Института истории, языка и литературы Молдавского филиала АН СССР от 27. V 1951 г. Протокол № 3, стр. 16.

² Заседание сектора языка и литературы от 15. I 1951 г. Протокол № 1, стр. 17.

³ Стенограмма заседания Ученого совета от 15—16. XII 1950 г. Протокол № 12, стр. 80.

в молдавском языкознании; больше того, он пытается примирить эти стороны.

Перестройка молдавского языкознания в свете учения товарища Сталина началась сейчас же после языковедческой дискуссии. Вместе с тем было бы ошибочным требовать, чтобы перестраивался только наш Институт. Один Институт не в состоянии коренным образом изменить положение на языковом фронте. Решительно перестроиться следует также и другим научно-исследовательским учреждениям, вузам, нашим издательствам, авторам учебников, переводчикам, газетам, журналам.

В упомянутой статье А. Мординов и Г. Санжеев правильно пишут, что последователи Н. Я. Марра внесли путаницу в письменность некоторых народов СССР и что эта путаница должна быть устранена. Однако нужно помнить, что всякое изменение в письменности должно быть практически целесообразно. «Для этого, — утверждают авторы статьи, — орфографию необходимо стремиться привести в соответствие с нормами произношения каждого языка, чтобы письменность была доступна народу, удобна для создания произведений литературы и искусства»¹. Это полностью относится и к молдавскому языку.

Еще II съезд КП(б) Молдавии отметил, что в «области языка... нашими неотложными задачами являются: дальнейшее совершенствование орфографии и грамматики, обогащение литературного языка, очищение его от всяких чуждых ему буржуазных наслоений и влияний, разработка диалектологии и истории молдавского языка...»². Вопросам языка уделил большое внимание и III съезд КП(б) Молдавии в 1951 г.

Институт истории, языка и литературы поднимает вопросы звуковой системы и орфографии не с целью реформы письменности. Необходимо улучшать и совершенствовать нашу письменность, делать ее удобной для общения людей. Нужна большая, кропотливая научно-исследовательская работа в области изучения письменности прошлого, языка наших классиков и современных писателей, большевистской печати, переводов, научной литературы. Нужны серьезные исследования народно-разговорного языка, диалектологии. Лишь тогда эти вопросы будут правильно решены. Что касается терминологии и вообще лексики, то осуществление выдвинутых положений незачем откладывать на дальние сроки.

Последний вопрос, также мешающий развитию молдавского языкознания, — это отсутствие квалифицированных кадров. В этом отношении перед молдаванами стоят те же задачи,

¹ А. Мординов, Г. Санжеев. Некоторые вопросы развития младописьменных языков..., стр. 43.

² Газ. «Советская Молдавия», 7 февраля 1949 г.

что и перед руссистами, но разница заключается в том, что в Москве или, скажем, на Украине, в Грузии имеется много академиков, десятки докторов и сотни кандидатов филологических наук, а у нас, в Молдавии, всего 3—4 молодых кандидата наук. Нужно обратить серьезное внимание на подготовку кадров языковедов в Молдавии. В этом нам помогут ученые Москвы, Ленинграда и Киева.

Сотрудники Института истории, языка и литературы Молдавского филиала АН СССР, руководствуясь в своей повседневной работе марксистско-ленинским учением о языке, с помощью других ученых Союза, приложат все усилия к тому, чтобы справиться с возложенными на них задачами в области многогранных вопросов советского языкознания.

Н. Г. Корляну

**ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ ОСНОВНОГО СЛОВАРНОГО
ФОНДА И СЛОВАРНОГО СОСТАВА
МОЛДАВСКОГО ЯЗЫКА**

I

Выход в свет трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания ознаменовал начало творческой работы в изучении конкретных языков нашей необъятной Родины.

Работы И. В. Сталина по языкознанию открыли широкие перспективы и для научного исследования молдавского языка.

Для правильной постановки вопроса и для научного решения проблем основного словарного фонда и словарного состава молдавского языка решающее значение имеют указания И. В. Сталина, во-первых, что грамматический строй и основной словарный фонд составляют основу языка, его специфику, что основной словарный фонд составляет ядро в словарном составе языка и дает базу для образования новых слов, отличаясь длительностью своего существования; во-вторых, что грамматический строй и основной словарный фонд, складываясь в течение ряда эпох, отличаются устойчивостью, причем изменения в грамматическом строе происходят еще медленнее, чем в основном словарном фонде; в-третьих, что один из языков при скрещивании оказывается победителем, сохраняет свою основу и продолжает развиваться по внутренним законам, ему свойственным, а другой язык постепенно отмирает; и, наконец, что местные диалекты в процессе образования наций могут лечь в основу национальных языков и развиваться в самостоятельные национальные языки.

Эти положения не должны рассматриваться изолированно друг от друга. Они являются органической частью марксистских взглядов на язык вообще и на основной словарный фонд языка в частности.

Из вышеизложенного вытекает основная задача исследования молдавского языкознания и, в частности, молдавской лексикологии. Для того чтобы отдать себе полный отчет о сущности специфики молдавского языка, необходимо исследовать и показать состав, характерные черты и роль основного словарного фонда, наряду с определением грамматического строя молдавского языка. Показать это во всей полноте в данном

докладе, конечно, невозможно, его задача состоит лишь в том, чтобы наметить некоторые основные вопросы исследования как основного словарного фонда, так и словарного состава молдавского языка. Кроме того, в докладе ставятся также некоторые вопросы лексикографии.

II

Основной словарный фонд составляет лексико-семантический центр словарного состава языка.

В основной словарный фонд, кроме его ядра, т. е. корневых слов, входит также и ряд некорневых, т. е. производных слов. Следовательно, для того чтобы определить основной словарный фонд молдавского языка с точки зрения его морфологического состава, необходимо показать, что представляют собой корневые слова в нем, а также те производные слова, которые входят в состав основного словарного фонда.

Не все корневые слова молдавского языка одинаковы с точки зрения их морфологического оформления. Некоторые из них состоят лишь из одного элемента, из корня слова, являющегося носителем реального, лексического или материального значения слова. Такими, например, являются молдавские корневые слова: *ом* — «человек», *кап* — «голова», *гьт* — «шея», *луп* — «волк» и т. п. Другая категория молдавских корневых слов снабжена и вторым морфологическим элементом, который обозначает грамматическую принадлежность слова: *апэ* — «вода», *мунте* — «гора», *а ара* — «пахать» и т. п.

При рассмотрении вопроса о корневых словах необходимо учитывать также и развитие молдавского языка на протяжении его истории. Не все корневые слова современного молдавского языка являются таковыми, если эти слова рассматривать с точки зрения их исторического происхождения. Такие молдавские слова, как *пичор* — «нога», *аз* — «сегодня», *нимик* — «ничего», считаются корневыми словами с точки зрения современного молдавского языка. Этимология же их показывает, что исторически они являются сложными словами: *пичор* происходит от уменьшительной формы латинского слова *pes, pedis* (т. е. с суффиксом *-culus*); *аз*¹ происходит от *hac die*; *нимик* от *nes mica* (букв. «ни крупинки»).

Кроме корневых слов, в основной словарный фонд входят и некоторые производные слова. Говоря о некоторых словах, входящих в основной словарный фонд, И. В. Сталин наряду со

¹ Хотя слово *аз* не встречается в текстах ранее XIX в., все же его необходимо считать древним ввиду того, что оно встречается и в аромунском (*adză, ază, azi, adzi*) и в мегленском (*ază, as*). См. Д. А. I, 392.

словами *вода, земля, гора, лес* и другими указывает также и на такие, как *торговать, производить* и другие.

Академик В. В. Виноградов пишет, что в основной словарный фонд входят «многие производные слова, во всяком случае такие слова, которые были образованы от корневых слов»¹.

Вопрос о производных словах, которые должны быть включены в основной словарный фонд, является весьма трудным и сложным. Для этого необходимы определенные критерии, которые в настоящее время еще не полностью установлены, а лишь намечены².

Главными признаками принадлежности слов к основному словарному фонду должны являться прежде всего признаки общенародности и устойчивости данного слова. Эти общенародные и устойчивые слова, входящие в основной словарный фонд, не зависят от социальных изменений, от развития культуры, науки и техники. Они являются самыми распространенными, самыми употребительными словами в языке и используются всеми классами общества.

Указывая на изменения, происходящие в словарном составе русского языка в послеоктябрьский период, И. В. Сталин подчеркивает устойчивость основы русского языка: «Что же касается основного словарного фонда и грамматического строя русского языка, составляющих основу языка, то они после ликвидации капиталистического базиса не только не были ликвидированы и заменены новым основным словарным фондом и новым грамматическим строем языка, а, наоборот, сохранились в целости и остались без каких-либо серьезных изменений,— сохранились именно как основа современного русского языка»³.

То же самое нужно сказать и об основе молдавского языка. Несмотря на ряд изменений, происходящих в молдавском языке, и особенно в его словарном составе в послеоктябрьский период, основа языка — основной словарный фонд и грамматический строй — сохранилась без особых изменений. Когда речь идет об устойчивости слов основного словарного фонда, необходимо иметь в виду древность данного слова и продолжительность его жизни в языке. Например, молдавское слово *пэмынт* — «земля» встречается в первых текстах на молдавском языке (XV—XVI вв.). Это слово бытует и в других романских языках, например, итальянское *palmento*, сардинское *patenti*. В латинском языке употреблялось слово *pavimentum*.

¹ В. В. Виноградов. Значение работ товарища Сталина для развития советского языкознания. М., 1950, стр. 28.

² В. В. Вахмистров. Признаки принадлежности слов к основному словарному фонду. Журн. «Иностранные языки в школе», 1951, № 4.

³ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 6—7.

Следовательно, упомянутое слово является очень давним как в молдавском, так и в других романских языках.

При этом нужно учитывать, что хотя некоторые слова бытуют в языке недавно, но они стали такими общенародными и устойчивыми, что их необходимо включить в основной словарный фонд. Так, например, слова *колхоз*, *совет* и другие стали общим достоянием всего молдавского народа, а потому их следует считать словами основного словарного фонда.

Важным критерием для определения слов, входящих в основной словарный фонд молдавского языка, является также способность слова служить основой для формирования новых слов и выражений. Если взять, например, слово *време*, то от него образуются такие слова, как *временник* — «временно», *временическ* — «временный», а *времуи* — «портиться» (о погоде), *девреме* — «рано», *девреме*, *девреме* — «ранний», *девремеор* — «рановато», *декувреме* — «заблаговременно». Значит такие слова следует включать в основной словарный фонд.

Таковы вкратце критерии для определения слов, входящих в основной словарный фонд молдавского языка.

Основной словарный фонд образует главную, центральную часть словарного состава. Это значит, что он содержит не все слова словарного состава, а лишь определенные категории их. С точки зрения семантического значения этих слов в основной словарный фонд молдавского языка входят такие категории: 1) понятия географические, физические и другие: *пэмынт* — «земля», *апэ* — «вода», *дял* — «холм» и другие; 2) названия родства: *тата* — «отец», *мама* — «мать», *фичор* — «сын», *невастэ* — «жена» и другие; 3) названия частей тела: *кап* — «голова», *мыне* — «рука», *гыт* — «шея» и другие; 4) названия птиц и животных: *кукош* — «петух», *гэинэ* — «курица», *кал* — «лошадь», *луп* — «волк» и другие; 5) названия домашних предметов: *масэ* — «стол», *скаун* — «стул» и другие; 6) названия сельскохозяйственных культур: *грыу* — «пшеница», *сэкарэ* — «рожь», *сфеклэ* — «свекла» и другие; 7) названия орудий производства: *плуг*, *борона*, *топор* и другие; 8) названия действий: *а веде* — «видеть», *а лукра* — «работать», *а ара* — «пахать», *а борони* — «боронить» и другие; 9) абстрактные термины: *време* — «время», *чинсте* — «честь» и другие.

В основной словарный фонд входят также и некоторые производные слова¹, а именно те, которые в процессе исторического развития утратили словообразовательные связи с основным словом.

В основной словарный фонд молдавского языка включаются такие слова, как *социализм*, *коммунизм*, *большевик*,

¹ См. В. В. Виноградов. Об основном словарном фонде и его словообразующей роли в истории языка. «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», т. X, вып. 3, 1951, стр. 232.

партид, *колхоз* и другие, которые стали жизненно важными для молдавского народа словами.

Все местоимения и числительные также входят в основной словарный фонд. Наконец, следует подчеркнуть, что основной словарный фонд содержит не только так называемые знаменательные слова, т. е. те слова, которые имеют реальное, материальное или лексическое значение, но и служебные слова (артикли, предлоги, союзы, частицы).

Таким образом, основной словарный фонд молдавского языка, будучи ядром словарного состава, содержит жизненно важные слова, т. е. слова, имеющие большое значение в общественно-политической и производственной жизни молдавского народа. Эти общенародные слова в равной степени обслуживают всех членов общества. Без основного словарного фонда общенациональный язык не мог бы быть «общим для членов общества и единым для общества...»¹.

Если бы основной словарный фонд можно было уничтожить, то в общественной жизни стали бы царить анархия и неразбериха, а само общество распалось бы.

Следовательно, основной словарный фонд характеризуется своей устойчивостью. Он не связан непосредственно с изменениями в производственной деятельности человека, не обусловлен ими и поэтому его изменения происходят очень медленными темпами. Слова *пэмытн*, *време*, *татэ*, *невестэ*, *гыт* и т. д. встречаются в древних молдавских текстах XV в. Они, конечно, бытовали и раньше. Доказательством служит множество слов, образованных от указанных слов основного словарного фонда, а также и тот факт, что соответствующие формы встречаются почти во всех родственных языках.

И. В. Сталин показал единство языка в течение многих эпох, общенародный характер языка, а также его устойчивость по сравнению с изменениями базисов и надстроек: «...язык живёт несравненно дольше, чем любой базис и любая надстройка»².

Эта устойчивость языка, его общенародный характер поддерживаются устойчивостью грамматического строя и основного словарного фонда языка.

Известно, какое огромное сопротивление оказывает язык насильственной ассимиляции со стороны языков других народов. «Сотни лет турецкие ассимиляторы старались искалечить, разрушить и уничтожить языки балканских народов. За этот период словарный состав балканских языков претерпел серьёзные изменения, было воспринято не мало турецких слов и

¹ И. С т а л и н. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 8.

² Там же, стр. 9.

выражений, были и «схождения» и «расхождения», однако балканские языки выстояли и выжили. Почему? Потому, что грамматический строй и основной словарный фонд этих языков в основном сохранились»¹. Среди этих балканских языков был и молдавский язык. Начиная с XV в. турецкие захватчики подчинили своему господству и Молдавию. Они старались искалечить и уничтожить молдавский язык. Турецкое иго тяготело над Молдавией до начала XIX в., когда с помощью великого русского народа Молдавия была навсегда освобождена от турецкой оккупации. За время турецкого господства молдавский язык претерпел серьезные изменения. В него вошло много слов турецкого происхождения, как, например: *бое* — «краска», *дулап* — «шкаф», *кафе* — «кофе», *одае* — «комната», *такым* — «прибор» (столовый), *тестемел* — «повязка» и другие. Но все же молдавский язык выстоял и выжил. Это потому, что его грамматический строй и основной словарный фонд сохранились.

Понятие устойчивости основного словарного фонда не предполагает того, что он не подвергается изменениям. В течение разных периодов истории молдавского языка основной словарный фонд претерпевает определенные изменения, совершенствуется. Так, например, если мы проследим эволюцию форм личных местоимений в молдавском языке, то увидим, что они в разные периоды имели различные формы, которые постепенно изменялись, совершенствовались. В текстах XVI в. встречаются местоимения 1-го л. ед. ч. в винительном падеже в форме *ме↑ре*², *ми↑ре*³, а также *мене*⁴. Последняя форма продолжает встречаться в текстах XVII—XVIII вв. В XIX в. наряду с ней появляется форма *мине*, которая получила общее употребление в современном молдавском языке, заменяя все остальные. Эти примеры показывают, что «переход от одного качества языка к другому качеству происходил не путём взрыва, не путём разового уничтожения старого и построения нового, а путём постепенного и длительного накопления элементов нового качества, новой структуры языка, путём постепенного отмирания элементов старого качества»⁵.

Развитие основного словарного фонда молдавского языка выражается в том, что он постепенно включает в свой состав производные слова, которые имеют значения, весьма отдаленные от значения основного слова. Таким образом формируются новые лексические словообразовательные центры.

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 26.

² См. M. G a s t e r. Chrestomatie română, т. I. Лейпциг — Бухарест, 1891, стр. 24.

³ Там же, стр. 2, 6 и др.

⁴ Там же, стр. 1, 2, 9 и др.

⁵ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 27.

Хотя некоторые этимологические ряды молдавских слов имеют в своей основе одно корневое слово, но в течение исторического развития молдавского языка они расчлениются на несколько словообразовательных баз. Так, на основе корневого молдавского слова *калд* — «теплый» (из латинского *calidum*) образовались такие лексико-семантические словообразовательные центры:

- а) *калд* — *калдуц*, *калдишор* и другие;
- б) *калдурэ* — *калдурос*, *некалдурос*, *калдурикэ* и другие;
- в) *калдаре* — *калдэрар*, *калдэрэреск*, *калдэрэрие*, *калдэрушэ* и другие;
- г) *а скэлда* — *скэлдаре*, *скэлдат*, *скэлдэтоаре* и другие.

Обогащение основного словарного фонда молдавского языка происходит и посредством заимствований. Так, например, слово латинского происхождения *aratrum* от глагола *aro*, *arare*, сохранившееся в некоторых романских языках (аромунское *aratu*, итальянское *arato*, сардинское *arado*), было заменено в большинстве восточнороманских языков (в частности, румынском и молдавском) словом славянского происхождения *плуг*, которое вошло в основной словарный фонд этих языков и послужило основой для образования целого ряда производных слов: *плогушор* — «плужок», *пругар* — «земледелец», *пругэраш* — уменьшительное от *пругар*, *пругэрие* — «земледелие», *пругэрит* — «обработка земли», а *пругэри* — «обрабатывать землю» и другие.

Интересно отметить, что слово *плуг* входит в целую серию слов, которые дают представление об определенных закономерностях обогащения основного словарного фонда молдавского языка словами, заимствованными из славянских языков. Так, в основной словарный фонд молдавского языка входят такие слова славянского происхождения, как *плуг*, *ситэ* — «сито», *рэзбой* — «ткацкий станок», *брич* — «бритва» и другие. Наряду с подобными словами в молдавском языке существуют названия соответствующих действий: *а ара* — «пахать», *а черне* — «сеять» (ситом), *а цэсе* — «ткать», *а раде* — «брить», «скрести», которые являются словами романского происхождения. Это объясняется тем, что в определенную историческую эпоху молдаване заимствовали у славян более усовершенствованную технику и вместе с ней и новые слова-названия, в то время как названия соответствующих действий остались прежними, т. е. романскими по своему происхождению. Подобный процесс происходит в молдавском языке и в настоящее время. Сейчас говорят: *а ара ку тракторул* — «пахать трактором»; *а триера ку комбайнул* — «молотить хлеб комбайном» и т. п. В данных предложениях глагол — романского происхождения, а существительные заимствованы из русского языка.

Следующая характерная черта основного словарного фонда заключается в том, что он является базой для создания новых слов. Так, в молдавском языке от слова *апэ* — «вода» (латинское *aqua*, румынское *apă*, итальянское *acqua*, сардинское *abba*, старопровансальское *aigua*, французское *eau*, испанское *agua*, португальское *agua*) образовалось и образуется много новых слов и выражений, например, *апар* — «водолаз» и «тот, кто продает воду», *апарюл* или *вэрсэторул де апэ* — название созвездия «водолей» и другие. В «Иероглифической истории» Д. Кантемира слово *апарь* употребляется в значении «мореплаватель»¹. Из существительного *апэ* образовалось и прилагательное *апэтос*, исчезнувшее в современном молдавском языке, но встречающееся в XVII в. у Дософтея со значением «полноводный», например: *фынтына апэтоасэ* — «полноводный колодец». Из прилагательного *апэтос* образован глагол *а апатоша* — «наполняться водой»². Производными от *апэ* являются *апэрае*, *апэрие*, *апэрит* в значении массы воды, разлитой на полу или собранной в одном месте. В молдавском языке имеются и другие слова, производные от слова *апэ*: *апоc* — «полноводный», «водянистый»; *а адэпа* — «напоить водою»; *адэпаре*, *адэпат* — существительные, выражающие действие, соответствующее глаголу *а адэпа*; *адэпэтоаре* — «водопой», *адэпэтура* — «поливка», «водопой» и другие.

Процесс образования новых слов и выражений связан с внутренними законами развития молдавского языка. Формирование новых словосуществляется не случайно и произвольно, а в тесном взаимодействии с грамматическим строем и словарным составом языка. Новые слова образуются по определенным словообразовательным типам, существовавшим и существующим в языке, или в связи с появлением новых аффиксов в порядке усовершенствования словообразовательной системы.

Так, в латинском языке суффикс *-imen* употребляется для образования различных существительных. В современном молдавском языке этот суффикс весьма продуктивен. Посредством его образуются:

а) отвлеченные существительные, образованные из прилагательных: *адынч-им-е* — «глубина», *ыиннэлц-им-е* — «вышина», *лэрис-им-е* — «ширина» и другие;

б) существительные с собирательным значением из других существительных: *цэрэн-им-е* — «крестьянство», *студенц-им-е* — «студенчество» и другие.

¹ *Татэ-меу, апарюл прин мултэ време.... ку корэбия ымблынд.*

² *Ау ловит ку тоягул ын стынкэ, де ау пурчес динтр'ынса апэ адынкэ. Ши пэраеле с'апэтошарэ.* (Dosoftiei. Psaltirea în versuri. Бухарест, 1887, стр. 258).

Непрерывное образование новых слов на базе основного словарного фонда объясняется большей широтой и разносторонностью сферы действия языка, чем надстройкой.

Таковы вкратце характерные черты основного словарного фонда молдавского языка.

Главнейшая задача молдавской лексикологии и состоит в том, чтобы детально исследовать основной словарный фонд молдавского языка, составляющий вместе с грамматическим строем сущность специфики молдавского языка. При изучении основного словарного фонда молдавского языка нужно выявить его составные части и те пути, по которым он развивается, исследовать лексические и семантические центры, которые образуют основной словарный фонд молдавского языка, проследить закономерности исторического развития основного словарного фонда, определить лексические наслоения, образующиеся в разные периоды развития языка. Сравнивая молдавский язык с другими языками, нужно проанализировать как сегодняшнее состояние, так и историческое развитие основного словарного фонда молдавского языка. Если не считать ряда ценных замечаний в докладе проф. Р. А. Будагова¹, то вопрос об историческом происхождении основного словарного фонда молдавского языка совершенно не изучен до сих пор, поэтому наше изложение носит характер предварительных замечаний, которые следует развить и уточнить.

Исследуя основной словарный фонд молдавского языка с точки зрения его происхождения, мы обнаруживаем различные лексические наслоения, обусловленные историческим развитием молдавского народа—творца и носителя молдавского языка. Очевидно, эти лексические наслоения следует классифицировать по трем основным группам.

В первую группу включаются слова, общие для всех или же для большинства романских языков, т. е. те слова основного словарного фонда молдавского языка, которые носят общероманский характер, например: лат. *homo*, молд. *ом*, рум. *от*, аром., истрорум. *от*, мегл. *иот*, ит. *uomo*, фр. *homme*, пров. *от*, *оте*, исп. *hombre*, порт. *homem*; лат. *manus*, молд. *мынэ*, рум. *mână*, аром. *mână*, мегл. *монэ*, истр. *măre*, ит., исп. *mano*, сард. *ману*, пров. *ман*, кат. *та*, фр. *main*, порт. *mão*; лат. *frater*, молд. *фрате*, рум. *фрате*, аром. *фрате*, мегл. *фрати*, истр. *фрате*; лат. *arare*, молд. *а ара*, рум. *а ара*, аром. *араре*, мегл. *rari*, истр. *арэ*; лат. *facere*, молд. *а фаче*, рум. *а фаче*, аром. *фафире*, мегл. *фафيري*, истр. *фатше*, ит. *fare*, сард. *fagere*, пров., фр. *faire*, кат. *fer*, исп. *hacer*, порт. *fazer*; лат. *videre*, молд. *а веде*, рум. *а ведеа*, ит. *vedere*, пров. *везер*, фр. *voir*, исп., порт. *ver* и другие.

¹ Р. А. Б у д а г о в. Молдавский язык среди романских языков (к постановке вопроса). См. настоящий сборник.

Во вторую группу входят слова основного словарного фонда молдавского языка, общие для восточнороманских языков (иногда и для итальянского), в отличие от западнороманских, т. е. слова общевосточнороманские, например: лат. *adjutorium*, молд. *ажутор*, рум. *ajutor*, аром. *ağutor*, мегл. *jutor* (в отличие от западнороманских: фр. *secours*, но и *aide*, ит. *soccorso*, *assistenza*, но и *aiuto*, исп. *socorro*, *auxilio*, но и *ayudo*, порт. *socorro*, но и *ajuda*); лат. **alvina*, молд. *албинэ*, рум. *albină*, аром. *algină* (в отличие от западнороманских: ит. *ape*, фр. *abeille*, исп. *abeja*, порт. *abelha*); лат. *lingula*, молд. *лингурэ*, рум., аром., мегл. *lingură* (в отличие от западнороманских: ит. *cucchiaino*, фр. *cuiller*, исп. *cuchara*, порт. *colher*); лат. *ovis*, молд. *оае*, рум., аром. *oaie*, мегл. *uaie* (в отличие от западнороманских: ит. *pecora*, фр. *brebis*, но исп. *oveja*, порт. *ovelha*); лат. *pavimentum*, молд. *пэмынт*, рум. *pământ*, аром. *pimintu*, мегл. *pimint*, истр. *pemint*, ит. диал. *palmento*, сард. *pamentu* (в отличие от западнороманских: ит. *terra*, фр. *terre*, исп. *tierra*, порт. *terra*); лат. **pondia*, молд. *пынэз*, рум. *pânză*, аром. *pândză*, мегл. *ponză* (в отличие от западнороманских: ит. *tela*, фр. *toile*, исп. *lienzo*, порт. *linho*); лат. **experlavare*, молд. (а) *спэла*, рум. (а) *spăla*, аром., мегл. *spel* (в отличие от западнороманских: ит. *lavare*, фр. *laver*, исп., порт. *lavar*) и др.

Для основного словарного фонда восточнороманских языков характерными являются также слова славянского происхождения. Они составляют третью группу лексических наслоений.

Западнороманские языки в некоторых случаях сохранили латинские слова, в то время как восточнороманские имеют соответственно слова славянского происхождения. Так, например: слав. (болг.) *гребло*, молд. *греблэ*, рум. *greblă*, аром. *griblă* мегл. *greblă* (в отличие от западнороманских: ит. *rastrello*, фр. *râteau*, исп. *rastrillo*, порт. *ancinho*, *ripanço*); старослав. *гѣсъка*, болг. *гѣска*, рус. *гусь*, молд. *гыскэ*, рум. *gâscă*, аром. *gâscă*, *gâscă*, мегл. *goscă* (в отличие от западнороманских: ит. *oca*, фр. *oie*, исп. *oca*, *ganso*, порт. *ganso*); старослав., рус. *обычай*, молд. *обичей*, рум. *obicei* (в отличие от западнороманских: ит. *consuetudine*, *costume*, фр. *coutume*, исп. *uso*, *costumbre*, порт. *uso*, *costume*, *habito*); старослав. *овѣс*, рус. *овес*, молд. *овэс*, рум. *ovăs*, *ovăz*, аром. *vrote* (греч.) (в отличие от западнороманских: ит. *avena*, фр. *avoine*, исп. *avena*, порт. *aveia*); старослав. *скѣпъ*, молд. *скупн*, рум. *scump*, аром. *scumpi*, мегл. *scom* (в отличие от западнороманских: ит. *caro*, фр. *cher*, исп. *caro*, порт. *caro*); старослав. *тѣргъ*, болг. *тѣрг*, рус. *торг*, молд. *тырг*, рум. *târg* (в отличие от западнороманских: ит. *traffico*, *mercato*, фр. *marchandage*, *marché*, исп. *rogateo*, *mercado*, порт. *comercio*, *mercado*).

Следует также отметить случаи, когда западнороманские языки вместо латинских заимствовали слова германского происхождения, а восточнороманские языки имеют соответственно слова славянского происхождения. Так, например: германскому *rihhi* соответствуют в западнороманских языках итальянское *ricco*, французское *riche*, провансальское, каталанское *ric*, вельотское *rek*, в то время как в восточнороманских языках мы имеем: молдавское *богат*, румынское *bogat*, аромунское *tbugat*, мегленское *bogat*; древневерхненемецкому *werra* соответствуют: итальянское *guerra*, французское *guerre*, испанское *guerra*, португальское *guerra*; в восточнороманских языках: молдавское *рзбой*, румынское *razboiu*; древневерхненемецкому *brand* соответствуют: итальянское *brando*, старофранцузское *brant*, в восточнороманских языках: молдавское *сабие*, румынское *sabie*.

Наряду с этим в молдавском языке бытуют слова и восточнославянского происхождения (русские и украинские), которые отличают его не только от западнороманских, но и от всех восточнороманских языков (румынского, аромунского, мегленского, истр.), где эти слова не употребляются или мало употребляются. Например: *ахотэ*¹ — «желание, стремление», *ахотник* «любитель» (русское *охота*, *охотник*), *балеркэ* — «бочонок» (украинское *барилка*), *больницэ* (русское *больница*), *време* (старославянское *врѣмѣ*, русское *время*)², *нород*³ (старославянское *народъ*, русское *народ*), *попушой* (русское областное *папуша*), *толоакэ* (русское, украинское *толока*), *хулуб* (русское *голубь*), *холоатэ* — «толпа» (украинское *голова*, польское *holota*), *чашкэ* (русское *чашка*) и другие.

Таким образом, одна группа слов основного словарного фонда молдавского языка — общая со всеми романскими языками, другая — отличает молдавский язык и все восточнороманские языки от западнороманских языков и, наконец, третья группа слов отличает молдавский язык от остальных восточнороманских языков.

Характеризуя молдавский язык, М. В. Сергиевский справедливо указывал, что «специфика молдавского языка по сравнению с прочими романскими языками заключается именно в том двойном объединении с славянским языковым миром, первый из которых он разделяет вместе с ближайшим своим

¹ Встречается уже в середине XIX в. (См. Uricariul, т. IX, Яссы, 1887, стр. 273).

² В аромунских словарях (Pascu, Dalametra) отсутствует. В мегленском есть в форме *oreami*, но и *timp* и *vacot*.

³ В «Dictionaru limbii românești». A. Scriban'a указывается, что в румынском языке слово *porod* редко употребляется, в аромунском и мегленском диалектах оно отсутствует.

сородичем — языком Валахии и южной Трансильвании, а второй, разумею, с восточно-славянским — испытывает уже обособленно от него»¹. Именно это «двойное объединение» и является специфической чертой основного словарного фонда молдавского языка в отличие от других романских языков как западных, так и восточных.

III

Словарный состав молдавского языка содержит все слова, находящиеся в распоряжении молдавского народа. Необходимо установить, какие именно категории слов входят в словарный состав молдавского языка.

Основной словарный фонд образует ядро словарного состава. Кроме слов основного словарного фонда, словарный состав молдавского языка включает в себя также ряд слов, вышедших из общего употребления и сохранившихся лишь в языке старших поколений. В качестве примера может служить слово *фередеу*, которое в XVII—XVIII вв. имело довольно широкое распространение, но начиная с XIX в. вытесняется словом *бае*, *бан'е*, проникшим в молдавский язык из восточнославянских языков. В смысле «баня» слово *фередеу* употребляется лишь в языке некоторых представителей старшего поколения. Более широкое распространение данное слово имеет в составе некоторых идиоматических выражений, например; *й-ау трас ун фередеу* — «задали ему баню». В словарный состав молдавского языка входят и идиоматические выражения типа *а се фаче морт ын попушой* — «притворяться», *а ну аве нас* — «не осмеливаться» и другие, а также выражения, употребляемые в переносном значении слова, особенно в художественной литературе. Вся профессиональная и научная терминология (математическая, лингвистическая, философская и другая) входит в словарный состав молдавского языка. Наконец, слова из жаргона образуют определенную категорию в словарном составе.

Нельзя сказать, что все языки характеризуются одним и тем же словарным составом. Значение лексики и состоит в том, что она выражает и определяет богатство языка в целом. Поэтому И. В. Сталин говорит: «Словарный состав отражает картину состояния языка: чем богаче и разностороннее словарный состав, тем богаче и развитее язык»².

Классики марксизма-ленинизма учат, что производственная деятельность людей имеет главнейшее значение в жизни человеческого общества, в жизни народа; она определяет всю осталь-

¹ М. В. Сергиевский. Проблема происхождения молдавского языка в свете данных языкознания. «Ученые записки Молдавской научно-исслед. базы АН СССР», т. I. Кишинев, 1948, стр. 51—52.

² И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 23.

ную деятельность человека. Развитие языка, и в частности его словарного состава, также происходит в связи с производственной деятельностью человека. К. Маркс указывал: «Производительные силы меняются, вырабатывая в себе новые качества, развивая самих себя благодаря производству, переделывают себя, создавая новые силы и новые представления, новые способы общения, новые потребности и новый язык»¹.

И. В. Сталин подчеркивает непосредственную связь языка с производственной деятельностью и вообще со всякой иной деятельностью человека. Если в производстве, в общественной жизни появляется какой-либо предмет, явление, действие и т. п., оно должно неминуемо получить свое отражение в языке, и в первую очередь в словарном составе языка.

Исследование развития и пополнения словарного состава молдавского языка в связи с историей молдавского народа является одной из основных задач, которая стоит перед молдавской лексикологией.

Пути обновления словарного состава молдавского языка разнообразны. Источники его обогащения берут свое начало в устном народном творчестве, в повседневной жизни, в лексических заимствованиях из других языков.

Главнейшим средством пополнения словарного состава молдавского языка является образование новых слов при помощи словообразовательных элементов молдавского языка. Основой для образования новых слов служит основной словарный фонд.

Конечно, когда речь идет о новых словах, не имеется в виду создание совершенно новых лексических единиц из «ничего». Речь идет о создании относительно новых слов, т. е. о таких словах, которые появляются в результате сочетания существующих в данном языке элементов. Так, например, у современного молдавского писателя И. И. Канна встречаем прилагательное *совхозник*². Это понятие является новым именно в данном морфологическом оформлении, как слово-понятие, которое прежде не существовало, но морфологические части которого (корень *совхоз* и суффикс *-ник*) были известны и ранее молдавскому языку.

Комбинирование словообразовательных элементов в молдавском языке, как и в других языках, не является произвольным и беспредельным, существуют определенные типы словообразования. Выход за пределы этих словообразовательных

¹ К. М а р к с. Из неопубликованной рукописи. «Пролетарская революция», № 3, 1939 г., стр. 168, цит. по ИАН СССР, серия истории и философии, т. I (1944), № 6, стр. 256.

² *Разеле, соарелуй ынкэлэеск орашеле ши сателе, дэу вяцэ ланурило, грядинило ши вило колхозниче ши совхозниче* (И. К а н н а. Примэвара Молдовей. «Молдова социалиста», 1 мая 1951 г.).

типов ведет к созданию искусственных, кабинетных, жаргонных слов вроде *tardilimbu* — «несловоохотливый», *tera facere* — «греть» (времен латинистов), *капофрын жере* — «головоломка» (времен местных националистов), *фэрэгосподарниче* — «бесхозяйственность» (1950 г.) и т. д.

Для молдавского языка особенно характерными являются (согласно классификации акад. В. В. Виноградова¹) два словообразовательных типа: морфологический и морфолого-синтаксический.

В современном молдавском языке различаются следующие основные типы морфологического словообразования:

- 1) суффиксальный,
- 2) фонетико-морфологический,
- 3) префиксальный.

Морфологический суффиксальный тип образуется при помощи суффиксов. В большинстве случаев таким образом создаются:

- а) существительные из прилагательных, например:
ноу — «новый» — *ноу-тат-е* — «новость»;
греу — «тяжелый» — *греу-тат-е* — «тяжесть»;

б) существительные из существительных (новые словообразования послеоктябрьского периода), например:

- партид* — «партия» — *партид-итат-е* — «партийность»;
стат — «государство» — *стат-нич-ие* — «государственность».

Фонетико-морфологический тип образуется при помощи суффиксов и чередования звуков. В основном так образуются существительные из прилагательных. При этом может иметь место:

- а) чередование гласных, как, например:
маре — «большой», «великий» — *мэр-им-е* — «величина»;
таре — «твердый», «крепкий» — *тэр-и-е* — «твердость», «крепость»;
- б) чередование согласных, как, например:
лунг — «длинный» — *лунж-им-е* — «длина»;
- в) чередование как гласных, так и согласных, например:
лат — «широкий» — *лэц-им-е* — «ширина»;
ынналт — «высокий» — *ыннэлц-им-е* — «вышина».

Морфологический префиксальный тип образуется при помощи префиксов. Этот тип особенно характерен в молдавском языке для образования новых глаголов:

- (а) *ымплини* — «выполнить» — (а) *супра-ымплини* — «перевыполнить»;

¹ В. В. Виноградов. Вопросы современного русского словообразования в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию. Журн. «Русский язык в школе», 1951, № 2.

(а) *прецуи* — «оценить» — (а) *супра-прецуи* — «переоценить»;
— (а) *суб-прецуи* — «недооценить».

Таким образом, одной из задач молдавской лексикологии является выявление и исследование словообразовательных типов молдавского языка.

Словарный состав молдавского языка пополняется и за счет местных диалектальных форм. То, что является более ценным, более выразительным в лексике диалектов, проникает в общенародный язык, обогащая его. Примером может служить такое слово, как *цэркэлам, цэркэлан* — «круг вокруг луны, солнца», которое из диалекта вошло в общенародный молдавский язык. Но в вопросе обогащения словарного состава языка за счет диалектизмов мы должны всегда помнить, что единый национальный язык является высшей формой, которому подчинены диалекты.

Большие изменения внесла Великая Октябрьская социалистическая революция в производственную и общественную жизнь молдавского народа. В свете учения И. В. Сталина о закономерностях развития языков социалистических наций все шире ставится вопрос о растущем значении великого русского языка для развития языков мира. Великий и могучий русский язык является неиссякаемым источником обогащения языков всех народов Советского Союза. На русском языке мыслят и говорят, как на своем родном языке, миллионы людей разных национальностей.

В течение всей своей истории, особенно в советскую эпоху, молдавский язык также находился и находится под благотворным влиянием великого русского языка. Словарный состав молдавского языка пополнился многими словами и выражениями; из них некоторые непосредственно заимствованы из русского языка, другие представляют собой кальки с русских слов, третьи же созданы под воздействием слов русского языка.

Была создана новая политическая и общественная терминология, отражающая социалистические идеи и понятия во всех областях экономической, политической и культурной жизни Советской Молдавии. Новые молдавские слова и выражения образовались:

1) В связи с образованием нашего социалистического государства, союзных и автономных республик, в связи с появлением народно-демократических республик. В эту категорию входят новые молдавские лексические единицы, как, например: *Униуня Републичилор Советиче Социалисте* — «СССР», *РСС Украйнянэ* — «УССР», *РСС Молдовеняскэ* — «МССР»; *Република Народникэ Унгарэ* — «Венгерская Народная Республика», *Република Народникэ Булгария* — «Народная Республика Болгария» и другие. Сюда же необходимо отнести названия партийных

и советских руководящих органов: *Комитет Централ* — «Центральный Комитет», *Советул Супрем* — «Верховный Совет», *Советул депутацилор трудиторилор* — «Совет депутатов трудящихся», *Райком* и другие.

2) В связи с появлением социалистического производства. В эту категорию входят слова, заимствованные из русского языка: *бригадэ*, *бригадир(э)*, *звенору* или *звение*, *колхоз*, *колхозник*, *хектарник*, или кальки с русских выражений: *план де продучере* — «производственный план», *арэтэтор де продучере* — «производственный показатель», *ынтречере социалистэ* — «социалистическое соревнование» и другие.

3) В связи со строительством новой культуры, социалистической по содержанию и национальной по форме, т. е. по языку: *лауреат ал премиулуй сталинист* — «лауреат Сталинской премии», *аскултэтор* — «слушатель» и другие.

4) В связи с появлением новых общественных организаций и с воспитанием советского человека в духе новой, коммунистической морали: *униуне професионалэ* — «профсоюз», *комсомол*, *большевик*, *вожатэ* — «вожатый», *товарэш*, *ажутор товэрэшеск* — «товарищеская помощь» и другие.

5) В связи с новыми достижениями науки и техники: *трактор*, *комбайн*, *радио*, *агрегат*, *атом*, *энергие атомикэ* и другие.

Но изменения словарного состава молдавского языка в послеоктябрьский период характеризуются не только заимствованием готовых лексических единиц из русского языка или калькированием русских слов и выражений. Под благотворным влиянием великого русского языка в молдавском языке образуются новые слова, выражающие новые понятия, особенно с отвлеченным значением. Следует отметить, что эти новые слова создаются при помощи молдавских морфологических средств по аналогии с другими словами, бытовавшими и бытующими в молдавском языке; русский же язык дает только импульс к созданию их. Новые лексические единицы, образованные под влиянием русского языка, полностью входят в фонетическую, морфологическую и синтаксическую систему молдавского языка и подчиняются внутренним законам его развития.

Процесс образования новых слов особенно активизировался в связи с переводами произведений классиков марксизма-ленинизма на молдавский язык. Возникает необходимость при помощи молдавских языковых средств выразить философские, политические, экономические и другие понятия, в большинстве случаев с отвлеченным значением. В. В. Виноградов указывает, что: «язык является могучим средством расчленения и осуществления научной мысли»¹.

¹ В. В. Виноградов. Значение работ товарища Сталина... стр. 19.

Исследуя принципы и нормы создания научных терминов, следует выявлять определенные закономерности в передаче смыслового значения слов молдавскими лексическими средствами.

В настоящем докладе этот процесс словообразования ставится лишь в качестве задачи для исследования, поэтому он не может быть освещен полностью.

В русском языке имеется большое количество существительных с суффиксом *-ость*, употребляемых преимущественно в письменном литературном языке и образованных главным образом от качественных имен прилагательных или от причастий страдательного залога¹. В молдавском языке русским существительным на *-ость*, образованным от качественных прилагательных, соответствуют существительные с суффиксом *-итате*, например:

<i>активность</i>	— <i>активитате</i>
<i>вероятность</i>	— <i>пробабилитате</i>
<i>зрелость</i>	— <i>матуритате</i>
<i>(не) оперативность</i>	— <i>(не) оперативитате</i>
<i>оригинальность</i>	— <i>оригиналитате</i>
<i>особенность</i>	— <i>партикуларитате</i>
<i>партийность</i>	— <i>партидитате</i>
<i>производительность</i>	— <i>продуктивитате</i>
<i>сложность</i>	— <i>комплекситате</i>
<i>формальность</i>	— <i>формалитате</i>

Суффикс *-итате* имел и имеет довольно большое распространение в молдавском языке, особенно в существительных с абстрактным значением, образованных в большинстве случаев от корней прилагательных романского происхождения: *ноутате* — «новость», *дрептате* — «справедливость», *бунэате* — «добродота», *сынгуэрэате* — «одиночество» и другие, а также и от корней славянского или иного происхождения: *голэате*² — «нагота», *пустиетате* — «пустошь» (корень этих слов славянского происхождения), *ефтинэате* — «дешевизна» (корень греческого происхождения). Образование новых слов при помощи суффикса *-итате* осуществляется довольно легко, т. к. этот прием соответствует внутренним законам молдавского словообразования. Если же русские существительные выражают состояние или качество, то в молдавском языке употребляются соответственно существительные с окончанием *-ничие*, образованные от молдавских прилагательных славянского происхождения на *-ник*, например:

¹ См. В. В. Виноградов. Русский язык (грамматическое учение о слове). М.—Л., 1947, стр. 127.

² *Голэатя ынконжурэ, ярэ фоамя дэ дядрептул* (Крянге).

родник — *родничиe* — «плодородность»
вешник — *вешничиe* — «вечность»
жосник — *жосничиe* — «низость»

По аналогии образуются новые лексические единицы: *идейник* — *идейничиe* — «идейность» и даже от несуществующего прилагательного *статник* образуется слово *статничиe* — «государственность».

Реже употребляются молдавские слова с суффиксом *-име* и *-пнцэ* как соответствия русским словам с суффиксом *-ость*, например:

общественность — *обштиме*
ясность — *лимпезиме*
возможность — *путинцэ*
готовность — *гэтинцэ*
потребность — *требуинцэ*

Иногда значение русских слов с суффиксом *-ость*, а именно — книжных отвлеченных слов, образуемых от причастий прошедшего времени страдательного залога, нельзя выразить одним словом в молдавском языке. Поэтому необходимо употребить сочетание слов, например:

организованность — *карактер организат*
дисциплинированность — *карактер дисциплинат*

Для передачи содержания русских слов с суффиксом *-ство*, выражающих значение состояния или свойства, в молдавском языке используются слова с суффиксом *-итате* или *-ничиe*:

превосходство — *супериоритате*
большинство — *мажоритате*
электричество — *електричитате*
равенство — *егалитате*
всемогущество — *(атот) пунтерничиe*

Если речь идет о русских словах с собирательным значением, образованных от именных основ, обозначающих сословие, класс, категорию людей, то в молдавском языке используются слова с суффиксом *-име*, например:

крестьянство — *цэрэниме*
студенчество — *студенциме*
учительство — *ынвэцэториме*,

а также новые лексические единицы:

кулачество — *кулэчиме*
батрачество — *аргэциме*
беднота — *сэрэчиме*

Таким образом, под влиянием русского языка для выражения новых понятий в молдавском языке был создан целый ряд новых слов. Это, конечно, привело к развитию и обогащению словарного состава молдавского языка, который в послеоктябрьский период достиг такого расцвета, какого он не знал еще в своей истории. Это дало возможность перевода на молдавский язык гениальных произведений великих корифеев мировой науки — Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина.

Показать значение Великого Октября, ленинско-сталинской национальной политики, русского языка в деле развития и обогащения молдавского языка и, в частности, его словарного состава в советскую эпоху является почетной задачей молдавских лингвистов.

Исследуя словарный состав молдавского языка, мы должны выявить внутренние и внешние факторы, определяющие характер молдавских заимствований из лексики других языков.

Ни одно слово в языке не может существовать, не подчиняясь внутренним законам развития языка. Поэтому некоторые формы заимствованных слов могут быть поняты только при исследовании внутренних взаимоотношений слов молдавского языка. Так, например, в молдавском языке форма единственного числа существительного *колак* не может быть объяснена своим историческим происхождением, своей этимологией (ср. старославянское *колачь*, русское *колач*, болгарское *колачь*, венгерское *kalács*), а должна быть объяснена как аналогичная форма, образованная аналогически на основе молдавского языка (ср. *копак* — *копачь*, *дарак* — *дарачь*, *крак* — *крачь* и другие). Из вновь образованной формы единственного числа *колак* затем сформировалась и вторая форма множественного числа *колакурь*¹ (ср. *акрурь*, *локурь* и другие). Таким образом, форма единственного числа *колак*, как и форма множественного числа *колакурь*, образовалась на основе внутренних взаимоотношений молдавского языка. Исследовать эти внутренние взаимоотношения молдавских слов является одной из самых сложнейших задач молдавской лексикологии.

Наряду с пополнением словарного состава молдавского языка происходит процесс исчезновения, выпадения из словаря устаревших слов. Вместе с развитием техники и культуры многие предметы производства, общественного пользования выходят из употребления. Вместо них появляются другие. Эти изменения немедленно находят свое отражение в языке. Так, например, немногие знают сейчас, что обозначают в молдавском языке слова

¹ *Колакурь ла фынтынэ* — «верхний сруб колодца» (Я. Гинкулов. Начертание правил валахо-молдавской грамматики. СПб., 1840, стр. 160).

и выражения: *кэруцэ де поштэ, кай де поштэ*. Это — название средств передвижения, существовавших в Молдавии в XIX в. и затем замененных новыми, более усовершенствованными видами транспорта: *трен*—«поезд», *аутомобил, трамвай* и другие.

К той же категории слов, не употребляемых в настоящее время в молдавском языке, относятся такие лексические единицы, связанные с определенным периодом в истории Молдавии, как *за, зале* — «кольчуга», *харац* — «дань», *ханжер* — «турецкий кинжал» и другие.

В современном молдавском языке часть слов употребляется только тогда, когда речь идет о прошлом или о жизни за рубежом; это слова, которые касаются буржуазно-помещичьей администрации: *префект, полиције, режэ*—«король», *губернатор* и другие.

Изменение словарного состава молдавского языка не ограничивается пополнением его новыми словами и выпадением из него устаревших слов. Употребление старой формы слова с новым смысловым значением является одним из средств обновления словарного состава молдавского языка. Такие слова, как *мункэ* — «труд», *нород, бригадэ, бригадир, пионер* и другие, получили в молдавском языке новое смысловое значение. Взять к примеру слово *мункэ*. До Великой Октябрьской социалистической революции слово *мункэ* — «труд» было связано с понятием «мучение», «пытка», «страдание». В этом значении слово *мункэ* встречается и в XV в. (Воронецкий кодекс), и в XVII в. (у Варлаама), и в XVIII в. (у Н. Костина), и в XIX в. (у Бельдимана). Труд человека в эксплуататорском обществе, когда он работал на помещика, капиталиста и кулака, был действительно мучением, страданием.

В социалистическом обществе трудящиеся массы свободны от всякой эксплуатации. Советский человек работает на себя, для народа, для развития экономики и хозяйства социалистического общества, он является активным строителем коммунизма. Поэтому и слово *мункэ* в современном молдавском языке приобрело иное смысловое значение. Оно выражает теперь социалистическое понятие: труд — дело чести, дело славы, дело доблести и геройства.

Задача молдавской лексикологии и состоит в том, чтобы исследовать закономерности пополнения словарного состава, отмирания устаревших слов, а также изменения смыслового значения отдельных слов молдавского языка в определенных исторических условиях.

Очередной задачей молдавской лексикологии является исследование взаимоотношений основного словарного фонда и словарного состава молдавского языка.

Границы между этими составными частями лексики меняются в течение исторического развития языка. Беспрерывно изменяясь и пополняясь, словарный состав влияет до некоторой степени и на основной словарный фонд. Такие слова, как *машинэ, мотор, трактор, комбайн, радио, електрикэ* и т. д., в современном молдавском языке из словарного состава переходят в основной словарный фонд, обозначая жизненно важные понятия в трудовой деятельности молдавского народа. Они становятся общенародными. Наоборот, слова, связанные с устаревшей техникой, как *сэчерэ* — «серб», *коасэ* и другие, переходят из основного словарного фонда в словарный состав.

Основной словарный фонд служит семантической и словообразовательной базой словарного состава молдавского языка. Лексические единицы последнего теснейшим образом связаны со словами, входящими в основной словарный фонд. Так, в современном молдавском языке слово *фэцуитоаре* — «гладило» (у каменщиков) посредством глагола *а фэцуи* — «гладить», «облицовывать» связано с лексической единицей основного словарного фонда *фацэ* — «лицо», от которого при помощи морфологических средств молдавского языка образуются такие слова, как: *фэцаре* — «гумно», *фэцуялэ* — «облицовка», *фэцуитор* — «рубанок» (букв. «облицовщик»), *фэциш* — «налицо», *фэцэрие*, *фэцэрниче* — «притворство» (устар. «лицемерие»), *фэцарник* — «лицемерный», *а ынфэцэша* — «представлять», *а ынфэца* — «менять наволочки подушек», *а дисфэца* — «разоблачать» и другие.

Все эти сложные вопросы взаимоотношения основного словарного фонда и словарного состава, а также вопросы взаимоотношения лексики в целом и грамматики должны стоять в центре внимания лексиколога.

Язык является могучим средством в руках художников слова. По выражению В. В. Виноградова, «воздухом литературы является общенародный язык, неразрывно связанный с жизнью и историей народа. Крылья писателя — его мировоззрение, а высота полета зависит от художественного мастерства, от высокохудожественной формы отражения правды жизни»¹.

В свете марксистского учения об основном словарном фонде и словарном составе молдавские писатели имеют возможность точно определить свое отношение к диалектизмам, архаизмам, неологизмам, к словам иностранного происхождения. Писатели, в частности молдавские, получили могучее оружие в борьбе за чистоту и народность литературного языка.

Общенародный молдавский язык, литературное и языковое наследство являются базой молдавских писателей для создания и расширения стилистических средств.

¹ В. В. Виноградов. Некоторые вопросы советского литературоведения. «Литературная газета», 19 мая 1951 г.

Изучение стилевых разновидностей молдавской художественной литературы с точки зрения сталинского учения об основном словарном фонде и словарном составе является очередной задачей молдавской лексикологии.

IV

Наряду с лексикологическими вопросами в молдавском языкознании ставятся вопросы лексикографии.

Учение об основном словарном фонде и словарном составе дает ключ к созданию таких словарей молдавского языка, которые верно отражали бы молдавскую языковую действительность.

Особенно важное значение для развития молдавской социалистической культуры имеет составление больших русско-молдавского и молдавско-русского словарей, которые должны охватить как можно полнее лексическое богатство этих языков. Русско-молдавский словарь, изданный Институтом истории, языка и литературы Молдавского филиала АН СССР в 1949 г., является серьезным шагом в развитии молдавской лексикографии. Но, как первый опыт, этот словарь имеет много недостатков. На некоторых из них я и хочу вкратце остановиться.

Как известно, молдавская лексикографическая традиция небогата. Дореволюционные русско-молдавские словари, в частности словари Балдескула, Чакира и другие, зачастую не отражали общемолдавский язык, а носили диалектный¹, архаический и узко дидактический характер.

Послереволюционные словари (Бучушкану, Кьор и другие) страдали значительными пороками, а главное — марровскими и буржуазно-националистическими извращениями.

Ясно поэтому, что составители и редакторы русско-молдавского словаря 1949 г. должны были преодолеть большие трудности. В словарь включено недостаточное количество лексических единиц. Он имеет лишь около 40 000 слов и выражений (объем словаря 30 а. л.). Кроме того, в словаре отсутствуют именно те слова и выражения, которые труднее всего поддаются переводу. Зачастую в нем нет русских существительных с отвлеченным значением (с суффиксами на -ость, -ство и другими). Так, если в словаре есть молдавские соответствия к русским словам «актив», «активизм», «активизировать», «активист», «активный», то отсутствует слово «активность»; есть слова «оперативный», «оператор», «операционный», «операция», нет слова

¹ См. А. Т. Б о р щ. Молдавская лексикография. Кишинев, 1949, стр. 42, 64, 72.

«оперативность»; есть слова «государственный», «государство», отсутствует слово «государственность» и т. д.

В русско-молдавском словаре 1949 г. в недостаточной мере показаны смысловые оттенки молдавских синонимов. Например, при слове «онеметь» дано: 1) *a амуци*, 2) *a аморци*, *a ынцэпени* без всякого объяснения, что, конечно, затрудняет пользование словарем. В словаре совершенно недостаточно представлена фразеология.

Все эти недостатки русско-молдавского словаря 1949 г. со всей необходимостью ставят задачу создания большого русско-молдавского словаря по типу русско-таджикского 1949 г., т. е. объемом 120—140 а. л. Над таким словарем и работает в настоящее время сектор языка и литературы Института истории, языка и литературы Молдавского филиала АН СССР.

Учение И. В. Сталина о том, что «язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка»¹, заложило научные основы для исторического исследования языка в целом и, в частности, истории слов и словообразовательных элементов. В связи с этим ставится вопрос об исследовании исторического происхождения молдавских слов и о создании историко-этимологического словаря молдавского языка.

Исследовать этимологию слова — это значит проследить историю данной лексической единицы с момента ее появления и до наших дней в связи с историей производства, в связи с историей других видов деятельности человеческого общества.

В результате исторического исследования данного слова выявляются разные стороны истории молдавского народа и особенно исторические взаимоотношения молдавского народа с другими народами. Возьмем к примеру молдавское слово *бае* — «баня». Несомненно, это слово латинского происхождения. В классической латыни была форма *balneum* — «баня», «ванна», переносное — «купание». Но все формы романских языков предполагают другую форму *baneum*, откуда французское *bain*, провансальское *banh*, итальянское *bagno*, испанское *baño*, португальское *banho*. Из романских источников слово проникло и в восточнославянский язык. Вследствие исторических связей с венграми в молдавский язык вошло слово *фередеу* со значением «баня».

На этом примере мы можем убедиться, насколько сложны исторические взаимоотношения между народами и их языками и насколько сложна задача создания историко-этимологического словаря молдавского языка.

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 22.

Серьезной попыткой в деле создания этимологического словаря молдавского языка является работа проф. И. И. Иримца «Современный молдавский язык и его словарный фонд» (рукопись в шести томах), которая могла бы после тщательной редакции в свете сталинского учения о языке быть напечатана.

Еще в 20-х годах великий Ленин ставил перед советскими языковедами задачу: «создать словарь *настоящего* русского языка... словарь слов, употребляемых *теперь* и *классиками*, от Пушкина до Горького»¹.

Настало время начать работу по составлению толкового словаря, рассчитанного на широкий круг читателей, который охватил бы все семантическое богатство молдавского языка.

Отсюда — задача молдавских лексикографов создать толковый словарь молдавского языка.

В связи с большой работой по переводам и особенно в связи с переводом на молдавский язык гениальных произведений классиков марксизма-ленинизма остро чувствуется необходимость разработки политической, экономической, философской и вообще всей научной терминологии. По инициативе нашего Института при Совете Министров МССР еще в 1950 г. была создана терминологическая комиссия. Но, к сожалению, эта комиссия не провела никакой работы. Необходимо создать работоспособную терминологическую комиссию, которая подготовила бы терминологические словари по каждой отрасли науки.

Академик В. В. Виноградов говорит, что «изучение фразеологического творчества на базе основного словарного фонда составляет интересную и важную задачу советского языкознания»².

Нам, в Молдавии, нужны словари фразеологических сочетаний, а также словари синонимов и омонимов. Эти работы имели бы, во-первых, практическое значение, а, во-вторых, выяснили бы многие вопросы истории молдавского языка в связи с историей молдавского народа.

Наконец, нам нужен хороший орфографический словарь, который научно разрешил бы все спорные вопросы в области орфографии. Выпущенный Институтом истории, языка и литературы в 1949 г. орфографический справочник не удовлетворяет в настоящее время культурных потребностей нашего народа.

Таковы основные задачи исследования основного словарного фонда и словарного состава, а также лексикографические задачи молдавского языка.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 35, стр. 369.

² В. В. Виноградов. Значение работ товарища Сталина..., стр. 33.

НЕКОТОРЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ ГРАММАТИЧЕСКОГО СТРОЯ МОЛДАВСКОГО ЯЗЫКА

Молдавские языковеды ведут борьбу за перестройку советской науки о молдавском языке на основе классически ясных положений И. В. Сталина о языке как общественном явлении. Как и все языковеды нашей страны, лингвисты Молдавии направили свои усилия на выполнение новых задач, а именно:

- 1) ликвидация аракчеевского режима, созданного «учениками» и приверженцами Н. Я. Марра;
- 2) преодоление и искоренение антимарксистских положений так называемого нового учения Н. Я. Марра о языке;
- 3) внедрение марксизма в советскую науку о языке.

Третья задача является главной методологической задачей, стоящей перед языковедами нашей страны.

Товарищ Сталин выдвинул также в качестве главной методической задачи — изучение внутренних законов развития языка, с которыми связан национально-самобытный облик, специфика и индивидуальность каждого конкретного языка, равно как и языка молдавской социалистической нации.

Деятельность молдавских языковедов необходимо рассматривать в свете указанных выше сталинских задач, твердо помня при этом мудрый сталинский принцип свободы критики и борьбы мнений.

Для нас, молдаванистов, весьма отрадным является тот факт, что вопросы молдавского языка все более и более привлекают внимание ведущих языковедов братских республик, живым свидетельством чего является и настоящая объединенная сессия двух языковедческих институтов, участники которой движимы единым желанием и стремлением помочь молдавским языковедам в их работе.

Деятельность молдавских языковедов уже была подвергнута в печати справедливой критике. Мы имеем в виду прежде всего печатные выступления академика В. В. Виноградова «Развитие советского языкознания в свете учения И. В. Сталина», старшего научного сотрудника Института языкознания АН СССР Д. Е. Михальчи «Некоторые задачи молдавского языкознания

в свете трудов И. В. Сталина»¹ и ряд выступлений в местной печати. Однако этого далеко недостаточно, и главным образом в отношении оказания конкретной помощи.

Как же молдавские языковеды разрешали задачу ликвидации аракчеевского режима? Прежде всего она должна быть связана с систематической организацией широких творческих дискуссий и свободных обсуждений по насущным вопросам молдавского языкознания. Д. Е. Михальчи прав, отмечая далеко недостаточную активность молдавских языковедов. Справедлив упрек, что мало дискуссий и теоретических конференций было организовано в республике и особенно в вузах и научно-исследовательских учреждениях. Молдавские языковеды ограничились отдельными лекциями, прочитанными перед советским и партийным активом города, да двумя-тремя газетными статьями, появлению которых, правда, предшествовало их обсуждение на республиканской конференции работников начальных, средних и высших школ Министерства просвещения Молдавской ССР. Эти материалы и легли в основу сборника «Вопросы молдавского языка в свете трудов И. В. Сталина», вышедшего из печати.

Совершенно прав акад. В. В. Виноградов в том, что молдавские языковеды до сих пор «еще не обнаружили достаточно творческой инициативы» в разрешении таких кардинальных задач, как: нормализация современного молдавского языка, его взаимодействие с диалектами, его обогащение под влиянием русского языка, создание научной грамматики молдавского языка, образование и упорядочение общественно-политической и научной терминологии, подготовка доброкачественных словарей и т. д.² То, что делается в области исследования основного словарного фонда, грамматического строя молдавского языка и его истории, в области диалектологии, совершенно недостаточно.

Ошибки Н. Я. Марра еще полностью не изжиты и не преодолены окончательно молдавскими языковедами. Мы согласны с В. В. Виноградовым, что применительно к периферии, а следовательно и к Молдавии, следует говорить не о «теории» Н. Я. Марра в целом, а об отдельных ее «элементах», о путаной пропаганде отдельных не менее путаных положений «нового учения» Н. Я. Марра о языке. Но дело, разумеется, не в «элементах». Любое проявление остатков марризма надо беспощадно выкорчевывать, поскольку без ликвидации корней марризма невозможно решать главную методологическую задачу — внедрение марксизма в языкознание. И здесь молдавские язы-

¹ «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», т. X, вып. 3, 1951.

² В. В. Виноградов. Развитие советского языкознания в свете учения И. В. Сталина, стр. 15.

коведы также нуждаются в помощи. Предварительным условием решения этой задачи должна явиться «напряженная идейно-политическая и научно-воспитательная работа по перевооружению кадров бывших сторонников «нового учения» о языке»¹, а также систематическая помощь и руководство в их практической деятельности.

Языковеды должны показать основные закономерности развития грамматического строя любого языка, равно как и молдавского, а это значит — должны раскрыть и проследить его внутренние законы развития и тем решить одну из важнейших проблем советского языкознания применительно к каждому конкретному языку.

Однако, как справедливо отмечалось в передовой статье «Известий АН СССР», «многие... важнейшие проблемы и идеи сталинского учения о языке пока еще не привлекли к себе должного внимания наших языковедов... Сюда относится проблема «внутренних законов» развития языка...»² Причиной тому являются огромные трудности, с которыми столкнулись и сталкиваются советские языковеды. «Вокруг этого вопроса, — пишет В. В. Виноградов, — сгрудилось много противоречивых суждений, много разногласия и путаницы. Большинство языковедов склонны различать общие закономерности развития языка... и внутренние законы развития отдельного конкретного языка или семьи родственных языков. Но некоторые смешивают все это вместе. В то же время некоторые лингвисты готовы отождествить внутренние законы развития языка с какими-то имманентными движущими силами языкового процесса и подвести под эти законы общеизвестные процессы изменений звукового и грамматического строя разных языков. Другие ищут концентрацию внутренних законов преимущественно в развитии грамматического строя как той структурной основы языка, которая оказывается наиболее защищенной, наиболее отгороженной от внешних воздействий, чем другие его части. Иные же видят во внутренних законах развития отдельного языка лишь индивидуальное воплощение, индивидуальную конкретизацию общих законов языка. У других, напротив, возникает стремление считать внутренние законы развития языка общими, универсальными законами, органически вытекающими из функций языка вообще... Некоторые языковеды, в силу создаваемой ими трудности отграничения внутренних законов развития языка от всех иных закономерностей его истории, стараются связать общие законы развития языка, частные законы развития отдельных

¹ Там же.

² «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», т. X, вып. 3, 1951, стр. 213.

языков и все вообще более или менее регулярные языковые процессы в одну цепь, в один ряд»¹. Кстати, проблеме внутренних законов посвящено пока всего две статьи: проф. П. Я. Черных «О связи развития языка с историей народа в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию»² и В. А. Звегинцева «К понятию внутренних законов развития языка»³.

Отсюда, естественно, и вся сложность поставленной задачи нашего сообщения, которая не под силу одному исследователю уже хотя бы потому, что, во-первых, это вопрос внутренних законов каждого конкретного языка, и во-вторых, даже в пределах отдельного языка это вопрос внутренних законов каждой структурной части языка: фонетики, лексики, морфологии, синтаксиса. Следовательно, для решения проблемы внутренних законов необходимы соединенные творческие усилия всех советских языковедов.

В связи с указанным, мы не коснемся вопроса происхождения молдавского языка и его носителя и многих других вопросов. Наше сообщение ограничится констатацией (по возможности в историческом плане) отдельных фактов, происшедших изменений в грамматическом строе молдавского языка, как сложившейся системы, и в связи с этим оно явится лишь попыткой проследить отдельные закономерности данной структурной части языка.

Как и большинство советских языковедов, мы также склонны различать в языке, с одной стороны, общую диалектическую закономерность совершенствования языка, как общественного явления, и, с другой — внутренние законы развития конкретного языка, законы, с которыми, как уже указывалось выше, связано понятие самобытности, национального своеобразия, «качества» языка, словом, всего того, что придает каждому языку особую, только ему присущую специфику.

Исходя из указания И. В. Сталина, акад. В. В. Виноградов определяет внутренние законы развития языка как «законы постепенного развертывания и совершенствования основы языка — его грамматического строя и основного словарного фонда»⁴. Приведенное определение вполне подтверждается фактами из молдавского языка: с одной стороны, мы имеем отдельные лингвистические иллюстрации, свидетельствующие о «постепенном развертывании» грамматического строя, т. е. факты развертывания «собственного», исконно романского материала, и, с другой —

¹ В. В. Виноградов. Развитие советского языкознания в свете учения И. В. Сталина, стр. 25.

² «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», т. X, вып. 3, 1951, стр. 240—256.

³ Там же, вып. 4, стр. 319—335. См. его же ст. в журн. «Иностранные языки в школе», 1951, № 5.

⁴ В. В. Виноградов. Развитие советского языкознания в свете учения И. В. Сталина, стр. 26.

факты совершенствования и обогащения грамматического строя молдавского языка за счет структурных особенностей славянских и главным образом великого русского и украинского языков, что составляет другую закономерность развития молдавского языка вообще, его романской грамматической структуры в частности¹. Последнее определяется, бесспорно, историей носителей соответствующих языков.

Рассмотрим кратко отдельные факты развертывания собственного (романского) материала грамматической структуры молдавского языка.

І. В о б л а с т и м о р ф о л о г и и.

1) Молдавская система склонения имеет обилие пре- и пост-позитивных членов, а именно: а) субстантивальный неопределенный препозитивный (ун, о) и субстантивальный определенный постпозитивный (ул, а); б) адъективальный определенный препозитивный (чел, ча); в) генитивный препозитивный (а, але; ал, ай). Указанной системой членов молдавский язык существенно отличается от прочих языков романской семьи (за исключением румынского), и прежде всего от французского, который знает только единственный — субстантивальный препозитивный член.

2) В морфологической структуре молдавского языка наличествуют явления чередования гласных и согласных. Особенно значительна роль чередования гласных как морфологического средства выражения (и различения) категории числа. Ср. *ом* — *оамень*, *нород* — *нороаде*, *роатэ* — *роць*, *оасте* — *оштэ*; *масэ* — *месе*, *фатэ* — *фете*; *тынэр* — *тинерь*, *вынэ* — *вине*; *вэр* — *верь*, *мэр* — *мерь*; *сарэ* — *сэрэ*, *ладэ* — *лэзь* и т. д. Явление чередования является также средством различения в глаголах категории 2-го л. ед. ч. Ср. *вэд* — *вэзь*, *шэд* — *шезь*, *мэрг* — *мержь* и т. д. Не менее важную роль играет в морфологической структуре языка и чередование согласных. Последнее также служит морфологическим средством различения категории числа. Ср. *нук* — *нучь*, *драг* — *дражь*, *лунг* — *лунжь*, а также средством выражения 2-го л. ед. ч. Ср. *фак* — *фачь*, *скот* — *скоць*, *стриг* — *стрижь* и т. д.

3) Важным морфологическим средством различения категории числа служит также явление мягкости и твердости конечных согласных. Ср. *пом* — *помь*, *плоп* — *плопъ*, *ан* — *ань*; это же явление служит одновременно и средством выражения категории 2-го л. ед. ч. Ср. *кем* — *кемь*, *скап* — *скапъ*, *выр* — *вырь* и т. д.

¹ Формулировка автора не разделяется редакцией сборника.

4) Весьма примечательна в молдавском языке система а ф ф и к с а ц и и, и прежде всего тем, что она дает убедительные примеры проницаемости морфологической структуры молдавского языка в словообразовательной области. Особый интерес в этом отношении представляет собой явление с у ф ф и к с а ц и и. Так, мы встречаемся с различнейшими сочетаниями вещественных и формальных морфем разного происхождения. Ср.: а) сочетание латинских основ со славянскими суффиксами: *гуралив* < латинское *gula* + славянский суффикс -лив (по примеру *говорлив*); *даторник* < латинское *datum* + + славянский суффикс -ник и другие; б) сочетание латинских основ с венгерскими суффиксами: *фуртушаг* < латинское *furtum* + + венгерский суффикс -sag; в) сочетание славянских основ с латинскими суффиксами: *сылинца* < славянское *сила* + латинский суффикс -entia; г) сочетание венгерских основ с латинскими суффиксами: *фэгэдуинца* < венгерское *fogadui* + латинский суффикс -entia; д) сочетание славянских основ с венгерскими суффиксами: *приетешуг* < славянское *приятель* + венгерский суффикс -sug и т. д.

Любопытны в этой связи и факты префиксации. Особенно продуктивны сочетания с **ын** (из латинского *in*), параллельно с такими глагольными новообразованиями, как **ын** + имя существительное: *ынкее*, *ынсэмна*, *ынсэра*, *ыннопта*, *ынкрединца*, *ынбрэцоша*, *ынфэцоша*; **ын** + имя прилагательное: *ымплини*, *ыннэлца*, *ындрепта*, *ымбуна*; **ын** + глагол: *ынкреде*, *ынваинже*, *ынскрие*; **ын** + числительное: *ындои*, *ынтреи*, *ынзэчи* и т. д., имеем и сочетания **ын** с корнями славянского происхождения, о чем будет сказано ниже. Указанные примеры наглядно свидетельствуют о том, что в процессе образования молдавского языка грамматическая романская структура последнего, явившись в процессе скрещивания победительницей, в то же время обогатилась и тем самым усилилась за счет структурных элементов иноязычного происхождения, и прежде всего славянского.

Касаясь вопроса проницаемости морфологической системы молдавского языка в области словообразования, необходимо отметить и следующий не менее любопытный факт: несмотря на наличие в молдавском языке лексического элемента тюркского происхождения, влияние последнего, насколько нам известно, не коснулось морфологии молдавского языка. Так, например, ни один из суффиксов тюркского происхождения не сочетается с корнями латинского, славянского или иного происхождения. Ср. суффикс -лык и -джиу, которые наличествуют в молдавском языке только в лексическом материале тюркского происхождения: *ташлык*, *башлык*; *харабэжиу*, *сакажиу* и т. д. Это значит, что к моменту татаро-монгольского нашествия и оккупации

территории Молдавии в первой половине XIV в. молдавский язык уже имел свою вполне сложившуюся структурно-морфологическую индивидуальность. Приведенные факты наглядно подтверждают слова И. В. Сталина о том, что все ассимиляторские усилия турецких поработителей на Балканах не нанесли никакого ущерба национально-самобытному облику языков, в данном случае грамматической структуре молдавского языка.

5) Молдавский (и румынский) язык богаче французского языка в области местоименной системы, в связи с чем морфологическая система молдавского языка располагает обилием средств выражения косвенного и прямого дополнений; это особенно касается личных склоняемых местоимений. Ср. в молдавском языке *мие, ымь, ми, пе мене, мэ*, во французском — *те*; в молдавском — *ноуэ, не, ни, пе ной, не*; во французском — *pous*.

Но, в отличие от румынского, молдавский язык утратил (в живой речи) группу местоимений типа *ынсумь, ынсэмь, ынсуць, ыншине* и т. д., сведя их к одному *ынсушь*, «конкурирующему» с определительным местоимением *сам* русского происхождения.

В области глагольной системы.

1) Молдавской глагольной системе досталась в наследство форма латинского инфинитива на *-ре* всех четырех спряжений. С течением времени категория инфинитива субстантивировалась, дав обширный разряд отглагольных существительных типа *лэударе, ведере, рыдере, аудзире*. Взамен исчезнувшего инфинитива в молдавском языке образовалась от прежнего инфинитива с утратой окончания *-ре* новая (молдавская) конструкция с предлогом *а*, выполняющая функцию прежнего инфинитива, которую мы и назовем инфинитивной конструкцией. Ср. *а лэуда, а веде, а рыде, а аудзи*.

Правда, в древнемолдавских памятниках (Воронежском кодексе, у Варлаама и других) встречаются еще остатки древнего инфинитива на *-ре*, в «недрах» которого уже наличествует предлог *а*. Ср. *пэрэсици а педепсире крединчошии* (Варлаам, ч. III, 72 б), *сэ не оприм окии де привире лукрури, урекиле де аскултаре кынтече лумешти де юбосте, лимба де грэире клевете* и т. д. Приведенные формы-конструкции *а педепсире, де аскултаре, де грэире* отнюдь не являются отглагольными существительными, что подтверждает падежная форма последующих членов приведенных сочетаний. Известно, что инфинитив требует падежа прямого дополнения, о чем и свидетельствуют дополнения при инфинитивных конструкциях *крединчошии, лукрури, кынтече, клевете* — все они стоят в форме винительного падежа, т. е. как при обычном инфинитиве. Если бы указанные инфинитивные

конструкции были отглагольными существительными, тогда последние потребовали бы и соответствующую им форму косвенного дополнения, т. е. родительный падеж. В этом случае мы имели бы формы: *а педепсире крединчошилор, де аскултаре кынтечелор, де грэире клеветилор, де привире лукрурилор* и т. д., чего в действительности нет.

Указанная форма латинского инфинитива на *-ре* сохранилась еще в древних письменных памятниках в виде исключения в отрицательной форме 2-го л. мн. ч. повелительного наклонения¹. Ср. *ну адунареци* (Варлаам, II б), *ну асуприреци* (В., ч. III, 48 б), *ну аштентареци* (В., 312 б) и т. д. Но затем она также утратила окончание *-ре*, дав бытуюшую в современном молдавском языке форму на *-ць*. Ср. *аскултаць, адунаць* и т. д.

2) В древних молдавских письменных памятниках, главным образом, в переводных, весьма широко употребляется категория простого прошедшего времени, служащая для передачи аориста, часто встречающегося в текстах славянского происхождения. Впоследствии простое прошедшее исчезло в молдавском языке как в текстах, так и в живой речи (между прочим, как и в других живых романских языках), вероятно потому, что между простым и сложным прошедшим временем никакого реального различия нет: обе формы указывают на законченность действия в прошлом. Любопытно, что молдавский язык пошел дальше, чем, например, современный румынский, в котором простое прошедшее еще бытует (как отчасти и в живом итальянском языке), особенно в литературном языке.

3) Молдавский язык, как и прочие романские языки, не сохранил старых (латинских) синтетических форм будущего времени. Это свидетельствует о наметившемся еще в народной латыни разворачивании структуры речи. Указанное разворачивание может быть определено в общих словах, как переход от синтетического строя речи к аналитическому.

Древняя молдавская глагольная система, в сравнении с современной, знала три формы будущего времени. Рассмотрим их.

Первая форма образуется из сочетания настоящего времени вспомогательного глагола *а вои* — «желать» с инфинитивом спрягаемого глагола. Ср. *вою дзиче, (мы) вою дуче, скула (мы) вою* (Варлаам, 9 а); *вери хи* (Варлаам, 31 б); *ва адуна* (Варлаам, 20 б); *вом луа* (Варлаам, 21 а); *веци мынка* (Варлаам, 2 а); *вор дешкиде* (Варлаам, 6 а) и т. д.

Вторая форма образуется из сочетания настоящего времени вспомогательного глагола *а вои* — «желать» с настоящим временем сослагательного наклонения спрягаемого глагола при

¹ В современном итальянском языке наличествует утвердительная форма повелительного наклонения; ср. *ascoltarete*.

помощи союза *сэ* (*сы*) — «чтобы». Ср. *вою сэ (мэ) лупт* (Варлаам, ч. III, 19 б); *вери сэ ведзи* (В., 138 б); *ва сэ хие* (В., 60 б); *вом сэ дормим* (В., 62 б):

Третья форма образуется из сочетания настоящего времени изъявительного наклонения вспомогательного глагола *а аве* — «иметь» с инфинитивом спрягаемого глагола. Ср. *аре а пэци* (В., 73 а); *аре а вени* (В., 166 а); *аре а хи* (В., 322 а) и т. д.

Из приведенных трех форм будущего времени сохранилась только первая — ныне будущее первое, две другие исчезли. Взамен образовалась новая форма — современное будущее второе, — состоящая из формы вспомогательного глагола *а аве* — «иметь» в настоящем времени и настоящего времени сослагательного наклонения спрягаемого глагола, присоединенного при помощи союза *сэ* (*сы*) — «чтобы». Ср. *ам сэ фак, ай сэ фачь, авем сэ фачем* и т. д. Необходимо заметить, что при сходстве форм будущего первого молдавское *ой кынта* и т. д., румынское *voiui cânta* (разница в усеченности в молдавской парадигме формы вспомогательного глагола *а вои* — «хотеть») мы констатируем разницу и в формах будущего второго. Так, в румынском, вместо молдавского *ам сэ кынт*, наличествует форма *voiui fi cântat*¹. Таким образом, по форме будущее второе в румынском языке образовано при помощи вспомогательного глагола *а воі* — «желать» + сочетание инфинитива вспомогательного глагола *fi* — «быть» и причастия прошедшего времени спрягаемого глагола *cântat*, в то время как в молдавском языке оно образовано при помощи вспомогательного глагола *а аве* — «иметь» + настоящее время сослагательного наклонения спрягаемого глагола *сэ кынт*.

Но указанная форма будущего времени в молдавском и румынском языках отличается, кроме того, и в качественно-семантическом отношении. Так, если румынское будущее второе выражает действие, в наступлении которого говорящий полностью не уверен², то будущее второе в молдавском языке, наоборот, выражает полную уверенность в исполнении и наступлении известного действия.

Современный молдавский язык других форм будущего времени не знает. Наоборот, в румынском языке бытует, параллельно с первой формой будущего времени, еще одна форма: *о сэ cânt*, которая характеризует, по свидетельству И. Иордана, преимущественно разговорную (валашскую) речь, но часто проникает и в книжный язык³.

¹ Эти положения, выдвинутые докладчиком относительно категории будущего времени, не полностью разделяются редакцией.

² См. И. Иордан. Грамматика румынского языка. М., 1950, стр. 116.

³ См. там же.

4) Весьма обильной и разнообразной в прошлом была и парадигма прошедшего времени условного наклонения. В памятниках прошлого мы констатируем четыре формы:

Первая форма состоит из настоящего времени условного наклонения вспомогательного глагола *а хи* — «быть», образованного при помощи вспомогательного глагола *а аве* — «иметь» и причастия прошедшего времени спрягаемого глагола. Ср. *дъи хи нэскут* (Варлаам, ч. III, 88 а); *дъи хи фост* (В., 91 б); *аре хи фост* (В., 796) и т. д.

Вторая форма образована из имперфекта вспомогательного глагола *а вре* — «желать» и инфинитивной формы вспомогательного глагола *а хи* — «быть» (без предлога *а*) + причастие прошедшего времени спрягаемого глагола. Ср. *кэдел вря хи тэмэдуит дин боалы, пуцины минуне вря хи фост* (Варлаам, 79 а). Данная форма встречается редко.

Третья форма состоит из имперфекта вспомогательного глагола *а вре* — «желать» и инфинитивной формы спрягаемого глагола без предлога *а*. Ср. *кэ де вря ведя муаря ачя ун ом ку 12 слуд жи, се вря рушина ши ну вря мярдже* (Варлаам, 152 а); *че ом вря фаче витежие ла рэзбою ши вря бируи врэжмашии ачя четыци дин каре ера ел* (В., 187 б).

Четвертая форма состоит из сложного прошедшего времени вспомогательного глагола *а вре* — «желать» и инфинитивной формы спрягаемого глагола без предлога *а*. Ср. *вруту-ци с'ау кэдя, ымпырате, ачест, любов, че арыци акму съл хи арытат май де мулт, сэ ну мы хи мунчит ку атытя мунчи* (Варлаам, ч. III, 77 а); *...сэ штий ши сэ причепе кэ ынтр'алт кип ну с'ау врут пунтя куноаште пунтеря ши ынцелечуня ши дерептатя луй* (Варлаам, 107 б) и т. д.

Из приведенных четырех форм прошедшего времени условного наклонения в современном молдавском языке сохранилась только первая, ныне условное прошедшее, остальные три формы исчезли.

5) В современном молдавском языке выделено в особое наклонение так называемое предположительное наклонение (модул препунэтор). Оно имеет: два времени — настоящее и прошедшее, 2-е и 3-е л. ед. и мн. ч. без различия рода. Настоящее время названного наклонения состоит из будущего времени изъявительного наклонения вспомогательного глагола *а фи* — «быть» и герундия спрягаемого глагола; прошедшее время состоит также из будущего времени вспомогательного глагола *а фи*, но уже не герундия, а причастия прошедшего времени спрягаемого глагола. Данный тип наклонения имеет подтверждение в древних письменных памятниках молдавского языка. Ср. у Варлаама: *ферице де чя че вор хи фыкут милостение сэрачилор* (ч. III, 28 а), с той лишь разницей, что у Варлаама

употребляется вспомогательный глагол *а вре* — «желать» вместо вспомогательного глагола *а фи* — «быть», который употребляется в современном языке. Указанное наклонение отсутствует в румынском языке.

Таковы некоторые факты, свидетельствующие о разворачивании и совершенствовании грамматической структуры молдавского языка.

Теперь кратко остановимся на некоторых фактах, свидетельствующих о совершенствовании и обогащении грамматического строя молдавского языка за счет структурных особенностей грамматического строя славянских языков.

1. В о б л а с т и м о р ф о л о г и и.

Выше мы уже приводили факты обогащения морфологии молдавского языка аффиксами славянского происхождения. Добавим, что:

1) Морфология молдавского языка, кроме суффиксов славянского происхождения, имеет, правда, в меньшей мере, и префиксы славянского происхождения. Так, весьма продуктивным является префикс *не* славянского происхождения, в противоположность румынским префиксам *in* и *des* латинского происхождения.

Не менее продуктивен уже упоминавшийся нами префикс *ын* (латинское *in*), который сочетается с корнями как латинского, так и славянского происхождения. Так, мы имеем глагольные новообразования *ын* + имя, например: *ынрудире*, *ынрудит*; *ындрэзнялэ*; *ындыржит*, *ындыржире*; *ынсфыршит*; *ын* + глагол, например: *ынтоки*, *ынтокмуре*. Менее продуктивен префикс *рэз* — *рэзгынди*, *рэзбате*, *рэскоаче*, *рэсфрынже* и другие. Еще менее продуктивен префикс *по*: *понегри* и другие.

2) В молдавском языке числительные до десяти — романского происхождения, с одиннадцати по девятнадцать, сохраняя романский материал, они построены по славянскому образцу. Ср. *ун* + *спре* + *зэче* (один + на + десять) и т. д. Славянского происхождения и числительное *сто*.

3) В молдавском языке и у глаголов романского происхождения наличествует славянская категория возвратности. Ср. *а се руга* — «проститься», «молиться», *а се супэра* — «обижаться», *а се лумина* — «светиться», *а се ымбрэка* — «одеваться», *а се плынже* — «плакаться», «жаловаться», *а се ындрепта* — «поправляться», «направляться», *а се мира* — «удивляться», *а се лунжи* — «удлиняться» и другие.

II. В области синтаксиса.

В этой структурной части молдавского языка также наличествуют факты, с одной стороны, совершенствования грамматического строя молдавского языка за счет исконно латинского языкового материала и, с другой — совершенствования и обогащения за счет соответствующих структурных элементов грамматического строя славянского (русского) происхождения.

Молдавский язык, сохранив ряд падежных конструкций латинского происхождения, пошел дальше по пути развертывания своей грамматической структуры. Так, например, молдавский (и румынский) язык заменил: а) родительный латинский предложной конструкцией с *де* + винительный падеж: *ам аудзит де...*; *ам афлат де...*; *ам дат де...*; б) конструкцию дательного падежа косвенного дополнения (*дэ мынкаре копилулуй*) — конструкцией с предлогом *ла* (латинское *ad*) + винительный падеж: *дэ апэ ла вите* (как и другие романские языки).

В молдавском языке (как и в прочих романских языках) реализовалась наметившаяся еще в народной латыни тенденция, во-первых, передвижения глагола-сказуемого к началу предложения, во-вторых — утраты падежных окончаний и их замены предложными конструкциями. Для выражения синтаксических отношений и различения падежей молдавский язык, в отличие от всех остальных языков романской семьи, использовал предлог *пе* (древнемолдавское *пре* < латинского *per*), чем был достигнут, вернее, сохранен, свободный порядок слов в предложении и возможность различения именительного — винительного падежей. Ср. *мама юбеште пе копил* — «мать любит ребенка», но возможно и *пе копил ыл юбеште мама*, а также и *юбеште мама пе копил*.

В области синтаксиса, так же как и области морфологии, мы наблюдаем факты совершенствования языка и за счет структурно-грамматических особенностей славянского и, главным образом, русского происхождения, что имеет место в языке и других народов Советского Союза.

Так, молдавскому синтаксису чуждо известное, например французскому (литературному) языку, согласование времен¹; глаголы главного и придаточного предложений стоят, как и в русском языке, в будущем времени. Ср. *кынд ой вени, ной ом ворби*, в то время как во французском языке в придаточном предложении употребляется *futur antérieur*. Аналогичное положение с употреблением времен и в условном наклонении: если во французском языке после *si* условного (в значении «если») вместо *futur simple* употребляется *présent de l'indicatif*, то в мол-

¹ Это положение докладчика не разделяется редакцией.

давском, как и в русском, в придаточном предложении глагол дается в будущем времени. Ср. *дакэ а фи време фрумоасэ, ной не-ом дуче ла примбларе*; во французском *s'il fait beau temps, nous irons nous promener*.

В синтаксисе молдавского языка наличествуют некоторые синтаксические модели, калькированные схемы славяно-русского происхождения:

1) Современному синтаксису румынского языка известна структурная модель, образующаяся при помощи *ну-декым*, являющаяся, с нашей точки зрения, калькой французского *ne-que*. Ср. румынское *ordinea cuvintelor nu și-a putut păstra libertatea decât prin întrebuițarea unor elemente accesorii*. Несмотря на то, что указанная типологическая модель спорадически встречается и в нашей печати, все же молдавский язык следует за образцом современного синтаксиса русского языка, употребляя вместо *ну-декым* молдавское *нумай* — «только».

2) Типична для молдавского синтаксиса структурная модель с двойным отрицанием *ну-ну* — «не-не». Ср. *...ситуация економикэ а Англией ну нумай кэ ну с'а ымбунэțăцит, дар с'а ымрэутэțăцит ку мулт* — «...экономическое положение Англии не только не улучшилось, а значительно ухудшилось»¹.

3) Также характерна для молдавского языка синтаксическая модель типа *ну-пэн ну* — «не», «пока не». Ср. в современном молдавском языке: *н'ам сэ мэ дук, пэн ну мъ-а спуне...* — «не пойду пока не скажет...» и т. д.

4) Наконец, синтаксису молдавского языка известно употребление (не известное остальным романским языкам, кроме румынского) противительного союза *да*: а) в значении русского «но». Ср. *аш фаче, да н'ам кынд* — «сделал бы, да некогда»; б) в значении русского «а»; ср. *да, оаре, ну се поате сэ...* «а нельзя ли...»

Таковы те немногочисленные наиболее характерные, с нашей точки зрения, факты развертывания и обогащения молдавского языка, свидетельствующие об известных закономерностях развития его грамматического строя.

¹ Передовая газ. «Молдова социалистэ», 30 октября 1951 г.; см. передовую газ. «Правда», 28 октября 1951 г.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
О т редак ц и и	3
В. В. В и н о г р а д о в. Основные задачи советской науки о языке в свете работ И. В. Сталина по языкознанию	5
Б. А. С е р е б р е н н и к о в. Проблемы сравнительно-исторического изучения языков и вопросы молдавского языкознания	34
Д. Е. М и х а л ь ч и. Задачи молдавского языкознания	54
В. Ф. Ш и ш м а р е в. Романские языки юго-восточной Европы и национальный язык Молдавской ССР	73
Р. А. Б у д а г о в. Молдавский язык среди романских языков (К постановке вопроса)	121
Р. Г. П и о т р о в с к и й. Славяно-молдавские языковые отношения и вопросы национальной специфики молдавского языка	135
С. Б. Б е р н ш т е й н. Славянские элементы в молдавском языке	150
И. Д. Ч е б а н. Современное состояние научной разработки мол- давского языка и его истории	159
Н. Г. К о р л э т я н у. Задачи исследования основного словар- ного фонда и словарного состава молдавского языка	183
И. К. В а р т и ч а н. Некоторые закономерности развития грам- матического строя молдавского языка	207

Утверждено к печати Отделением литературы и языка Академии Наук СССР

Редактор издательства Д. П. Лбова. Технический редактор Т. А. Землякова.
Обложка художника Н. А. Седельникова

РИСО № 4—70В. Т-03173. Издат. № 3756. Тип. заказ № 1101. Подп. к печ. 13/V
1953 г. Формат бум. 60×92¹/₁₆. Печ. л. 13³/₄. Бум. л. 6,88. Уч.-издат. л. 14,2.
Тираж 2500. Цена по прейскуранту 1952 г. 9 руб. 50 коп.

О П Е Ч А Т К И

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
57	21—20 сн.	скревищанию	скрещиванию
82	20 св.	ἔχων ἃ δᾶς εἰπὼ κᾶτίτν	ἔχω νᾶ σᾶς εἰπὼ κατιτῖ
84	4 сн.	πάλαιεῖναι εἴγεται	πάλαι εἶναι λεγόνται
84	6 сн.	Киннамса	Киннама
94	9 св.	(койнѡ)	(койнѡ)
145	18 сн.	(regon	(regn
161	16 сн.	сперие	спериа
186	12 сн.	борона	боронѡ

Вопросы молдавского языкознания.

ер. 50к

Вопросы молдавского языкознания